

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ilfandpetrov.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ilfandpetrov.ru/> Приятного чтения!

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров

Идейный Нинудыкин

Вася Никудыкин ударил себя по впалой груди кулаком и сказал:

– К черту стыд, который мешает нам установить истинное равенство полов!.. Долой штаны и долой юбки!.. К черту тряпки, прикрывающие самое прекрасное, самое изящное, что есть на свете, – человеческое тело!.. Мы все выйдем на улицы и площади без этих постыдных одежд!.. Мы будем останавливать прохожих и говорить им: «Прохожие, вы должны последовать нашему примеру! Вы должны оголиться!» Итак, долой стыд!.. Уррррра!..

– И все это ты врешь, Никудыкин. Никуда ты не пойдешь. И штанов ты, Никудыкин, не снимешь, – сказал один из восторженных почитателей.

– Кто? Я не сниму штанов? – спросил Никудыкин упавшим голосом.

– Именно ты. Не снимешь штанов.

– И не выйду голым?

– И не выйдешь голым.

Никудыкин побледнел, но отступление было отрезано.

– И пойду, – пробормотал он уныло, – и пойду...

Прикрывая рукой большой синий чирый на боку, Никудыкин тяжело вздохнул и вышел на улицу.

Накрапывал колючий дождик.

Корчась от холода и переминаясь кривыми волосатыми ногами, Никудыкин стал пробираться к центру. Прохожие подозрительно косились на сгорбленную лиловую фигуру Никудыкина и торопились по своим делам.

«Ничего, – думал отважный Никудыкин, лязгая зубами, – н... н... иче-го... погодите, голубчики, вот влезу в трамвай и сделаю демонстрацию! Посмотрим, что вы тогда запоете, жалкие людишки в штанах!..»

Никудыкин влез в трамвай.

– Возьмите билет, гражданин, – сказал строгий кондуктор.

Никудыкин машинально полез рукой туда, где у людей бывают карманы, наткнулся на чирый и подумал: «Сделаю демонстрацию».

– Долой, это самое... – пролепетал он, – штаны и юбки!

– Гражданин, не задерживайте вагон! Сойдите!

– Долой тряпки, прикрывающие самое прекрасное, что есть на свете, – человеческое тело! – отважно сказал Никудыкин.

– Это черт знает что! – возмутились пассажиры. – Возьмите билет или убирайтесь отсюда!

«Слепые люди, – подумал Никудыкин, отступая к задней площадке, – они даже не замечают, что я голый».

– Я голый и этим горжусь, – сказал он, криво улыбаясь.

– Нет, это какое-то невиданное нахальство! – зашумели пассажиры. – Этот фрукт уже пять минут задерживает вагон! Кондуктор, примите меры!

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
И кондуктор принял меры.

Очутившись на мостовой, Никудыкин потер ушибленное колено и поплелся на Театральную площадь.

«Теперь нужно сделать большую демонстрацию, – подумал он. – Стану посредине площади и скажу речь. Или лучше остановлю прохожего и скажу ему: прохожий, вы должны оголиться».

Кожа Никудыкина, успевшая во время путешествия переменить все цвета радуги, была похожа на зеленый шагреневый портфель. Челюсти от холода отбивали чечетку. Руки и ноги скрючились.

Никудыкин схватил пожилого гражданина за полу пальто.

– П...п... прохожий... ввввв... долой... ввввв... штаны... ввввв...

Прохожий деловито сунул в никудыкинскую ладонь новенький, блестящий гривенник и строго сказал:

– Работать надо, молодой человек, а не груши околачивать! Тогда и штаны будут. Так-то.

– Да ведь я же принципиально голый, – пролепетал Никудыкин, рыдая. – Голый ведь я... Оголитесь, гражданин, и вы... Не скрывайте свою красоту...

– А ты, братец, работай и не будешь голый! – нравоучительно сказал прохожий.

Никудыкин посмотрел на гривенник и заплакал. Ночевал он в милиции.

1924

Гусь и украденные доски
Рассказ провинциального поэта

Ксаверий Гусь обладал двумя несомненными и общепризнанными качествами: большим красным носом и не менее большой эрудицией. Первое было необъяснимо. Второе он заимствовал на юридическом факультете. До революции он был помощником присяжного поверенного. О своем былом величии он вспоминал редко, предпочитая довольствоваться величием настоящего. Впрочем, служба в Уголовном розыске не мешала ему петь баритоном (именно баритоном): «Во Францию два гренадера...» под мой аккомпанемент в нашем неприхотливом сельском театре.

Я служил в «Югросте» районным корреспондентом. Служил честно и ревностно: разъезжал по волисполкомам и собирал животрепещущие сведения. В то, полное лишений, но от этого трижды прекрасное время я за день успевал бывать в разных концах моего района. В невозмутимых немецких колониях я рычал передовицы и хронику с клубных подмостков (систематическое проведение устных газет на местах). В безалаберных украинских селах я лихорадочно записывал в блокнот повестки дня очередных волсъездов. В степных хуторках я воевал со стаями одичавших собак. А сидя в подводе, нырявшей в желтых хлебах и зарослях кукурузы, под синим украинским небом я сочинял стихи. Все шло прекрасно, если бы не эта встреча. Эта встреча меня подкосила.

Мы встретились с ним в Народном доме. Я сидел за пианино. Рядом со мною сидела она. Она была блондинкой и, занимаясь педагогической деятельностью в местной школе, незадолго до этого знаменательного дня покорила мое честное корреспондентское сердце. Он вошел в залу в сопровождении милиционера, смерил мою соседку с головы до ног и сказал своему попутчику свистящим шепотом:

– А она недурна, эта блондинка.

Потом он посмотрел на меня в упор и сказал:

– Потрудитесь предъявить ваши документы.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
Несмотря на июльскую температуру и треххаршинный мандат в кармане, я похолодел.

– Позвольте, товарищ, в чем дело? Кто вы такой?

– Кто я такой? Это мне нравится, – сказал он, поглядывая на мою даму, – я начальник Уголовного розыска Первого района. Потрудитесь предъявить документы, ибо в противном случае я буду вынужден вас арестовать.

Он внимательно прочитал мой широковещательный мандат.

– Простите. Маленькое недоразумение. Я ошибся. Во всяком случае, будем знакомы. – Он протянул руку. – Гусь. Ксаверий. А это милиционер Буфалов. Теперь ты, Буфалов, иди в район и скажи Перцману, что я сейчас приду.

Он познакомился с моей блондинкой и, живописно облокотившись на пианино, стал говорить. Он начал музыкой и кончил грустным повествованием о краже со взломом двух гнедых кобыл. В промежутке он сообщил нам, что у него есть жена – пианистка и брат – секретарь Губревтрибунала.

Вечером мы были уже друзьями. Разгуливая по главной улице села, мы говорили, говорили и говорили. Он с энтузиазмом рассказывал о своих приключениях. Я восторгался. Слова: рецидивист, взломщик, убийца и бандит склонялись нами в единственном и множественном числе в продолжение четырех часов. Я был подавлен величием моего нового приятеля. Он предложил мне поступить в Уголовный розыск. Я долго не решался. Он корил меня. Он рисовал мне соблазнительные картины. Он показал мне «кольт». Я согласился.

Лежа в постели, я впервые за две недели не думал о покорившей меня блондинке. Я думал о моей будущей карьере. Мне приснился ужасный сон: я сидел в засаде и, сжимая в руке «кольт», поджидал бандита. Он появился. Я крикнул «руки вверх» Он, не обращая на меня внимания, шел. Я спустил курок. Осечка. Еще раз. Осечка. Еще. Осечка. Бандит шел прямо на меня. В его руке сверкнула бомба... Я проснулся, обливаясь холодным потом. Рассветало. Пели петухи.

В десять часов утра я был уже в милиции. Дежурный милиционер указал мне на дверь с табличкой – «Кабинет начальника Уголовного розыска. Без доклада не входить». Я был ошеломлен. Я попросил милиционера доложить о себе. Милиционер доложить отказался и, пнув ногой дверь, пригласил меня войти.

В небольшой комнате с деревянным полом и ободранными обоями стоял большой стол. За столом сидели Гусь и неизвестный мне здоровенный мужчина, который склеивал вместе несколько больших, испещренных цифрами, листов бумаги. Получалась простыня, которую он аккуратно развешивал на спинках стульев. В то время я был еще наивен В то время я еще не знал, что эта простыня просто-напросто отчетная цифровая ведомость за июнь месяц.

Гусь встретил меня с достоинством.

– Здравствуйте. Познакомьтесь. Мой сотрудник Перцман. А это, Перцман, ваш будущий коллега.

– Вы умеете вести настольный реестр? – прогудел Перцман.

Этот вопрос поставил меня в тупик. Я пробормотал что-то о борьбе с бандитами.

– Какие там бандиты, когда чуть ли не каждый день нужно всякие ведомости посылать в Управление.

Перцман злобно плюнул и продолжал клеить.

– Молчите, Яша. Что вы мутите человека. Не пройдет и недели, как я достану делопроизводителя, и все пойдет как по маслу. Пишите заявление, – сказал Гусь.

Я написал. Он размашистым почерком наложил резолюцию: «Ходатайствую о зачислении», – и сказал:

– Сегодня же я отошлю ваше заявление в город, и не позже, чем через три дня, вы сможете приступить к исполнению служебных обязанностей.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

Он порылся в делах и крикнул в пространство:

– Дежурный! Приведите арестованного Сердюка.

Мое сердце екнуло. Мне предстояло присутствовать при допросе. Даже сейчас, когда мое сердце за три года успело окаменеть, я без содрогания не могу вспомнить об этом допросе.

Когда вводили арестованного, Гусь шепнул мне:

– Смотрите и учитесь.

Он облокотился на стол и уткнул нос в дела. Арестованный переминался. Я затаил дыхание. Перцман шуршал бумажной простыней. Минута напряженного молчания показалась мне вечностью. Вдруг Гусь вскочил и изо всей силы тарарахнул кулаком по столу.

Я похолодел.

– Где доски?! – закричал Гусь раздирающим голосом.

– Не могу знать, – прошептал арестованный и, прижав руки к груди, побожился.

– Где доски, я спрашиваю?!

– Та я ж...

– Где доски? Говори. Я все знаю. Куда ты их спрятал?

– Ей-богу, не знаю. Товарищ начальник, вы дядьку Митро допросите. Они вам все подтвердят, как я в тот день дома сидел.

– Где доски?!

Арестованный молитвенно сложил руки. Гусь с рычанием бегал вокруг него и потрясал кулаками стол. Я замер. Перцман спокойно клеил. Гусь с добросовестностью испорченного граммофона хрипел:

– Где доски? Говори! Где доски? Говори! Где доски? Говори!!

Арестованный молитвенно сложил руки.

Гусь сел на свое место и стал перелистывать дело. Он, несомненно, что-то замышлял. Перцман сложил простыню и стал запаковывать ее в конверт, равный по величине детскому гробику.

Гусь судорожным движением откинул волосы и откашлялся. Глаза его наполнились слезами. Он начал проникновенным голосом:

– Эх, Сердюк, Сердюк... Кажется, таким хорошим хозяином были... Да вы садитесь. Да... Нехорошо, нехорошо... Значит, вы утверждаете, что о досках, которые вы укра... то есть взяли, вы якобы понятия не имеете? Да?

– Так точно, – сказал арестованный и сделал глотательное движение, – не могу знать.

– Так, так... – продолжал Гусь, – а я вот имею понятие. Да. А так как вы не хотите мне об этом рассказать, то я вам расскажу. В ночь с тринадцатого на четырнадцатое июня у гражданина села Васильевки Гоговича неизвестными злоумышленниками были похищены пять сосновых досок. Кража пустяшная, но дело, конечно, не в количестве и не в качестве украденного, а в принципе. Вы меня понимаете?

– Так точно, – прошептал арестованный, – очень хорошо понимаем. Только я...

– Ну-с, – продолжал Гусь, – как же это произошло? А вот как это произошло: некий крестьянин, ни в чем ранее не замеченный, хороший и семейный хозяин, не отдавая

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru сам себе отчета в том, что он делает, и находясь, я бы сказал, в состоянии аффекта, по фамилии Сердюк, сказал своему приятелю... Этому, ну, как его? Черт возьми, забыл его фамилию..

Гусь щелкнул пальцами и взглянул на свою «жертву».

– Как его фамилия?

– Не могу знать.

Гусь поморщился.

– Ну, все равно, скажем – иксу. Так вот, он сказал иксу: «Послушай, икс, давай пойдем к Гоговичу и возьмем у него пять сосновых досок». «Давай, – сказал икс, – пойдем и возьмем у Гоговича пять сосновых досок». Они пошли. Это было в ночь с тринадцатого на четырнадцатое июня. Была безлунная ночь. Где-то лаяли собаки (Гусь подмигнул мне глазом). Сердюк и икс перелезли через заборчик и подошли к сараю. Собака Гоговича залаяла. Сердюк и икс сломали замок, вошли в сарай, взяли доски и вынесли таковые из усадьбы вышеуказанного Гоговича. Непосредственно затем они спрятали эти доски. Я знаю, куда они спрятали эти доски. Я даже очень хорошо знаю, куда они спрятали вышеуказанные доски; но я не хочу сейчас об этом говорить. Я хочу, чтобы вы сами нам об этом рассказали. Почему же я хочу, чтобы вы сами нам об этом рассказали? А вот почему. Потому что мне жалко вас. Мне жалко вашей погибшей молодости. Мне жалко вашей бедной покинутой жены. Мне жалко ваших крошечных детей, которые, хватаясь ручонками за... за что попало, будут кричать: «Где наш папа?» Да... Дело не в досках. В конце концов что такое доски? Ерунда. Тем более что в любой момент я могу их взять, так как знаю, где они спрятаны. Но что тогда будет с вами? Вас запрут в тюрьму. Да. Возьмут и запрут в тюрьму. Запрут не за то, что вы взяли доски. Нет. А за то, что не хотите в этом сознаться. Если вы сознаетесь, я вас сейчас же освобожу. В противном случае я принужден буду запереть вас в тюрьму. Скажите только одно слово: сознаюсь – и вы свободны. Ну?

– Сознаюсь, – прошептал арестованный и махнул рукой.

Гусь ожил.

– Вот и великолепно. Я так и зная, что вы сознаетесь.

Гусь торжествующе посмотрел на меня. Арестованный встал и покосился на дверь.

– Мне можно идти?

– Пойдите! Где же доски?

– Да вы ж, товарищ начальник, знаете, а мы не можем знать, потому мы такими делами не занимаемся.

– Да ведь вы сказали – «сознаюсь»?

– Не могу знать.

Гусь вскочил и треснул кулаком по столу.

– Какого ж черта ты мне морочил голову столько времени?

Вежливый арестованный молчал.

– А? Как вам нравится этот фрукт? – спросил меня Гусь.

Гусь взял лист бумаги и обмакнул перо в чернила.

– Ну-с, Сердюк, теперь мы приступим к официальной части допроса. Как твоя фамилия?

– Моторный.

Я взглянул на Гуся и ужаснулся. На его лице прыгала ядовитая усмешка. Он

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru прошипел:

– Что? Вы говорите, то есть, вернее, вы выдаете себя за Моторного? Так я вас понимаю?

Арестованный стал на колени.

– Ваше сия... Господин товарищ начальник... Ей-богу... – Он перекрестился. – Я Моторный. Павло. Хотя всю деревню спросите. Сердюк Васька в одной камере со мной сидит. Что самогонку гонял – это верно. Было такое. Сознаюсь. А воровать – никак нет... Не решаюсь... – Он зарыдал.

Гусь прогулялся вокруг стола и стал насвистывать: «Во Францию два гренадера»... Моего взгляда он избегал.

Когда арестованного увели, Гусь закричал в пространство:

– Дежурный! Приведите Сердюка! Для допроса. Понимаете? – Сер-дю-ка!!!

Я вышел на носках.

1927

Семейное счастье

I

К дому № 6, что по Козихину переулку, с двух противоположных сторон приближаются два совершенно различных по виду человека. А так как дом № 6 является местом действия предлагаемого вниманию читателей рассказа и приближающиеся к дому люди суть герои этого рассказа, автор пользуется случаем для того, чтобы познакомить читателя с вышеозначенными героями, пока они не успели еще столкнуться в подворотне.

Абраша Пурис носит очки и отличается стойкостью характера. Если разбудить Абрашу ночью и спросить его, что такое капитал, – Абраша бодро сядет на постели и ответит на этот ехидный вопрос лучше самого Богданова, популярного автора той самой политекономии, которую Абраша любит больше всего на свете. Абраша Пурис – светлый идеалист. Он может целый день ничего не есть, и не потому, что у него нет денег, а потому, что принятие пищи – очень хлопотливое дело, в особенности если оно связано с хождением в столовку. Идет Абраша по улице быстро, натываясь на прохожих и ежеминутно рискуя попасть под колеса автомобиля. К груди Абраша прижимает столбик толстых книг, придерживая их для крепости подбородком. Под мышкой у Абраши пачка газет, которые рассыпаются. Случается это обыкновенно в самом центре какой-нибудь большой и шумной площади. Чтобы спасти газеты, Абраша осторожно ставит книги на мостовую и начинает гоняться за газетами, как хлопотливая хозяйка гоняется за курицей для того, чтобы ее зарезать. Наконец Абраша подбирает газеты, спокойно свертывает их в тугую пачку и, зажав ее правой рукой, пытается при помощи свободной левой и подбородка поднять книги и установить их на груди. На помощь Абраше приходят нетерпеливый шофер ближайшего автобуса, постовой милиционер и несколько добровольцев из публики. Прижав книги подбородком, Абраша лепечет своим спасителям слова благодарности и со сбившимися на нос очками смело отправляется в дальнейший путь, расталкивая прохожих, спотыкаясь и пугая ломовых лошадей. Абраша очень худ и черен. Его кожанка до такой степени вытерлась и порыжела, что, похожа скорее на уцелевшее со времен турецкой войны боевое седло, чем на общеизвестную часть мужского туалета, именуемую курткой.

Жоржик Мухин носит галстук бабочкой, чистит ботинки кремом «Функ», брюки – веничком «Счастье холостяка», а зубы – пастой «Идеал девушки». По воскресеньям Жоржик бреется самобрейкой «Жиллет» и ходит в кинематограф «III Интернационал». Если Жоржика разбудить ночью и спросить его, что такое капитал, Жоржик ответит на этот вопрос не сможет, как не сможет, впрочем, ответить на него и днем, при полном солнечном свете. По улице Жоржик идет не спеша, заложив свободные от книг руки в карманы, гордо подняв розовый с ямочками подбородок, держа в зубах папиросу «Ява» и вежливо уступая дорогу прохожим. Обедает Жоржик каждый день в общедоступной греческой столовой «Приятная польза», выпивает при этом бутылку пива, а вечером ужинает колбасой и булкой. Вот, собственно, и все, что можно сказать о Жоржике Мухине, тем более что пешеходы уже поравнялись с подворотней

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров i1fandpetrov.ru
дома № 6 по Козихину переулку и у автора нет больше времени для описания своих
героев.

– Здорово, Абрашка! Сколько книг потерял по дороге?

– Ни одной.

Подбородок Абраши приходит в движение, отчего книги, покорные закону Ньютона,
нежно колышутся и собираются совершить беспересадочный полет на землю.
Вмешательство Жоржика спасает положение.

Разделив ношу поровну, приятели входят во двор, сворачивают вправо и поднимаются
по ободранной, пахнущей кошками лестнице на третий этаж, где на клеенчатой двери
прибита картонная дощечка с надписью: «Звонить: Сорокову – 1 раз, Бородулиным –
2 раза, Клейстеру – 3 раза, Собаковой – 4 раза, Пурису и Мухину – 5 раз».

– Собаковой? – подмигивает Жоржик.

– Вали Собаковой.

Жоржик четыре раза прижимает кнопку. Клеенчатая дверь скрипит петлями, слышится
мелодичное: «Шляются тут! Ключа не могут заказать!» – и друзья протискиваются в
квартиру.

II

– Абраша!

– А?

– Слушай Абраша, я...

Жоржик Мухин останавливается посреди пустой дощатой, похожей на цирковую
уборную, комнаты и строго добавляет:

– я женился, Абраша. Понимаешь? я сегодня женился, ты понимаешь?

– Да, я понимаю, – говорит Абраша подумав.

– Как? Ты? Понимаешь? Ты?

– Да. Я понимаю. Даже вполне понимаю.

– Но ведь ты всегда был противником брака! – с отчаянием восклицает Жоржик.

– Теперь я больше не противник, – слабо улыбается Абраша, – теперь я больше не
противник. Я тоже женился. Сегодня.

Жоржик падает на продавленный волосатый диван и долго дрыгает ногами. Потом
смотрит на Абрашу.

– Ты врешь, Абрам, ты не женился.

– Я все-таки женился. Честное комсомольское слово.

– А я, дурак, думал тебя удивить.

– Я тоже думал... удивить.

– А я хотел просить тебя уступить мне комнату. Думал, ты сможешь отлично
устроиться у Юшки... Понимаешь, на время.

– Я тоже. Хотел просить... На время... У Юшки.

– Здорово!

Друзья молчат.

– Как же будет? – говорит Жоржик, любовно оглядывая комнату.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

– Черт его знает!

Пауза.

– Придется жить вместе.

Вздых.

– Придется.

Вздых.

Выход найден.

Ах, молодые люди, молодые люди! Не женитесь, молодые люди! Ай, не женитесь! Брак – это, это... трудно даже рассказать, насколько ответственная и серьезная вещь брак, в особенности при жилищном кризисе, в особенности когда ваш месячный бюджет колеблется между семьюдесятью пятью и шестью рублями, когда вся ваша мебель состоит из археологических древностей, которым в первую очередь следует отнестись волосатый клеенчатый диван и садовую скамейку, и когда ночью вам приходится укрываться старым демисезонным пальто.

– Кто она? – спрашивает Жоржик.

– Катя.

– Ну-у-у? Секретарь ячейки?

– Честное комсомоль... А твоя?

– Марусяка. Знаешь, блондиночка такая.

– Знаю. Мещанка.

– Ну, что ты! Какая же она мещанка? Просто хозяин венный уклон. Любит принарядиться. Ну, там цветочки разные.

Жоржик не находит слов. Ведь хозяйственный уклон – уклон не опасный и даже наоборот. Жоржик отлично понимает всю ответственность положения. Он постарается перевоспитать, хотя, в общем и целом, он и сам любит домашний уют. Семейный очаг! Семейный очаг! В конце концов семейный очаг не так уж плохо, черт возьми!

Тогда уравновешенный Абраша откашливается, протирает очки и раздражается обширной прочувствованной речью о браке, о советском браке и условиях капиталистического окружения.

– В первую голову, дорогие товарищи, что такое брак и какую таковой преследует цель? Брак – это соединение двух различных, – понимаете ли, различных, – полов с целью... Да. С целью чего? Вот кардинальный вопрос, который мы должны поставить во главу угла. С какой же целью? С целью, отвечу я, товарищи, общественной работы и воспитания масс. Да...

Абраша вытирает потный лоб.

Произнести хорошую речь очень трудно. Ах, как трудно, в особенности когда речь касается самого себя, когда в Москве жилищный кризис, когда бюджет колеблется от... Абраша устал.

Тишина.

Смутный августовский вечер наступает быстрее обыкновенного. Стекла густо синеют. Комната превращается из цирковой уборной в просторный семейный склеп на восемь персон. Садовая скамейка и клеенчатый диван принимают очень чинный и даже официальный вид.

В кухне негромко и нудно ругаются супруги Бородулины: «Я говорил, что перегорит, вот и перегорел!» – «А я что говорила? Что я говорила?» – «Я, матушка, не знаю,

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
что ты говорила, но зато я от-че-тли-во знаю, что ты дура!» – «Сам дурак!»

Звонок. Три... Четыре... Ото!.. Пять!

– Это Маруся, – говорит Жоржик.

– Или Катя, – думает Абраша вслух.

III

Маруся.

– Ах, Жоржик! Ты здесь живешь, Жоржик? Какой длинный коридор! Почему здесь темно? Ах, а это что? Почему здесь садовая скамейка? Здесь же не сад! А это кто? Ах, здесь так темно. А! Товарищ Пурис... Мы, кажется, знакомы... Здравствуйте, товарищ Пурис! О! Вы не платили за электричество? Но почему же?... Зажгите же что-нибудь. На чем ты спишь, Жоржик? Как! На этой штуке? Как! У вас нет ни одного стула! На чем же вы сидите? Ах, на диване! А стол? У вас нет стола? Как же вы обедаете? Вы не обедаете! А чай? Вы не пьете чаю? Вы не ужинаете? Ах, иногда! На подоконнике?

– Маруся, – говорит Жоржик хрипло, – Пурис тоже женился. Нам придется жить всем вместе. Но ты, Маруся, не бойся. Мы сделаем перегородку. Тут два окна. Мы сделаем перегородку завтра.

– Мы сделаем перегородку завтра, – как эхо повторяет Абраша.

Маруся морщит гладенький, нежный, малообещающий лобик. Она обнимает Жоржика за шею и прижимает тепленькую щеку к бантику-бабочке.

– Какая неожиданность! Почему ты не сказал об этом раньше, Жоржик? Я тогда не ходила бы с тобой в загс сегодня. Ты не зна-ал!.. Бедненький... Ну, перегородка так перегородка! А сегодня? Как же будет сегодня? Ну, ну, переночуем как-нибудь, раз мы уже все равно были в загсе. Я сбегая к сестре и принесу часть своих вещей. Устроимся. Какая наша половина, Жоржик? Вот эта? И диван? Очень мило. Боже, как много книг! До свидания, товарищ Пурис, вы разрешите, я буду называть вас по имени – Абраша. У вас очки, Абраша... Вы плохо видите? Бедненький!.. Я не прощаюсь. Я приду через полчаса... У вас нет часов? Как же вы узнаете время? Счастливые часов не наблюдают... Значит, я не прощаюсь. До свиданья!

Видение, чудесное видение с ультрахозяйственным уклоном исчезает. Друзья молчат. Вставленная в бутылку свеча своим неровным дрянным светом способствует превращению семейного склепа «Пурис и Мухин» в пустующую камеру для предварительного заключения в провинциальном районе милиции.

Жоржик критически озирает комнату. Что ж! Кубатура большая, но эти дощатые стены, эта паутина в углах, эти окурки – неимоверное количество окурков, какие-то бумажки и пыль! И как это он раньше не замечал? Да еще считал себя аккуратным человеком. А Абраша?

Абраша сидит на скамье в позе человека, проводящего воскресное утро на Тверском бульваре. Он читает газету. Он углублен. В стеклах его очков горят маленькие сусальные свечечки. Статья в «Правде» сегодня необыкновенно интересна. Вчера, впрочем, тоже была очень интересная статья. А завтра будет «Международная неделя». В полноте Абрашиного счастья усомниться трудно. Абраше все равно. Абраша заранее на все согласен, лишь бы у него были книги и, конечно, газеты. Или, может быть, это только так кажется?

Звонок. Пять резких, уверенных звонков. Явление следующее. Те же и Катя. Кожанка. Портфель. Клетчатая кепка. Черные кудряшки. Цыганские глаза. Мужская походка. Великолепная натура для портрета во весь рост. Прекрасный живописный материал для ахровца-бытовика и подписи: «Наша смена».

– К вам сюда можно? (У Кати прелестный низкий голос.) Здравствуй, Абрам! Здорово, Мухин! Что ты читаешь? Ага... Я уже успела прочесть. Ты переговорил с Мухиным? Что? Мухин женился? Ты женился, Мухин? Поздравляю!.. Чепуха!.. Устроимся как-нибудь!.. Смотри, Абрашка!

Катя подсаживается к Абраше на скамейку (совсем свидание на бульваре) и достает

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
из портфеля книжку.

– Это здорово! И где ты достала? Я уже давно хочу ее прочесть. Молодец, Катя!

Абраша доволен, но сначала все-таки нужно окончить статью.

– Я буду подготавливаться к докладу.

Катя сбрасывает куртку и кепку, встряхивает волосами и подсаживается к подоконнику.

– Катя! Послушай! – Жоржик задирает ноги на спинку дивана и закуривает. – Тебе нравится наша комната?

Жоржик пускает колечко дыма, протыкает его пальцем и ждет ответа.

– Мгу! Что ты говоришь? Мне? Ну да! Конечно! Отличная комната! А что?

– Ничего. Просто интересно.

«Странная девчонка, эта Катя! – думает Жоржик. – Сейчас не двадцатый год. Можно было бы одеваться и поизящнее».

Тишина. Жоржик мечтает на диване. Катя делает пометки карандашом в толстой клеенчатой тетради. Абраша читает статью.

«Интересная статья, – думает Абраша. – Как она сказала? „Вы плохо видите? Бедненький!“ Какое ей дело? Мещанка!.. Вывоз леса за текущий операционный год выражается в довольно высоких цифрах.. Она не пошла бы с ним в загс, если бы знала... Скажите пожалуйста... Экспортно-импортный пляя выявил ряд... М-м-мещанка!.. Что такое загс? Предрассудок... Уступка мелкой буржуазии и крестьянству».

«Книги, книги, – думает Жоржик. – Одни книги, доклады и заседания... А жить же нужно! Не понимаю... Нужно жить немножко и для себя... Это тоже УКЛОН, конечно, и уклон не менее вредный, чем кухня, пеленки и домашнее корыто... Нужно перевоспитать Маруську. Это трудно, но это моя обязанность... Да, обязанность... Женщина прежде всего должна быть женственной... Кепка, кожанка... Скажите пожалуйста!.. И портфель. А ногти, наверное, грязные. Надо будет посмотреть...»

«Начинается новая жизнь, – думает Катя, – но эта новая жизнь не должна изменять наших привычек... Цель брака, это – общественная работа... Хороший парень Абрашка, только немножко рассеянный».

IV

Фанерная перегородка проложила резкую черту между ослепительным богатством Мухина и открытой нищетой Пуриса.

В «половине» Пурисов так же пусто, как в желудке рабфаковца за три недели до стипендии. Забракованный Марусей непосредственно после первой брачной ночи археологический волосатый диван сейчас – основная мебель жилища молодых Пурисов. Садовая скамья успешно заменяет книжный шкаф, а верный, испытанный друг – облупленный подоконник – служит молодой чете письменным столом и буфетом одновременно. Катина старая корзиночка вмещает весь семейный гардероб, а большие клубные портреты Маркса и Ленина, прикрепленные к фанерной перегородке, смягчают общий вид пурисовской жилплощади.

У Маруси совершенно явный и определенный хозяйственный уклон.

Распевая неверным, детским голоском «Сильва, ты меня не любишь, Сильва, ты меня погубишь», Маруся совершает регулярные рейсы между домом № 6 по Козихину переулку и Большой Полянкой, где Маруся обитала до своего замужества. Каждый такой рейс обогащает «половину» Мухиных разными полезными вещами, среди которых доминирующее положение занимает пузатый коричневый комод – Марусино приданое. На окнах, как победные флаги, развеваются чистенькие ситцевые занавески – эмблема семейного очага. Швейная машинка украшает начисто вымытый и выскобленный подоконник. Зеркало на комодe отражает портрет Марусиногo дедушки-машиниста в молодости, а у дверей, тщательно прикрытые простыней, висят платья молодой хозяйки и «воскресные» штаны молодого хозяина. На полочке, застланной вязаной

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров i1fandpetrov.ru салфеткой, аккуратненько лежат Жоржины вещи: бритва «Жиллет» в футляре и паста «Идеал девушки». Венчик «Счастье холостяка» тоже не забыт – он висит на гвоздике, готовый каждую минуту обрушиться на пыльные Жоржины брюки.

А кровать? Чудесный пружинный матрац на двух пустых ящиках съел, правда, половину Жоржиной полочки, но зато он вполне заменяет кровать и потом он очень красив, в особенности когда покрыт шерстяным синим одеялом и снабжен горкой пухлых белоснежных подушек. В кухне, рядом с примусами Бородулиных, Клейстеров и Собаковой, мелодично шипит новенький, сияющий мухинский примус – свадебный подарок Марусиной сестры, а на примусе в алюминиевой кастрюле (3 р. 60 коп.) кипит первый семейный суп с лапшой.

– Жоржик! Наконец-то ты пришел, Жоржик! Я так соскучилась... Ты устал, бедненький! Дай я поцелую тебя в носик. Ты проголодался, бедненький. У нас сегодня суп с лапшой. Ты любишь? И котлетки. Маленькие, маленькие котлетки...

Маруся гордо произносит это «у нас сегодня суп с лапшой», как будто бы вчера у них был какой-нибудь рассольник или свежие щи, а не честная студенческая колбаса (хлопоты, связанные с переездом).

– Бедненький...

Маруся бегло целует Жоржика в нос и устремляется в кухню. Надоедливый мотив «Сильва, ты меня не любишь» вьется вокруг Маруси, как упорная пчела вокруг цветка.

Жоржик подходит к зеркалу, поправляет галстучек, приглаживает волосы и жмурится. Сейчас он будет обедать, много и вкусно обедать, а потом ляжет на красивый пружинный матрац, который, право, не хуже настоящей кровати, и вздремнет часок-другой или почитает газетку, а Маруся... Что будет делать Маруся? Она, наверное, будет шить что-нибудь или штопать Жоржику носки.

– Сильва, ты меня не любишь, Сильва, ты меня погубишь, – неожиданно для себя мурлычет Жоржик.

Жизнь прекрасна. Жоржик не сомневается в этом ни одной минуты.

Стол накрыт.

– Я положу тебе побольше лапши. Ты любишь, когда много лапши? Я знаю, ты хотел бы выпить водки, вы все мужчины любите водку, но нет...

Маруся кокетливо грозит пальчиком.

– Водки у нас в доме не будет ни капельки! Правда, Жоржик? Если ты меня любишь, ты не будешь пить водку. А ты меня любишь, Жоржик?

Этот вопрос за истекшие двое суток задается по меньшей мере в шестидесятый раз.

– Вне всякого сомнения, – с готовностью отвечает Жоржик, – факт.

– Понимаешь. – Марусины глаза испуганно круглеют, – мадам Бородулина рассказывала сегодня на кухне, что на Немецком рынке райские яблочки по шести копеек за фунт, а у нас, понимаешь, до сих пор нет варенья. Ни одного фунта варенья на зиму!

В это время приходит Абраша. Слышно, как он выгружает книги и спотыкается о скамью.

Абраша устал. Он слишком много работает. Соединять университет со службой, конечно, трудно, но до такой степени загружаться не следует. Да, черт возьми! Абраша забыл пойти в столовку пообедать... Сходить разве за колбасой? Черт с ним, не стоит! Да! Где обедает Катя, интересно знать? Наверное, в Нарпите.

Сегодня у нее доклад. Бедная Катя, она слишком загружена работой!

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
Абраша раскрывает органическую химию и начинает зубрить.

– Тебе нравятся котлетки, Жоржик?

У соседей стучат ножами и зубами. Абраша глотает слюну и начинает зубрить вслух. Отличная вещь – органическая химия.

– Абраша, у тебя есть сегодняшняя газета? Ага! Спасибо!

Жоржик берет газету и сочувственно оглядывает Абрашино жильё.

– А где Катя? Да, я и забыл, она делает доклад. Ну, всего! Заходи, старик, милости просим.

Жоржик растягивается на постели и разворачивает газету. Приятно почитать после обеда что-нибудь серьезное, например, о событиях в Китае. В последнее время Жоржик здорово запустил международную политику. Нужно подогнать.

– Жоржик, сними пиджак и тогда ложись. Нельзя в пиджаке лежать!

– Почему же нельзя? – неуверенно протестует Жоржик.

– Потому что нельзя. Никто не лежит на постели в пиджаке.

Жоржик лениво стаскивает пиджак и снова ложится.

– Ни черта не понимаю.. Чжан Цзо-лин.. У Пей-фу.. Необходимо разобраться.

– Жоржик, ты читаешь?

– А? Да, читаю.

– Интересное?

– М-да!

– Жоржик..

Нежная Марусина ручка щекочет Жоржино ухо. Ее распущенная коса покрывает газетный лист.

– Ты меня любишь, Жоржик?

– Безусловно, – отвечает Жоржик со вздохом.

– Поцелуй меня, миленький..

Взаимоотношения Чжан Цзо-лина и У Пей-фу остаются невыясненными.

V

Поздний вечер. У Мухиных уже отпили чай. Слышно, как Маруся перетирает стаканы и озабоченно высказывает свои соображения по поводу варенья из райских яблочек.

Катя читает газету. Абраша лежит на диване.

– Абраша, ты читал статью Крыленко? – спрашивает Катя.

Абраша тоскливо оживляется. Конечно, он читал. Его этот вопрос чрезвычайно интересует. Но он не согласен с Крыленко. Он скорее присоединяется к мнению Коллонтай. Кроме того, он против загса. Что такое загс? Это уступка мелкобуржуазным элементам и крестьянству. Брак должен быть совершенно свободным. Стороны ни в какой мере не должны зависеть друг от друга.

Катя согласна с Абрашей. Разве можно не согласиться с таким милым парнем, как Абраша? Он отличный парень. Только немного рассеянный.

Их головы склоняются над газетным листом. Катини кудряшки касаются Абрашиной горячей щеки. Газета прочитывается от первой до последней строки. Китайские дела

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru выясняются на все сто процентов.

«Милая, милая Катя, – хочет сказать Абраша, – у тебя очаровательный носик, чуть-чуть раздвоенный на конце. У тебя изумительные черные глаза и длинные шелковые ресницы. У тебя очень маленькое и очень розовое ухо. Его до половины покрывают кудряшки (очень, очень милые кудряшки), и я... я очень хочу поцеловать твое ухо».

Но вместо этого Абраша спрашивает:

– Как прошел доклад?

Оказывается, отлично. Ребята охвачены общественной работой, беспартийные вовлечены, а недостатки выявлены. Работа среди женщин подвигается успешно, если не считать некоторой неувязки, которую, как Катя надеется, можно будет скоро изжить. А работа среди пионеров...

Абраша уже жалеет, что спросил Катю о докладе, но ничего не поделаешь – нужно слушать. И Абраша слушает, любезно улыбаясь и ловя из соседней комнаты обрывки разговора.

– ...Понимаешь, – слышится Марусин голосок, – очень миленькое платьице... такое воздушное... Ну да... Отсюда начинаются сборки... Понимаешь, сборки... О! Из крепдешина... И, представь себе, совсем не дорого... А ты знаешь, у мадам Бородулиной на левой щеке огромная бородавка. Может быть, потому ее фамилия – Бородулина... Да, верно, ты знаешь... А когда у них портится примус – это прямо умора, до того смешно... Клейстер сегодня уехал в отпуск, а Клейстерша, понимаешь, закатали ему утром перед самым отъездом та-а-акой скандал...

– Понимаешь, – утверждает Катин низкий голос, – так я им все и выложила... Работа среди женщин подвигается успешно, если не считать... понимаешь, если не считать некоторой неувязки... Тут, понимаешь, нужно быть совершенно откровенной... Так я и сказала: если не считать некоторой неувязки, которую... понимаешь... изжить... но объективно...

Абраша закрывает глаза и сейчас же представляет себе кучу огромных райских яблочек, чудесных яблочек из мяса с жирной вкусной подливкой.

– ...Охватить... вовлечь... на сто процентов... директивы... оглашу цифры... быть голословной, – ловит правое Абрашино ухо.

– ...пока они еще по шести копеек фунт... Мадам Бородулина говорила... Ты только подумай!.. Клейстерша хочет подавать в суд... – ловит левое ухо. Абраша делает глотательное движение. «Книги, книги, – думает Абраша, – одни книги, доклады и заседания... Это уклон, и уклон не менее опасный, чем кухня, пеленки и домашнее корыто... Нужно жить немножко и для себя... Райские яблочки!.. Какой миленький голосок у этой Маруси... Как она сказала?... „Вы плохо видите? Бедненький!..“ Славная девчонка!.. Бородулина... Совершенно верно. Теперь я припоминаю... У нее большая и очень смешная бородавка. На левой щеке».

Жоржик уныло смотрит на портрет дедушки-машиниста. Портрет слегка засижен мухами, и его стекло отражает электрическую лампочку, волнисто сияющую на самой груди почтенного машиниста. Очевидно, в то время, когда машинист жил на свете, электричества еще не было. Да... Конечно, не было...

– Сборочки, сборочки... вставные челюсти... нет, ты только подумай! – бубнит Маруся.

– Это не марксистский подход... Нужно увязать... вовлечь... охватить, – ураганом несется из-за перегородки.

Сытый Жоржик закрывает глаза и сейчас же представляет себе большое пестрое комсомольское собрание. И Катю-докладчика. Кудряшки рассыпались по ее вспотевшему лбу, рука со свистом рубит воздух. Собрание аплодирует.

«Черт возьми, – думает Жоржик, – я пропустил уже два общих собрания... Как она сказала?... Да...

«Ты проголодался, бедненький!..» Что за черт?... Какое мне дело до вставной

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров i1fandpetrov.ru челюсти Собаковой... Мещанка... Ей нужен загс... Скажите пожалуйста!.. Что такое загс в конце концов? Предрассудок!.. Уступка мелкой буржуазии и крестьянству... Славная девчонка эта Катя!»

VI

Жоржик удручен. Он не хочет райских яблочек, он хочет исторического материализма. Ему не нужен дедушка-машинист, ему нужен Карл Маркс. Ему не интересны интимные делишки мадам Клейстер, но зато его очень интересуют взаимоотношения Чжан Цзо-лина и У Пей-фу.

– Катя!

– А, это ты, Жоржик!.. Наконец-то соизволил прийти на собрание!

– Сегодня твой доклад?

– Да. О международном положении.

– Отлично!

«Как хорошо говорит Катя. Молодец девочка! Это вам не крепдешин!..»

Катя раскраснелась. Кудряшки рассыпались по ее вспотевшему лбу. Рука со свистом рубит воздух. Очень, очень интересно. И вполне понятно. Собрание бурно аплодирует.

– Ты куда, Катя? В столовку?.. Я с тобой!

– Валяй!

Отличные щи. Отличные котлеты. И недорого. И Катя совершенно изумительная девчонка. И как это он раньше не заметил? Во время обеда можно читать газету – никто не отнимет. Чудесно! Что такое брак в конце концов? Соединение двух различных полов с целью... Да, с целью обоюдной общественной работы и воспитания масс. Это ясно, как китайские дела.

Абраша выгружает книги. Спотыкается о скамью. Он очень устал. Да. Так и есть! Он позабыл пообедать. Проклятая рассеянность!.. Гм... Кати нет...

«Семейная жизнь, – думает Абраша, – хорошенькая семейная жизнь, когда видишь жену два раза в неделю. Когда по-прежнему укрываешься демисезонным пальто и ешь колбасу или сыр с собственной слезой. Когда после лекции по историческому материализму слушаешь снова исторический материализм и после доклада о международном положении слушаешь снова доклад о международном положении. Семейное счастье! Это уже не семейное счастье, а семейное горе!..»

Абраша удручен. Он не хочет исторического материализма, он хочет райские яблочки. Ему не интересно в тысячный раз выслушивать рапорт о надоевших ему до тошноты китайских делах. Ему интересно узнать кое-какие интимные подробности из жизни супружеской четы Бородулиных.

– Абраша! Вы опять не пообедали сегодня? Не отпирайтесь, я вижу это по вашим глазам. Вы голодны? Бедненький! Что же вы молчите? Идемте, Абраша, я накормлю вас супом, превосходным супом с лапшой. И котлетками, маленькими и очень вкусными котлетками. Идемте же! Бедненький! Посидите же здесь немного. Я сейчас принесу и суп и котлетки. Хорошо?

Маруся повязывает поверх розовенького платица передник и устремляется в кухню. «Сильва, ты меня не любишь, – фальшиво и весело проносится по коридору. – Сильва, ты меня забудешь», – умирает в кухне.

«Какая она миленькая, – думает Абраша, – чистенькая, аккуратненькая и... очень хорошенькая... очень!.. И как это я раньше не заметил?»

– Вы знаете, Абраша (Марусины глаза над дымящейся тарелкой супа испуганно круглеют), Бородулина рассказала, что в Козихином переулке вчера были налетчики...

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
Понимаете, пришли, хотели кого-то ограбить, но не ограбили и ушли...

– Что вы го-во-ри-те? – восторгается Абраша, набрасываясь на суп. – Так и ушли?.. Бедненькие!..

– Что вы, Абраша! Какие же они бедненькие? Они же налетчики! – испуганно говорит Маруся.

– Видите ли, – бормочет Абраша, давась супом, – может быть, они были голодные...

– Налетчики? – шепчет Маруся.

Отличный суп! Изумительная лапша! Решительно, хозяйственный уклон не такая уж опасная вещь! И даже наоборот! В общем и целом Абраша ничего не имеет против семейного уюта. В конце концов семейный очаг не так уж плох, черт возьми!

VII

Развязка наступает быстро.

– Жоржик! Наконец-то ты пришел, Жоржик!

– Да, я пришел. Это так же верно, как и то, что капитал суть средства и орудия производства, которые...

– Ты устал, бедненький...

– Увы, как это ни грустно, но я принужден констатировать, что я несколько не устал. Даже наоборот. Я чувствую себя бодрым и сильным, как никогда!

– Ты проголодался, бедненький. У нас сегодня суп с лапшой. Ты любишь суп с лапшой?

– Я ненавижу суп с лапшой! Я презираю суп с лапшой! После зрелого обсуждения я пришел к безотрадному выводу, что суп с лапшой является гнилой отрыжкой старого быта...

– И котле-э-етки. Маленькие котле...

– Плевать я хотел на котлетки, как равно я хотел плевать на варенье из райских яблочек. И, кроме того, я уже успел пообедать в столовке Нарпита.

– Что с тобой, Жоржик? Ты чем-нибудь недоволен?

– Да. Я слегка недоволен вот этими занавесками и этим пузатым, глупым комодом. Я недоволен также швейной машинкой, которая мешает мне заниматься самообразованием, и конусообразной грудой этих купеческих подушек, на которые нельзя лечь в пиджаке. Я люблю читать за обедом и целоваться никак не чаще пятнадцати раз в день! Я терпеть не могу старого дурака Бородулина, а также эту идиотку Собакову с ее вставной челюстью и другими мелкими физическими недостатками.

Маруся плачет.

Жоржик срывает со своей шеи красивый новый галстук-бабочку, швыряет на пол и тщательно растаптывает ногами. Потом стаскивает розовенькие, в цветочках занавески – эмблему семейного очага – и рвет их на мелкие кусочки.

– Так будет со всеми, – говорит Жоржик хмуро, – кто покуситя на мое «я». Дура!!!

– Ты меня не любишь! – рыдает Маруся.

– Безусловно, – говорит Жоржик, – факт!

– Ба! Катя! Давненько, давненько мы не виделись...

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
– Разве? – удивляется Катя.

– Да уж денька два!

Абраша поправляет очки и становится в позу Цицерона, собирающегося обрушиться на вероломного Катилину.

– Совершенно верно, – вспоминает Катя, – эту ночь я переспала у Нади. Засиделась в клубе. Далекое было возвращаться. А что? Ты недоволен?

– Нет, зачем же! Я в восторге! Неужели ты не замечаешь этого по моим лихорадочно блестящим глазам и по цвету лица? Я в диком восторге, и единственное, что меня печалит, это то, что ты не осталась у Нади еще на недельку... или на месяц...

– Что с тобой, Абрам? Ты нездоров?

– Наоборот! Я чувствую себя превосходно! Эта паутина, эта пыль и эта садовая скамейка влияют на меня самым благотворным образом, и твои гениальные по своей новизне мысли, касающиеся основных тезисов по пионерскому движению. Кроме того, периодическая голодовка, по утверждению одного немецкого профессора, ведет к укреплению организма и к резкому увеличению кровяных шариков.

– Ты с ума сошел!

– Увы, я еще не сошел с ума, как это ни странно, не правда ли? Но я не далек от этого безрассудного поступка, и если ты, дорогая Катя, будешь по-прежнему вести среди меня работу, предназначенную для женщин, и читать мне доклады, предназначенные для пионеров, мне придется расстаться с моим бедным подержанным умом...

– Ты меня не любишь! – говорит Катя.

– Да! На сто процентов! И изжить это невозможно. Даже при самом искреннем желании увязать и охватить.

Правдивый рассказ о Пурисе, Мухине и их молодых женах, собственно говоря, окончен. Но рассказ без развязки – это лошадь без головы. Приделать же развязку, когда она сама собой напрашивается, не так уж трудно. Поэтому автор, которому, говоря по совести, уже надоел этот слишком растянутый рассказ, приступает к эпилогу.

Обыкновенно средний добросовестный писатель восьмидесятых годов начинал эпилог так: «Прошел год. Ясный, погожий день клонился к вечеру...»

Мы же, принимая во внимание режим экономии, предложим вниманию читателей самый короткий эпилог в мире.

Эпилог

Абраша Пурис женился на Марусе, а Жоржик Мухин женился на Кате. Они счастливы. Пока.

1927

Пропавший человек

– ...Трудно приходится в борьбе, это что и говорить – очень трудно. Уж такой я человек – не могу молчать, да и только. Чуть увижу какой непорядок – пропал, погиб! Не могу молчать!.. Знаю, что не мое дело вмешиваться, а не могу – сознательность не позволяет. Оттого вся моя жизнь теперь не жизнь, а одно мучительное сострадание...

Он поник головой и покрутил грязный патлатый ус. Мы деликатно молчали. Редакция опустела, и только где-то за семью фанерными перегородками одиноко щелкала пишущая машинка, надрываясь под тяжестью запоздавшей переводчицы. Он попросил папиросу, суетливо затянулся и махнул рукой

Рассказы, очерки, фельетоны (1924-1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru – Сейчас живу на вокзале, потому с последним билетом опять ничего не вышло. Я, видите ли, уже пять раз приобретал билеты – на родину ехать, да все никак не удаётся. В последний раз даже на поезд сел. Ну, думаю, теперь доеду. И даже на сердце полегчало. Доехал я до станции Малый Ярославец. Дай, думаю, за кипяточком сбегаю. Слез это я, честь честью, и побежал по путям к станции. Тут, вижу, идет человек в железнодорожной форме и несет мешок. Что, думаю, несет человек? Он от меня – я за ним... Даже не заметил я, как поезд ушел, – такое любопытство меня взяло... Пришли таким порядком в ближайшую деревню. Он в избу – я за ним. Что, спрашиваю, в мешке несешь, подозрительный гражданин? Оказалось – кот. Так я в Москву и пер по шпалам... Не могу переносить, когда непорядок какой или преступление. От этого все мои сострадания на жизненном пути совершаются... Эх!.. Погибший я человек!.. На двенадцати местах служил... Везде ко мне придирались, потому правда-матка, она глаза колет, так-то...

– А скажите, – попросили мы робко, – как это у вас вышло, то есть как это к вам придирались и как вы ушли со службы?..

– Хорошо, – сказал он с готовностью, – я расскажу вам, как я погиб.

Он слезливо заморгал седовато-рыжими ресницами и начал...

Рассказ счетовода Барынина о том, как он погиб

Служил я счетоводом у себя на родине, в провинции, в правлении треста «Кость и кожа». Хорошо. Семью держал – жена и дочка... Разряд имел, конечно, по сетке. Хорошо. И тут меня осенило. А оттуда пошла моя жизнь вверх тормашками. Погиб я от зава нашего, по фамилии был Канерьюмкер, Александр Исакович Канерьюмкер. Хорошо. И узнал я, что Александр Исакович сожительствует с посторонней женщиной, не зарегистрировавшись с нею по законам нашей социалистической республики в загсе. Ходит к ней на ночь. Хорошо. Думал я, думал, и тут меня осенило. И написал я мой первый стих, и от него все пошло. Хороший стих был. До сих пор наизусть помню. Такой был стих:

В нашем тресте «Кость и кожа»
Есть заведующий тоже.
Звать его Александр Исакич,
И любит он к служащим придираться.
А сам про себя не замечает
То, что каждый про него замечает,
Нахально спит он, как с женою,
С посторонней женщиной одною..
Там дальше все про него и выложил, как есть. А кончался стих так:

Не пора ли поставить точку,
А то скоро Канерьюмкер будет иметь незаконную дочку.
Нужно прекратить безобразие
И покончить с развратом сразу!
И отнес в редакцию газеты «Трудящийся пролетарий». А подписал псевдонимом – «Красный очевидец». Хорошо. Не поместили. Оказалось, все они там одна шайка с нашим Канерьюмкером. Хорошо. И больно мне сделалось. И сразу я почувствовал, что не могу молчать, когда вокруг безобразие. А тут еще сослуживцы покою не дают. Дразнятся Пушкиным. «Пушкин, говорят, Пушкин, почему ведомость не готова?» Или: «Иди, Пушкин, в местком на собрание». Хорошо. Не стало мне покою от обиды, и решил я вывести зава нашего на свежую воду. Проходил я как-то поздно вечером мимо службы – смотрю, окошко у зава светится. А кабинет у него в первом этаже. Приник я к окну и вижу – сидит наш Александр Исакович, обложился делами для виду, а сам водку трескает. Нальет из графинчика полный стакан и хлопнет сразу, даже без закуски. И стало мне грустно. Вот, думаю, до чего дошло моральное разложение. Никому ничего не сказал и решил хорошенько проверить. Прихожу на другой день. Сидит и хлещет. Прихожу на третий – то же самое. Надерется это до положения риз и едет на ночь к сожительнице. Такое безобразие! Пошел я в РКИ, доложил все честь честью. Так, мол, и так, при исполнении служебных обязанностей... Не поверили. Однако против факта не очень постоишь. Составили междуведомственную комиссию по всем правилам с представителем от милиции, дождался десяти часов и двинулись... Хорошо. Смотрим через окно – так и есть! Сидит Канерьюмкер, как будто бы работает, а сам нет, нет и нальет! Нет, нет и выпьет. Тут я не мог больше выдерживать. «Вот! – кричу я. – Вот где предаются интересы трудящихся и передового крестьянства! Вяжите его, социал-предателя!»

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
Тут представитель милиции первый влез в окно, а мы все вокруг – через двери, да так его, раба божия, и захлопали со стаканом в руке... Вот оно что... Да-а-а-а. А ведь оказалось, что не водка была в графинчике, а вода. Ну, кто бы мог подумать!.. Так вот... Уволили меня со службы. С тех пор пошло... И стал я пропащим человеком. Поехал в Москву, до Калинина доходил, да так тут и застрял... Так-то.

Счетовод Брыкин замолчал и понурился. Нам стало неловко. Пора было уходить. В редакции давным-давно окончились занятия и курьера с ключами уже давно живым укором стояла в дверях. Мы стали собираться.

- Как же будет с заметкой? – хмуро спросил Брыкин.
- А заметочка ваша не пойдет! – с деланным весельем воскликнул секретарь.
- Почему же она не пойдет? – язвительно спросил Брыкин.
- Да помилуйте! Вы пишете, что начальник вокзала, на котором вы ночуете, купил своей жене новое пальто...
- Верно! Плюшевое пальто! Восемьдесят рублей выложил – тютельница в тютельку...
- Но какое нам с вами до этого дело?
- Значит, не пойдет?
- Не пойдет... к сожалению.
- Гм... Тогда дайте справку.
- Какую справку?
- Да вот, что не пойдет.
- Зачем же?
- Ладно. Скоро узнаете зачем. Тогда другое запоете. А то – не пойдет, не пойдет. Присосались тут к аппарату, бюрократы... Да уж ладно... Брыкин все знает. От него не вывернешься...

Поспешно уходя из редакции, мы слышали, как Брыкин говорил курьерше:

- ...Уж такой я человек... Не могу молчать... Люблю правду-мат...

Где он теперь, неугомонный счетовод Брыкин? Где он, этот светлый идеалист на трудном, тернистом пути общественного деятеля? Какие пороги он обивает? В какие двери ломится? Уехал ли он уже из столицы или идет обратно по шпалам со станции «Нара-Фоминское»?.. Или, может быть, он сидит в приемной Калинина, дожидаясь, когда представится возможность прочесть всесоюзному старосте свои последние стихи?..

Кто знает!.. Кто знает!..

1927

Сильная личность

– Молчать! – говаривал директор Козолуповского городского банка Уродоналов. – Молчать и не разговаривать! Кто здесь начальник? – Уродоналов здесь начальник! Кто здесь царь? – Уродоналов царь! Кто бог? – Уродоналов. Ясно.

Служащие банка ходили на цыпочках. Клиенты вообще старались не ходить.

– Что такое клиент? – Червь! Что такое бумажка? – Гранит! Какой гранит должен перегрызть клиент, чтобы получить ссуду? – Бумажный гранит. Уродоналов заливался звонким детским смехом. По спинам служащих пробегали противные холодные мурашки...

В дверь просунулось испуганное лицо курьера.

– Так что разрешите доложить – клиент просится. Шестой месяц, извините за выражение, приходит...

– А разве сегодня приемный день? – строго спросил Уродоналов.

– Так точно. Приемный-с, – прошептал курьер.

– Ну, значит, часы не приемные.

– И часы, простите, приемные. Часы эти от трех часов пятидесяти шести минут до четырех часов пяти минут, а сейчас ровно четыре.

– А удостоверение от домкома у него есть?

– Ка-к же-с.

– А свидетельство о благонадежности?

– Не извольте беспокоиться. Целых четыре.

– А свидетельства об оспопрививании небось нету?

– Есть. И из аптеки есть. Даже из пробирной палатки бумажку приволок.

– А к секретарю обращался?

– Обращался. Секретарь говорит, без вас невозможно.

– Наверное, чего-нибудь да нету!

– Все бумажки есть. На извозчике привез.

– Ну пусть войдет.

Вошел человек.

– Я председатель жилищного кооператива, – сказал вошедший, – я хочу получить ссуду на предмет строительства.

– Может быть, вы еще чего-нибудь хотите? – нагло спросил Уродоналов.

– Больше ничего не хочу, – простодушно ответил человек.

– А я хочу! – загремел Уродоналов. – Я хочу еще много больших бумаг с подписями, приложением печати и с установленным количеством гербовых марок.

– У меня есть много больших бумаг, – простонал человек, – с приложением печати и с марками.

– А выписка из загса у вас есть? О женитьбе?

– Я холост.

– Тогда справку из загса о том, что вы не состоите в браке. Небось нету?

– Нету.

– Ну вот, хе-хе-хе... Принесите справку.

– Но я уже не успею сегодня.

– Не беда. Придете месяца этак через полтора или лучше даже в начале будущего квартала... или в конце...

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров i1fandpetrov.ru
– Это волокита, – сказал человек фальцетом, – зачем эти формальности?.. Я протесту...

– Молчать! – крикнул Уродоналов, багровея. – Без доклада не входить! Не курить! Не плевать! Не сорить! Рукопожатия отменены! Обратитесь к секретарю!..

Он был страшен. Он был велик.

Уродоналов дочитал газету, в которой говорилось о необходимости борьбы с волокитой и бюрократизмом, и съезжился. Потом немного подумал и улыбнулся широкой детской улыбкой.

– О люди, люди! – промолвил он. – Знаете ли вы, что такое че-ло-век? Нет, люди, не знаете вы, что такое человек. Человек – это сосуд, наполненный общественно-полезным эликсиром. Человека нужно любить и уважать! К человеку нужно относиться с доверием.

По щеке Уродоналова скользнула большая желтая слеза.

В дверь просунулось испуганное лицо курьера.

– Так что разрешите доложи...

– Милый!.. – замахал руками Уродоналов. – Дорогой и многоуважаемый товарищ курьер, отныне докладов больше не существует. Идите и крикните на весь мир: «Люди! Уродоналов принимает без доклада!»

– Там вас спра...

– Бегу! Лечу!

Уродоналов вбежал в приемную и обнял посетителя.

– Голубчик! Милый! Входите! Входите! Гостем будете! Чаю? Пива? Шампанского?

– Шампанского, – сказал посетитель. – Я имею у вас получить ссуду. Мое торговое дело «Коопарфюмерия» нуждается в маленьком заемчике!

– С восторгом! – воскликнул Уродоналов. – Именно заемчик. Не извольте беспокоиться. В два счета.

– А я вам выдам векселек!

– Ну, что вы, милый? Какой там век... тьфу. Мне даже прогивно выговорить это гнусное бюрократическое слово. Что такое человек? Это – сосуд! А вы говорите!.. Эх!..

Глаза Уродоналова засверкали высоким огнем вдохновения.

– Зачем эти бумаги, затянувшие бюрократической паутиной живых людей и живое дело? Зачем? Зачем эти бездушные деревянные штуки с резинкой, которых злые люди называют печатями? Зачем?.. О!.. Эта итальянская бухгалтерия – порождение фашизма. А рес-контро? Да это просто – контра! Ясно! А вы говорите...

– Десять тысяч! – сказал посетитель.

– Получите.

– Так векселя не надо?

– Упаси бог. К чему эта волокита? К чему эти формальности?

Посетитель положил большую пачку молочных червонцев в боковой карман и, весело насвистывая, вышел...

А Уродоналов сел за письменный стол и стал сочинять план реорганизации

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
банковского дела.

Когда Урододалова вели в суд, он говорил конвоирам:

– Милые! Человек – это сосуд, наполненный эликсиром. Зачем вы ведете меня посередине улицы? Зачем в ваших руках обнаженные шашки? Зачем эти формальности? К чему эта волокита?

1927

Нахал
Научное

Нахал, в отличие от дурака и негодяя, которым были посвящены солидные труды, – тип малоисследованный. Многие чудачки до сих пор еще смешивают нахала с обыкновенным сереньким хулиганом. Это глубокое заблуждение. Хулиган бузит просто так – благодаря ложным взглядам на жизнь, под влиянием среды, под действием винных паров. Хулиган бузит без причины и извлекает из своих поступков только одни неприятности.

Нахал бузит очень редко и только тогда, когда из бузы можно извлечь материальные выгоды. Нахал или ловкач (lovcatch) – холодный, злой, расчетливый человек. Он слегка плешив, всегда тщательно выбрит, носит брюки в полоску и чистит их по утрам метелочкой. Глаза у нахала светло-голубые и очень спокойные. Среди родственного ему общества малоповоротливых и тупых мещан – это щеголь и аристократ духа.

В гастрономическом магазине Моссельпрома нахал платит деньги вне очереди.

– Позвольте, позвольте, – говорит он, расталкивая публику, – мне не платить... Мне тут доплатить только... Двугривенный. Посторонитесь, бабушка! Один момент!.. Уно моменте, хе-хе...

Когда публика обрушивается на нахала целым водопадом проклятий и ураганом жестов, в его голубых глазах появляются искорки смеха и на щеках образуются ямочки. Он смотрит на беснующихся людей с веселым удивлением и даже оборачивается назад: кого, мол, это ругают?

Это он, нахал, стучит палкой в оцинкованное стужей окно послеслужебного трамвая, желая ускорить движение выходящих на остановке пассажиров. Это он, приметив еще из дверей вагона уютное и удобное местечко у выхода, спешит поскорее занять его, садится, вынимает тугое портмоне и, полностью воспринимая радость жизни, говорит никнущему в проходе инвалиду:

– Передайте, любезный, деньги кондуктору. На полторы станции. Да сдачи не позабудьте.

– Да ведь у меня рук нет, милый, – скромно отвечает инвалид.

– А ты зубами. Я, брат, в цирке одного такого видел. Тоже из ваших. Без рук, стервец, обходится. Карты тасует... Ты пойдя, полупочтенный, посмотри.

– Боже, какой нахал! – с молитвенным ужасом шепчет сидящая рядом старушка.

– Ну уж и нахал! Это вы, мамаша, слишком. Просто жертва империалистической бойни.

Если спросить нахала, сколько он заплатил за билет второго ряда в академическом

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru театре, нахал начнет неистово хохотать и, плача от смеха, скажет, что ни разу в жизни не осквернял своего достоинства покупкою театрального билета.

Но вот нахалу нужно приобрести костюм. Как же нахал поступает?

Он идет в большой государственный магазин и, покрикивая на приказчиков, начинает рыться в грудях панталон и пиджаков.

– Черт бы вас разодрал сверху донизу! – говорит нахал смущенному приказчику. – Да разве ж это качество продукции? Это извозчичья кляча, а не пиджак. А это что? Я вас спрашиваю, что это та-ко-е?

– Брюки-с, – лепечет приказчик.

– Что? Как вы говорите? Я не расслышал.

– Брю...

– Ах, брюки! Так вас понимать? Ага! Так вы осмеливаетесь утверждать, что вот эти отбросы улицы, эти разрозненные кусочки навоза, эти инфузории, эта эманация хлопчатой бумаги – и есть брюки? Оч-ч-чень хорошо!

– Молчать! – кричит нахал подошедшему да шум заведующему. – Вы у меня попрыгаете! Я вас... Сколько стоит этот загрязненный, бывший в употреблении мешок, который вы называете костюмом? Что? Семьдесят пять? Без торгу? Что-о-о? Ну, ладно. Заверните. Деньги запишите за мной.

– Мы торгуем только за наличные, – хрипит заведующий, вытирая демисезонным пальто обильный пот.

– Ах, Коля, Коля, – говорит нахал с грустью. – Нехорошо это, Коля. Нехорошо, милый. Не ожидал я от тебя такой обывательской идеологии. За наличные, за наличные... Да что ты, частник, прости господи! Ах, Коля...

– Да ведь Иван я, а не Коля, – стонет заведующий.

– Тогда тем более, – тихо говорит нахал. – Ты, Ванька, брось бузить. Сам знаешь, что я не люблю этих фиглей-миглей. А туда же, кобенишься. Запиши, тебе говорят, Ванюша. В среду отдам, ей-богу.

– Шутите вы, гражданин, – шепчет заведующий, – не отдадите небось.

– Это я-то? Не отдам? Я? Дурачок же ты, Ванятка. Ну да ладно уж. Спасибо. Пойду я. До свидания, Николаша. В пятницу отдам. Кланяйся, Мишук, жене и детям. Адье.

Размахивая покупкой и расталкивая прохожих, нахал спешит к знакомым обедать.

Мы видели нахала в частной жизни.

Что же делает нахал на службе?

Да ничего не делает.

Таков нахал.

1927

Последний из могикан

Старый Дыркин был очень жилист и очень глуп, что, однако, не мешало ему служить младшим делопроизводителем в учреждении.

Глаза у старого Дыркина были рыбы – мышиного цвета с голубизной. Уши от старости поросли мохом и двигались даже тогда, когда хозяин не выражал ни малейшего желанья ими двигать. Нос был зловредный, с зеленоватым отливом. А лицо в общем и целом болезненно напоминало помятое и порывшее складное портмоне

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
образца 1903 года.

Утром Дыркин встал пораньше и отправился в жилтоварищество.

– Что же это, господа товарищи! Этак и жить на свете больше не приходится, наложили на меня шесть гривен за сажень полезной площади. Я человек трудящийся и никому не позволю. Раз ставка по разряду, ты, господин хороший, и бери по разряду, а то что же это получается!..

– Не волнуйтесь, гражданин Дыркин, – сказал секретарь, – мы сейчас все выясним. Так и есть. С вас полагается сорок копеек. Ошибка.

– Тоже... ошибка... Засели молокососы взрослых людей обирать – да еще путают. Небось старый хозяин не спутал бы.

Дыркин раздраженно плюнул и пошел на службу.

– Тоже учреждение! – ворчал Дыркин, записывая входящие номера. – Собакам на смех... Не то что при прежнем начальнике. Орел был!.. А теперь...

Дыркин пописал с полчаса и понюхал воздух.

– Опять накурено? – проскрипел он. – И вентилятор не работает. На что смотрит охрана труда?

Дыркин с негодованием бросил ручку и пошел в местком.

– Что же это, господа товарищи, почему такое, чтобы вентилятор не действовал во время исполнения обязанностей... Это даже довольно странно. Охрана труда, ау?!

– Простите, товарищ Дыркин, забыли починить. Сейчас исправим.

Через полчаса вентилятор приветливо зашумел.

– Тоже... Защитники выискались, – ворчал Дыркин, – вентилятора и того с толком поставить не могут...

Ровно в четыре часа Дыркин запер входящий журнал в шкаф и пошел в амбулаторию лечить зубы.

«Эх, – думал Дыркин, – все это не то. Вот при старом режиме...»

– Вы, извините, не имеете ни малейшего права задерживать в очереди трудящего человека! – визжал Дыркин в амбулатории.

– Не волнуйтесь, гражданин, – увещевала Дыркина сестра, – через час врач вас примет...

– Тоже... через час... И куда это только страхкасса смотрит, – горестно вздохнул Дыркин, – вот при старом режиме... Эх, да что говорить...

Дыркин с кошачьей ловкостью вскочил на подножку отходящего трамвая. Раздался свисток. Через минуту Дыркин, окруженный толпой зевак, стоял перед милиционером.

– Православные, – злобно кричал Дыркин, – убивают! караул!..

– Что ж это вы, папаша, несоответственно выражаетесь, – укоризненно говорил милиционер, искренне сожалея, что милицейские правила ставят его в слишком узкие рамки «предупредительного отношения к гражданам», – это вы, папаша, зря. Платите, папаша, полтинник за неисполнение уличного движения, а вовсе вас никто не убивает.

– Православные, – захныкал Дыркин, – грабят бедного старичка среди бела дня! Спаси...

– Да ладно уж, – со вздохом сказал милиционер, – уходите, вредный старичок, исполняйте в другой раз правила...

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров i1fandpetrov.ru – Тоже... сполняйте, – прошептал Дыркин побелевшими губами, – вот при старом режиме-то... Ах! И квартальный же был!.. Не квартальный – ангел был!.. Ах, царица небесная... Вспомнишь – слеза прошибет!..

Остаток дня старый Дыркин провел в воспоминаниях о близком его старому недоброкачественному сердцу – старом режиме. Заснул Дыркин, обливаясь слезами умиления...

Здесь автор должен заметить, что юбилейный фельетон (а настоящий фельетон – юбилейный) писать очень и очень трудно. Все сюжетные приемы уже использованы. Автор должен сознаться, что сперва он хотел посадить старого Дыркина на уэльсовскую «машину времени» и отвезти глупого старика в «старый режим», но потом вспомнил, что об этом уже писал некий современный фельетонист в один из предыдущих юбилеев. Автор долго мучился. Ему не хотелось так нагло обкрадывать собрата по перу. А посему автор решил воспользоваться очень простым приемом, который преименно выкрадывается работниками печати друг у друга еще со времен древних греков.

Утром Дыркин встал пораньше и отправился в жилтоварищество.

– Что же это, господа товарищи, – начал Дыркин привычную речь и осекся.

На месте председателя сидел бывший хозяин, генерал Доппель-Кюммель, и курил сигару.

– Батюшки! Отец родной! – воскликнул Дыркин. – Неужто старый режим наступил? Ах ты господи!.. С праздничком вас, ваше высокопревосходительство.

– Молчать! – рявкнул генерал. – Вот я тебя, сукина сына!.. За десять лет с тебя за квартиру, стервь болотная, причитается. Восемь тысяч как одна копейка. Я т-тебя, рассукина рассуна...

– Ребеночка крестили у меня, Маркела, – рискнул Дыркин, – крестные отцы-с...

– А вот я тебя к крестной матери сейчас!..

В учреждении действительный статский советник Бородавка, который в течение десяти лет революции с честью выполнял обязанности швейцара, увидев Дыркина, сообщил:

– Дыркин, Модест Ипатьевич, увольняется за выслугой лет. Уходи, старик, не люблю... Не благодари... Швейцар! Выведи его.

В амбулатории врач, поковыряв в зубах у Дыркина крючком, сказал:

– Можно пломбировать. Можно рвать. Приходите завтра... Мы еще гм, гм, посмотрим... Может, и нельзя будет рвать... А может быть, и можно...

– Так точно-с, – прошептал Дыркин, – премного благодарен. Прощевайте, господин доктор.

– А кто же мне заплатит деньги? – прищурился доктор.

– Я же по страха...

Оставив весь наличный капитал в амбулатории, Дыркин, шатаясь от незаслуженных обид, побрел по улице.

– Э-е-е-э-п-п-п!!!

И Дыркин, опрокинутый лихачом, уже лежал на мостовой.

Когда Дыркин поднялся, потирая ушибленное плечо, перед ним стоял квартальный и зловеще улыбался.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

– Отец родной! Ангел!.. – заплакал Дыркин.

– Осади!! – гаркнул городской. – Почему скопление? Ты что здесь делаешь?

– я-то? Батюшки! Ангел!.. Отец родной... – зашамкал Дыркин.

– Вот я тебя за общественное нарушение в часть сведу! – недружелюбно сказал городской и ударил Дыркина тяжелым кулаком по морде.

Ночевал Дыркин в участке...

Дальше, как и следовало ожидать, когда Дыркин проснулся, он с удовольствием заметил, что лежит в своей постели...

Звонили юбилейные колокола.

1927

Проклятая проблема

Хорошо ранней весной, когда пахнет фиалками и кошками, когда отвратительный вой трамваев становится похожим на вздохи эоловой арфы, когда наглое фирканье автомобилей превращается в переливы пастушеской свирели, а вопли газетчиков в шорох молодой листвы, и когда даже ответственные съемщики становятся похожими на людей...

Ранней весной медик Остап Журочка влюбился в педфактовку Катю Пернатову.

– Я человек холодный, – говаривал о себе Журочка с гордостью, – и любовных штук не понимаю.

А тут вдруг взял да и втрескался.

– Ну, что я нашел в этой дурехе? – терзался Остап, ворочаясь на твердых досках своего студенческого ложа. – И росту чепухового, и волосы какие-то серые, и глаза странные: не то синие, не то желтые... А главное – дура. Только и знает – хи-хи да хи-хи. Хаханьки ей все... Тьфу.

Медик отлично сознавал, что он несправедлив к Пернатовой, что вовсе ей не «хаханьки все» и что Пернатова девушка серьезная и начитанная. Сознавал, но боролся.

– Тоже, – злорадствовал медик, зарываясь головой в подушку, – к педагогической деятельности готовится, дура, а сама небось о женихах думает. Сама книжки читает и на диспуты бегаёт, а у самой одеколоны на уме. Знаем мы этих женщин...

Всю ночь провел Журочка в деятельной борьбе с обольстительным образом Пернатовой, а наутро выяснилось, что борьба окончена полным поражением и что он, Журочка, лежит на обеих лопатках.

– Что же теперь будет? – ужаснулся медик.

Любовь, как известно, не картошка. Ее не сваришь на стареньком примусе в ободранной кухне студенческого общежития. Любовь – штука тонкая и требует подхода.

Целую неделю страдал медик в одиночестве, но наконец не выдержал и рассказал о своих страданиях соседу по койке Кольке Дедушкину.

Колька упал на садовую скамейку, заменяющую ему постель, и долго дрыгал ногами. Потом сказал:

– Что же ты, дурак, намерен предпринять?

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

– Жениться! – твердо сказал Журочка.

– Ну, и женись, если, конечно, тебя привлекает именно этот не особенно удобный способ самоубийства.

– А вдруг она меня не любит? – испуганно прошептал Журочка.

– Да ты спроси ее! – посоветовал Дедушкин.

– Неудобно как-то... Взять вдруг и спросить: а вдруг обидится?

– А ты попробуй.

– Попробуй, попробуй. Легко сказать – попробуй... А ты пробовал?

– Я? – нагло сощурился Колька. – Сколько угодно. К каждой девчонке нужно иметь особенный подход. Взять хотя бы, к примеру, твою Катю. Чем интересуется Пернатова? Пернатова в данное время интересуется проблемой пола и брака. Я на днях видел ее на лекции «Здоровье и брак». Ясно. Напори ей что-нибудь на эту тему. Подготовь почву. Дело верное, старик. На эту темку Пернатова в два счета клюнет.

– Неужели клюнет? – оживился Журочка.

– Клюнет. Раз Дедушкин говорит, можешь быть спокоен. Дедушкин, брат, знаток в таких вещах. Это я тебе прямо могу сказать. Без всякого хвастовства.

– Здравствуйте, Пернатова, – робко сказал Журочка, подходя к Кате в университетском коридоре.

– Здравствуйте, Журочка. Что это вас так давно не видно? И бледный вы какой-то, будто всю ночь не спали... Ах... каким он франтом! Смотрите, смотрите... Галстук надел!.. Пойдемте гулять... Сегодня солнце... Дивная погода... Чудесно!..

Пошли. Катя взяла медика под руку.

«Нужно действовать», – думал Журочка, ступая прямо в весенние лужи.

– Что это вы молчаливый такой сегодня? – спросила Катя, когда они уселись на бульварную скамью. – Скажите же что-нибудь.

– Здоровье – это могучий фактор... – промолвил Журочка, подумав.

– Да? – рассеянно сказала Катя. – Это интересно. Смотрите, какие смешные тени от деревьев. Совсем кругленькие.

– Дерево, как и человек, нуждается в заботе. Дерево, например, поливают водой, и человек тоже... должен каждый день обливаться... Это укрепляет мышцы и нервную систему...

– Неужели укрепляет?... Это интересно... Вы знаете, Журочка, как странно... Вы мне эту ночь снились... Будто бы вы женились на Зинке Татарчук...

– Брак без гигиены немислим... Здоровье брачующихся – могучий фактор.

Катя слегка отодвинулась от медика и с возмущением посмотрела на его красные уши.

– Вы твердо уверены, что здоровье могучий фактор?

– Да.

– С чем вас и поздравляю. Ну, до свиданья. Не провожайте меня.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

- Не клует! – грустно сообщил Журочка.
- Да, уж у такого дурака, как ты, клует – держи карман! – сказал Дедушкин.
- И говорить не хочет. Ушла, не провожайте, говорит...
- А ты о чем с ней говорил?
- О гигиене брака.
- Здравствуйте! Ты бы еще поговорил с ней о двенадцатиперстной кишке... Так знай же, дурак, что не далее как вчера я лично присутствовал при споре, когда Пернатова с пеной у рта говорила о естественном подборе и браке ради потомства.
- Ну?
- Вот тебе и ну...

Был прелестный вечерний час, когда заря еще не погасла, а молочные звезды уже проявлялись на бледном небе. Огромная апельсинная луна медленно и нахально выползала из-за деревьев. В уединенной аллее сада было тихо.

- Люди должны думать о своем потомстве, – хрипло говорил Журочка, – потому что потомство – это...
- Могучий фактор? – грустно спросила Катя.
- Да, именно могучий фактор. На основе естественного подбора мы в общем и целом можем обновить человечество. Был, например, такой случай, когда одна всемирная красавица предложила старому писателю Шоу вступить с ней в брак. «Я красива, – сказала она ему, – а вы умны. У нас должно быть отличное потомство»...
- А вам известно, что ответил писатель красавице? – желчно спросила Катя.
- Н-н-нет, а что?
- Он ответил так: «Я боюсь, – сказал он, – что наши потомки наследуют мою красоту и ваш ум». Хороший вечерок сегодня выдался. Не правда ли? Я сегодня здорово повеселилась. До свиданья, Журочка. Кланяйтесь всемирной красавице. Быть может, она найдет в вас подходящего мужа.

Катя быстро смахнула слезинку с бледной щеки и исчезла за поворотом аллеи.

- Не понимаю, чего ей еще нужно? – горестно воскликнул Журочка, сжимая руками голову. – Уж, кажется, целую лекцию ей прочел. Ни разу не запнулся. А она... это самое... «Кланяйтесь, говорит, всемирной красавице...» А сама... плачет.
- С таким дураком, как ты, поплачешь, – сказал Дедушкин, зевая, – знаешь ли, дурья голова, почему она плакала? Плакала она, брат, потому, что сегодня я заметил у нее книжку Коллонтай «Любовь пчел трудовых», а ты ей всякую чепуху порол об обновлении потомства...
- Как? Ты сам видел? Читала?

Лопни мои глаза.

- Тогда прощай, Дедушкин. Побегу в библиотеку...

Лодка тихо скользнула от берега и закачалась в лунной ряби. Катя села у руля. Журочка взялся за весла. Некоторое время ехали молча. Медик проглотил слюну и сказал:

- Что такое брак? Брак это есть отрывка старого быта. Человечеству грозит

Рассказы, очерки, фельетоны (1924-1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
опасность задохнуться в тяжелой атмосфере семейного очага. Любовь, связанная
узами загса...

– Причаливайте! – сухо приказала Катя. – Мне пора домой.

– Нужно срывать цветы, – бормотал Журочка, послушно гребя к берегу, – долой... это
самое... цепи, которые...

– Прощайте, Журочка, – твердо сказала Катя, – и, пожалуйста, никогда не зовите
меня с собой гулять. Не пойду. Идите домой и займитесь вопросами брака среди
туземцев Австралии и Океании. Почерпнутые сведения сообщите мне письменно с
указанием источников, ха-ха-ха...

И Катя убежала, почему-то закрывая лицо платком.

– Н-ничего не понимаю... – прошептал Журочка, растерянно оглядываясь по сторонам.

И Журочка увидел... Что он увидел – описывать нечего, ибо это было описано
миллионы раз. Журочка увидел перспективу сияющего многоточья ночных фонарей на
реке. Увидел небо. Увидел луну и звезды. Журочка в первый раз в жизни увидел
весну. И Журочка понял все.

– Черт возьми! – воскликнул он, бросаясь догонять Катю. – Еще не все потеряно!

– Пернатова, – пробормотал он, задыхаясь, – слушайте, Пернатова... Я... это самое...
долой гигиену... К черту естественный подбор... Я... плевать хотел на это – как его...
цепи очага... Я... Пернатова, я вас люблю, Пернатова!.. Хотите ли вы на мне
жениться?.. И потом я хочу вас поцеловать... Можно?

Так они и сделали. Поцеловались.

1927

Весельчак

Почему, вспоминая о нем, я чувствую, как горло пересыхает от г злости, по животу
пробегают холодные противные мурашки и появляется одно неистовое, жгучее,
безудержное желание – бить.

Ведь он не сделал мне ничего дурного. А вот подите!..

– Ваш папа случайно не был стекольщиком? – раздался сзади меня тусклый голос.

Я оторвал взгляд от уличной сценки, которую с интересом наблюдал, и оглянулся.
За мной стоял рыжеусый человек с оловянными глазами, в драповом пальто,
каракулевой шляпе с лентой и больших хозяйственных калошах.

– Нет, – сказал я, – мой папа не был стекольщиком, но я тем не менее не люблю
дурацких затасканных как мир остроумий. Если я вам мешаю, так и скажите: «Вы, мол,
мне мешаете смотреть, отойдите».

– Не всякая пустота прозрачна! – сказал рыжеусый.

И вдруг его усы задергались, оловяшки сделались совершенно круглыми, рот
раскрылся, и рыжеусый затрясся от еле сдерживаемого смеха.

– Знаете ли вы, – промолвил я с досадой, – что этой остротой последовательно
пользовались все пошляки, начиная с царя Гороха. И я не привык...

– Не беда, – возразил рыжеусый, – потерпите сорок лет, а там привыкнете.

Я с отвращением отвернулся.

Через несколько дней, когда я сидел у знакомых и пил чай, в комнату вошел

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru человек, в котором я без труда узнал рыжеусого.

- А, – воскликнул хозяин, – здравствуй, Никанор.
- Наше вам с кисточкой! – сказал рыжеусый, расшаркиваясь.
- Познакомьтесь. Это мой старый друг, Никанор Павлович.
- Очень приятно, – любезно улыбнулся я, – мы, кажется, однажды встречались.
- Гора с горой, как говорится, не сходится, – сказал Никанор, – а человек с человеком... хе-хе...
- Хочешь чаю, Никанор? – предложил хозяин.
- Нет, спасибо, я уже отчаялся.
- Он у нас первый весельчак, – нервно сказал хозяин, похлопывая Никанора по плечу. – Зубастый. Так и режет.
- Ну уж и весельчак, – потупился Никанор, – так. Середка на половинку.
- Ну, Никанор, ты все-таки выпей чаю. Ведь ты любишь. Вприкуску.
- Вприглядку, – сказал Никанор вяло.
- Ну так выпей рюмочку вина.
- Бувайте здоровеньки, как говорят хохлы.

Никанор налил стаканчик, щелкнул языком и выпил.

- Дай боже, чтоб завтра тоже! – сказал он, вытирая усы.

Я почувствовал беспричинную злобу. Мне захотелось вскрыть этого человека, как арбуз. Захотелось узнать, о чем он думает, чем живет, что делает. Захотелось узнать, есть ли у него что-нибудь там, за рыжими усами и оловянными глазами.

- Скажите, – спросил я, – как вы смотрите на новый закон о браке?

Никанор тоскливо заерзал на стуле и сказал:

- С точки зрения трамвайного сообщения.

Чтобы успокоиться, я заговорил с хозяином. Стали обсуждать достоинства и недостатки очередной выставки картин. Разговор не клеился. Фигура Никанора, уныло торчащая за столом, убивала малейшее проявление мысли.

- Не скажите, – заметил хозяин, – Серобаба – художник большой силы.
- Художник от слова худо, – сказал Никанор, раскрыв рыжую пасть, – хе-хте... Разрешите папиросочку, люблю, знаете ли, папиросы фабрики Чужаго...

Никанор оживился и порозовел. Он почувствовал себя душой общества.

- Есть такой анекдот. Приходит один человек к другому и говорит: «Чик». Это значит – честь имею кланяться. А другой ему говорит: «Пс» – прошу садиться... Хо-хо-хо... А знаете последнюю армянскую загадку?... Зеленый, длинный, висит в гостиной и пишит?

Я закрыл глаза.

- Не знаете?... Хе-хе... Ну так вот... Селедка. Зеленая, потому что покрасили, висит, потому что повесили, а в гостиной, чтоб трудней было отгадать.

Открыв глаза, я увидел, что Никанор корчится от приступов здорового, жизнерадостного смеха. Хозяин был бледен.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров i1fandpetrov.ru
– Нет, – сказал я жестко. – Длинное и зеленое – это не селедка. Это – машинка для снятия сапог.

Никанор замер с раскрытым ртом и уставился на меня.

– Н-нет, – пробормотал он, – это селедка... Я знаю наверное!

– Нет, машинка.

– Селедка!

– Машинка!

– Селедка, – плачущим голосом сказал Никанор, – ей-богу же, селедка.

– Машинка! – промолвил я ледяным тоном.

– Но почему же? Почему?

– Так. Машинка.

Никанор забегал по комнате.

– Почему же она зеленая? – воскликнул он, ломая руки.

– Потому что покрасили.

– А почему висит?

– Потому что повесили.

– А... это самое... в гостиной... Почему в гостиной?

– Чтоб труднее было отгадать.

Никанор в изнеможении опустился на стул. Его внутренний мир был разгромлен. Жизнь потеряла смысл. Усы Никанора опустились. Оловяшки потускнели.

– Что такое два конца, два кольца, а посередине гвоздик? – спросил я в упор, скрежеща зубами. – Ну, говори?..

– Н-н-ножницы! – простонал Никанор.

– Эх ты, дурак! – сказал я с сожалением. – Не знаешь таких пустяков. Это не ножницы, а пожарная каланча. Не спрашивай меня, Никанор, причину столь странного утверждения. Тебе ее все равно не понять. Ты глуп. Ты глуп даже с точки зрения трамвайного сообщения, не говоря уже о таких необычных для тебя точках, как точка зрения театрального представления или приятного времяпрепровождения. Мозг у тебя, Никанор, отсутствует совершенно. У тебя нет мозга, даже фабрики Чужаго. И я с уверенностью могу сказать, что твой бедный папа был стекольщиком, потому что такой прозрачной башки, как у тебя, я не видел еще ни разу в жизни. Но ты, друг Никаноша, не печалься. Пройдет каких-нибудь сорок лет, и ты привыкнешь. Кстати, известно ли тебе, что такое «Пв», «Икчм» и «Иятрп»?.. Не известно? Ага!.. А это значит: Пошел вон! Иди к чертовой матери! Иначе я тебе ребра переломлю!!!

Больше я Никанора не встречал. И очень рад. Потому что, потому что... я за себя не ручаюсь!..

1927

Рассказ об одном солнце

Когда начальник входил в статистический отдел, Козлодоеву казалось, что затхлая и унылая, как перелицованные штаны, канцелярская комната светлеет, становится огромной и ослепительно зеркальной. Козлодоев низко склонялся к своим таблицам и

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru усердно скрипел пером, боясь взглянуть в сторону солнечного начальника, боясь вздохнуть или, упаси бог, чихнуть.

На самом же деле начальник походил на солнце столько же, сколько окурков махорочной сигарки походит на кровного рысака или пустая баночка от гуталина на Румянцевский музей.

Начальник был довольно паршивеньким желчным мужчиной лет сорока, с преждевременными мешочками под глазами, с табачными усами и зловредным пятнистым носом. Так начальника и называли в управлении – Нос.

«Тише, Нос идет!» или – «Идите доложите Носу, как он скажет».

Короче говоря – Козлодоев был типичным подхалимом–середнячком, и каким бы ни был его начальник – толстым, как графинчик с водкой, или худым, как старый уличный кот, – Козлодоеву он всегда казался сияющим и бестелесным.

– Товарищ Козлодоев, – дразнили сослуживцы, – идите скорее. Нос зовет.

Козлодоев бледнел и начинал мелко дрожать.

– Врете вы, товарищи, – говорил он, чувствуя, что его душа покидает теплое насиженное местечко между печенью и желудком и в панике перебирается в холодную и неуютную пятку, – врете вы. Нос даже не знает о моем существовании.

– Вот вам и не знает. Позвал только что начканца и как гаркнет: «Позвать сюда Козлодоева», что начканц с перепугу стал подмигивать глазом.

– Не может этого быть! – шептал Козлодоев трясущимися губами.

– Ну, ну, пошутили. Экий вы какой... Уже и перепугался.

Однажды в прескверный дождливый вечер Козлодоев пошел в театр. Весь первый акт он просидел, приятно улыбаясь, в амфитеатре, а в антракте пошел покурить и увидел в курительной комнате начальника. Нос мыкался из угла в угол и курил папиросу.

«Курит, – подумал Козлодоев с молитвенным ужасом, – ей-богу, курит. Папиросу».

Козлодоев привычно задрожал, отошел в сторонку и с умилением принялся наблюдать за действиями Носа. Нос стал проталкиваться к урне.

– Позвольте пройти, – сказал он какому-то высокому молодому человеку.

– Ай-яй-яй! – ахнул Козлодоев. – У молокососа пройти просит!

– Толкаются тут всякие! – недружелюбно сказал юноша, глядя на Носа сверху вниз.

– Не видите, гражданин, дама стоит, а вы прете, как на пожар!..

Козлодоев покачнулся, вдвинул голову в плечи и зажмурился. Сердце его усиленно забилось. Он не сомневался, что несколько ближайших секунд принесут грубому молодцу гибель, что весь театр бросится сейчас вот на юношу и растопчет его в порошок, а Нос будет стоять, заложив руку за борт ослепительного пиджака, и тихо говорить: «Не убивайте этого наглого отрока до смерти. Он еще молод и заслуживает снисхождения».

Козлодоев открыл глаза.

Нос стоял возле молодого человека.

– Извините, – сказал Нос, – мне только окурочек бросить.

– То-то, – снисходительно ответил юноша, – окурочек, окурочек, а сам толкается.

– Пардон-с. Не заметил.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
– То-то, не заметил.

Нос подобострастно улыбнулся, бросил окурочек и пошел в зал. Козлодоев, осторожно пробираясь в толпе, последовал за ним.

«Боже, боже, – думал Козлодоев, глядя, как Носу наступают на ноги и не обращают на него ни малейшего внимания, – что случилось? Что произошло?»

Весь спектакль Козлодоев томился, будучи не в силах постигнуть причины столь низкого падения радужного начальника.

Как только занавес начал опускаться, зрители, аплодируя на ходу и огрызаясь друг на друга, бросились к выходу. Пьеса была забыта. Все были обуреваемы одним неистовым желанием – достать калоши.

Маленький, плюгавый Нос в изгибе лестницы попал в водоворот и был притиснут к стене.

– Проходите! – рычали Носу.

– Стал как истукан и стоит!

– Эй, вы! Не крутитесь под ногами!.. Ч-черт!

Когда растерзанный и багровый Нос пробился к вешалке, его ожидали еще большие мучения. Развевающиеся полы пальто хлопали его по лицу, грязные калоши плавно скользили по уху, а публика обливала его обильными потоками грязных, циничных ругательств.

Козлодоев потерял способность соображать. Он не замечал, что ему самому наступают на ноги, мажут калошами по лицу и ругают на чем свет стоит. Он понимал лишь, что произошло нечто страшное, неожиданное, чудовищное. Начальник перестал озарять собою окружающее, потерял свой блеск. Сияющий, ослепительный Нос померк.

«Что случилось? – мучительно думал Козлодоев. – В чем дело?» – и не находил ответа.

Всю ночь Козлодоев не сомкнул глаз. А когда серый, как статистическая таблица, рассвет заглянул в его комнату, он понял. Конечно, Нос снят с должности и уже больше не начальник, а самый обыкновенный, глубоко смертный гражданин. И как это он сразу не сообразил. Ведь это же просто и ясно, как восьмой разряд тарифной сетки.

– Ура! – закричал Козлодоев жене. – Носа сняли! Ур-ра!

Козлодоев, невымытый и нечесанный, побежал на службу.

«Ага, – ехидно подумал он, видя, как начальник с портфелем входит в вестибюль, – дела пришел сдавать, голубчик!»

– Товарищи! – воскликнул Козлодоев, вбегая в канцелярию. – Носа сняли! Дела сдает! Ей-богу!

– Ну что вы такое мелете, Козлодоев? – сказал осторожный начканц. – Ну кто вам сказал, что его сняли?

– Будьте уверены! – хихикнул Козлодоев.

Козлодоева тесно обступили сослуживцы. Козлодоев из скромного регистратора сразу же превратился в героя дня.

– Сняли, сняли, – небрежно говорил он, – дела пришел сдавать наш Носище. Уж будьте покойнички. Раз Козлодоев говорит – дело верное. То-то я вижу, что на нашего Носеньша никто внимания не обращает! А его-то и сняли, хе-хе-хе... Я, знаете ли, сам ему на ногу наступил и выругал его хорошенько. Верное слово. Где Нос? Ау!

По толпе служащих пробежал гул недоверия.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

– Врете вы, Козлодоев, – плачущим голосом сказал начканц, – не наступили вы ему на ногу. Быть этого не может!

Козлодоев презрительно посмотрел на начканца.

– Это я-то? Не наступил? Ха-ха! Хорошо же...

Козлодоев небрежно оглядел присутствующих.

– Хорошо же... Идите все в коридор и смотрите, как я наступлю Носу на ногу, а он еще сам извинится, а я еще сам его выругаю хорошенько.

В коридор вышли всем отделом и стали ждать.

Через пять минут дверь начальника кабинета растворилась, и в коридоре показался Нос.

Служащие вытолкнули Козлодоева вперед и замерли у стен. Козлодоев нервно кашлянул и пошел навстречу начальнику. Нос шел быстро, рассеянно поглядывая по сторонам.

«А вдруг я ошибся? – подумал Козлодоев, поравнявшись с Носом и покрываясь холодным бисерным потом. – А вдруг его не сняли?»

Но отступить было уже поздно.

«Эх! Была не была!» – решил Козлодоев и тут же наступил начальнику на ногу.

– Виноват! – пискнул Нос, отскочив в сторону.

– Толкаются тут всякие! – пробормотал Козлодоев.

– Простите, – промолвил Нос, глядя на Козлодоева в упор, – не заметил.

Козлодоев победно улыбнулся.

– То-то, – сказал он громко, – не за-ме-тил!.. Надо замечать! И вообще вы ничего не замечаете. В учреждении творятся безобразия!.. Грязь!.. Секретарь пьянствует!.. А он, извольте ли видеть, не заметил!..

И Козлодоев медленно пошел дальше.

Триумф Козлодоева был шумный и заслуженный. Козлодоеву удивлялись. Козлодоевым восхищались. Перед Козлодоевым заискивали даже скептически настроенный начканц поверил, что Носа сняли.

Однако ничто не вечно под луной, под этой планетишкой, питающейся, как известно, чужим светом.

К концу дня в канцелярию вошел взволнованный начканц.

– Товарищи! – сказал он. – Начальника вовсе не сняли. У меня есть точные сведения. Ответственный секретарь даже удивился, кто мог распустить эти дурацкие слухи! Ну-с, дорогой Козлодоев...

Взоры обратились к Козлодоеву.

– Ну-с, Козлодоев? Что вы, Козлодоев, на это ска...

Начканц не кончил. В комнату, как вихрь, влетела курьерша и выпалила:

– Товарищ Козлодоев! Не иначе как вас начальник требует. Говорит, позови мне, говорит, такого высокого, худого, рыжего, говорит, в очках. Не знаю, говорит, как его фамилия... А кроме вас, товарищ Козлодоев, других рыжих нету. Скоренько идите, потому они сердятся...

Как Козлодоев дошел до кабинета начальника, он не помнил. Перед его глазами

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
клубился осенний туман. В животе сделалось холодно, как в склепе.

– Ах, это вы, – сказал начальник, пронзительно глядя на Козлодоева. – Как ваша фамилия?.. Что?.. Как?.. Каз... Козлодыбов... Ага... Вы какую должность занимаете? Регистратор? По восьмому разряду?.. Так вот, товарищ Козлодыбов, у нас с сегодняшнего дня освобождается должность технического секретаря. Я предлагаю вам ее занять. Разряд четырнадцатый. С нагрузкой... Надеюсь, согласны? Что?.. Ну, отлично. Идите и приступайте к работе.

Когда Козлодоев вышел, начальник закурил папиросу и мечтательно откинулся на спинку кресла.

– Как приятно, – промолвил он, – видеть в своем учреждении сотрудников, которым не чуждо чувство здоровой, хотя и резкой критики. Как приятно иметь сотрудника смелого, самостоятельного и далекого от подхалимства и угодничества.

1927

Путешественник

Никогда еще я не видел Колидорова таким оживленным, как в этот памятный морозный февральский день, когда Колидоров, прямо со службы, красный и оживленный, ворвался в мою комнату, содрал с себя полосатую беличью шубу (мехом наружу) и, стряхивая с ушастой шапки снег, закричал:

– Ты, жалкий капустный червь, гордящийся оседлым образом жизни и украшающий обеденный стол скатертью, ты, отправляющийся на службу в трамвае и в трамвае же возвращающийся со службы домой, ты, имеющий жену и тещу и полагающий свое благополучие в пошлом созерцании недоброкачественных кинематографических картин, – смотри... Вот...

Колидоров вынул из бокового кармана потрепанную географическую карту, разложил ее на столе и радостно захохотал.

– Видишь?

– Вижу, – осторожно сказал я, – это карта СССР, издана Госиздатом в тысяча девятьсот двадцать пятом году.

– А еще что-нибудь видишь?

– Гм... Масштаб тут какой-то... Разрешено Главлитом за номером двадцать две тысячи семьсот пятьдесят шесть... тираж...

– Эх, ты! Шляпа!

Колидоров схватил меня за шею и, больно прищипав воротником кожу, ткнул носом в карту.

– Смотри, дубина, где будет твой друг Колидоров через какие-нибудь четыре месяца. Ну? Теперь видишь.

– Вижу.

– Что же ты видишь?

– Вижу, – прохрипел я, добросовестно проглядев карту, – что какой-то идиот измазал поверхность этой бумаги красным карандашом.

– Это не какой-то идиот, – самодовольно сказал Колидоров, – это я, Колидоров, начертил путь того путешествия, которое я совершу ровно через четыре месяца, первого июня. Теперь чувствуешь?

– Чувствую, – покорно ответил я, потирая шею.

– То-то. У нас, брат, сегодня распределяли время отпусков. Мне вышло ехать первого июня. Так вот, на этой карте я начертил наглядный план моего путешествия.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

Я посмотрел сперва на карту, а потом на Колидорова. Его лицо сияло, как переполненная до краев кружка с пивом.

– Колидоров, – воскликнул я, – неужели ты твердо решился на этот шаг?

– Не веришь – презрительно процедил Колидоров, – так вот. Полюбуйся.

Колидоров схватился за карманы и после пятиминутной борьбы со старыми засалившимися бумажками, кусочком гребешка, шариками шерсти, пуговицей от жилетки и вечерней газетой за 1924 год вытащил из темных загадочных недр своего пиджака смятый кусок бумаги.

– Вот. Смотри.

Я развернул бумажку. На одной стороне ее было написано: «Чемодан – 15 руб. Автомобильные очки – с 3 руб. Оленья доха – 60 руб. Бинокль – 10 руб. „Весь СССР“ – 5 руб. 2 пары носков в клетку – 2 руб. и ковбойская шляпа с ремешком и дырочками – 9 руб. 50 коп.» На другой стороне бумажки запись носила несколько иной характер. Сверху большими буквами: «Маршрут». Затем подзаголовок: «Путешествие по окраинам Союза». И, наконец, «Москва – Мурманск – Владивосток – Бухара – Красноводск – Баку – Батум – Севастополь – Каменец-Подольск – Минск – Ленинград – Мурманск – Москва».

Колидоров сообщил мне точный адрес своей дачи и просил непременно «примахнуть», когда он «обживется и уложится в новых условиях».

Третьего июня, ступая по лужам и проваливаясь в какие-то канавы, я шел вод проливным дождем от станции «Целебные грязи» к даче, в которой обитал мой друг Колидоров.

С трудом отбиваясь от собак, я вступил на гнилые лесенки террасы. На террасе, обтянутой промокшей парусиной, сидел за столом, покрытым скатертью, посиневший Колидоров и, трясясь от холода, играл сам с собою в шахматы. Увидев меня, он болезненно улыбнулся и развел руками.

– Ты, – сказал я грозно, – жалкий капустный червь, гордящийся оседлым образом жизни и украшающий обеденный стол скатертью, ты, живущий, подобно серенькому обывателю, на даче и сидящий на террасе!.. Ты, полагающий все свое благополучие в пошлой игре в шахматы с дураком партнером, – смотри. Вот...

Я устроил большой кукиш и, с наслаждением шевеля большим пальцем, поднес его к носу Колидорова.

– Вот тебе автомобильные очки, вот ковбойская шляпа. Вот тебе Владивосток! Вот тебе Мурманск! Вот тебе Волга и вот тебе хребет!.. Видишь?

– Вижу, – сказал Колидоров покорно.

1927

Всеобъемлющий зайчик

– Ах! Дети – это моя слабость! – прошептал поэт, мечтательно глядя на огонек папиросы. – Я люблю детей нежной материнской любовью.. Я должен, немедленно должен написать детские стихи!.. Да, дети, я отдаю вам свое бессмертное имя! Я кладу к вашим милым ноженькам огонь высокого вдохновения и сладкое бремя моего долголетнего опыта. Кстати, за детские стихи, кажется, не плохо платят...

И поэт, муза которого в этот вечер была особенно благосклонна, написал нижеследующее стихотворение:

ЗАЙЧИК

Ходит зайчик по лесу
К Северному полюсу...

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
– Детские стихи должны быть краткими и выразительными, – сказал поэт.

– Но не до такой же степени! – испугались его друзья.

– Не беспокойтесь, – холодно ответил поэт. – Для небольшого аванса они достаточно кратки и выразительны.

В издательстве «Детские утехи» стихи очень понравились.

– Прекрасные стихи, – сказали поэту, – дети будут в восторге. Вот записочка в кассу.

– Ах! Дети – это моя слабость, – ответил поэт, небрежно пряча записку в жилетный карман. – Вы не поверите, но для этих шаловливых карапузов я готов в огонь и в воду.

Однако ни в огонь, ни в воду поэт не пошел, а вместо этого направил свои стопы в издательство «Неудержимый охотник».

– Охота – это моя страсть! – воскликнул поэт, войдя в кабинет редактора. – Вот настоящие охотничьи стихи, краткие и выразительные.

Редактор надел очки и нерешительно прочел:

Ходит зайчик по лесу

К Северному полюсу...

– Хм... Да... Стихи интересные, но при чем тут, собственно говоря, охот...

– Ка-а-ак! А зайчик!

– Да. Действительно. Зайчик. Но...

– Что «но»? Ничего не «но»! Картина! Живопись! Полотно!.. Представляете себе – лес, густой, темный лес... Охотник в болотных сапогах, сжимая в руках ружье и ломая сучья, пробирается к снежной поляне. Снег. Синь. Тишина... В это время на поляне появляется зайчик. Его следы четко синеют на пушистом снегу. Уши приподняты. Он весь – движение, весь – порыв!.. Э, да что говорить! Такого зайчика, как у меня, вы нигде не купите...

– Снег... Следы... – прошептал редактор. – Ветки хрустят.. Ладно. Покупаю зайчика... Скорее берите аванс.

В редакции журнала «Лес, как он есть» поэта встретили с энтузиазмом.

– Вот! Наконец-то и поэты одумались и повернулись лицом клееному хозяйству! – радостно сказал редактор. – Ну-ну, показывайте, что вы принесли. Ага!..

Ходит зайчик по лесу

К Северному полюсу.

– Гм... Это, конечно, очень литературно, но не имеет ничего общего...

– Как не имеет? А лес! Прочтите еще раз. Тут же ясно сказано: ходит зайчик по лесу. Не по какой-нибудь там ниве или лужку, а именно по лесу. А вы говорите – не имеет общего.

– Это, конечно, верно. Про лес тут говорится. А вот о сохранности леса ничего не выявлено...

– Вчитайтесь, милый. Ведь по лесу не козел какой-нибудь гуляет вонючий, а зайчик. Понимаете? Зайчик-вредитель.

– Ну разве что вредитель... А вот тут непонятно, почему зайчик идет к полюсу.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

– Очень просто. Зайчик испортил лес, а потом пошел на Северный полюс, и если мы не будем зорко следить за сохранностью лесов, то зайчик и там чего-нибудь испортит. Тундра, например. От него все станется...

– Ну, разве что тундру. Вы оставьте рукопись... Что? Аванс? Это можно. Для такого отчаянного любителя лесов, как вы, с нашим удовольствием.

В журнале «Красный любитель Севера» стихи были приняты моментально. Хвалили так убежденно, что даже поэту стало совестно. Просили приносить побольше про север. Дали аванс.

В «Вестнике южной оконечности Северного полюса», солидном географическом еженедельнике, «Зайчик» произвел такое потрясающее впечатление, что престарелый редактор впал в обморочное состояние, а придя в себя, сказал поэту:

– Благодарю вас от имени всех честных любителей полюса.

Дали большой аванс.

Незначительная заминка произошла лишь в редакции бюллетеня «Успейте застраховаться». Однако моментально выяснилось, что машинистка ошибочно вместо «полис» написала «полюс» и поэт, провожаемый сотрудниками редакции, сел в автомобиль и уехал домой.

Поэт заслужил свой отдых.

– Ах, дети, дети! – сказал поэт, наполняя бокал шампанским. – Пью за ваше здоровье, дети! Живите, дети! А с вами, бог даст, не пропаду и я...

1927

Юморист физикевич
Исповедь редактора

Я знал его еще тогда, когда он добывал хлеб прямым и честным путем – стихами.

В те времена он был милым, застенчивым юношей. Принося в редакцию стихи, он мялся и лепетал что-то насчет метафор. Тогда он сознавал свою вину перед человечеством и старался загладить ее хорошим поведением. Каюсь. Я первый толкнул его на трудный, тернистый путь, который...

– Послушайте, – сказал я ему тогда, – неужели вам не надоели стихи?

Он оглянулся. В редакционной комнате, кроме нас, не было никого.

– Надоели, – прошептал он.

– Вот видите. Зачем же вы их пишете?

– А что же мне писать?

«Да ничего, черт возьми, не писать!» – хотел воскликнуть я, но, посмотрев на большие красные уши поэта, осекся.

– Пишите, знаете ли... гм... это самое. Понимаете?... Веселое. Выдумывайте каламбуры... этакое... гж... словообразования...

– Словообразования? – оживился он. – Так, так... Понял я вас... А-а-а... скажите, за эти самые словообразования платят?

– Разумеется. Если хорошие. Словообразования.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

Глаза поэта загорелись хищным блеском. Он вскочил со стула и, пробежавшись по комнате, выпалил:

– Среднее словообразование или высшее? Я скоро словообразуюсь и, если ты, словообразина, мне не веришь, я тебя живо словообразумлю ...

– Талант! Положительно талант! – сказал я, слегка опешив от неожиданного перехода «на ты».

С поэтом делалось что-то странное. Он носился по комнате, переворачивая мебель и дергая руками, как веревочный паяц.

– Вот. Слушай, – сказал он наконец.

Совет редактора – задание.

Добьюсь победного венца.

Я здесь словообразованье

Сказал для словообразца.

Бейте меня! Я дал ему по рублю за строчку. Получая деньги, он вяло сказал:

– За ажурную строчку гони деньги на бочку.

Когда он ушел, я тяжело задумался.

Он начинал мне тихо надоедать. Отношения наши постепенно стали приобретать температуру Северного полюса.

– дай р-р-й гав, гав, гаванс! – сказал он устало.

Я развел руками.

– Денег нет.

– Р-редактор! Не ври, д'актор! А то ты принесешь мне вред, актор!

– Вы состоите поэтом?

– Поэтом.

– Поэтому я не дам вам денег, – сострил я, на всякий случай отодвигая подальше тяжелое пресс-папье.

– Остришь? Остри.

Он махнул рукой и без всякого воодушевления добавил:

– Остридцать рублей гони.

– Что нового? – осторожно спросил я. – Пишете?

– Пишу. Пью коньяк пишустова. Написал про Пуанкаре. Хочешь? Вот.

Собрав войска свои в каре
И прицепивши танк к штиблету,

Кричит бандит Пуанкаре:

Карету мне, пуанкарету!

– Нравится?

– Гм... Не актуально.

– Значит, дело табак туално. Так.. Понял я вас. Может, хочешь про Ллойд-Джорджа? Например, – целлуллойдджорджик ... Или про Чемберленские прииски, то бишь происки... Или...

– Я спешу на заседание.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров i1fandpetrov.ru

- Заселибердание ...
- Вы мне надоели!
- Канада ели, в Канаде ели, надоели менты платить. Плати елименты, редактор!
- Пустите меня, ч-черт, я позову милицию.
- Ваше милицо мне знаркомо ...
- Вон!!! – гаркнул я.

Он захохотал.

– Телевон, ха-ха-ха, пиксавон, ха-ха, Джойсвон, Хикс, хи-хикс, хи-хи-хи-хикс, хигрек, хизет, хиклозет ... хо-хо-хо...

Я не видел его года два. Говорили, что он стал пить и оскорблять знакомых. Его несколько раз били за неприличные извращения чужих фамилий. Жена убежала от него к какому-то помощнику прокурора. Он крикнул ей вдогонку:

Жена бежала к прокурору,
Но прокурор не будет впрок.
И, не найдя в нем прокопору,
Она получит прокурор.
Передавали, что обиженный прокурор возбудил против него уголовное преследование по обвинению в физическом и психическом насилии над русской грамматикой.

Последняя наша встреча произошла на вокзале. Был январь. Мороз достигал тридцати градусов.

Он шел по платформе в сопровождении плечистого малого в дворницком фартуке с бляхой. Он был без пальто, в аккуратно выглаженном костюме. Галстука и шляпы не было. К ворсу пиджака прилипла большая соломинка.

- А я на дачу! – воскликнул он широко, по-детски, улыбаясь.
- Ну, что вы, милый, – сказал я, пожимая его холодную вялую руку, – какая может быть дача в январе месяце?
- Они-с на Канатчикову дачу, – почтительно сообщил детина в фартуке.
- Ну да. В Канаду. На Канад чикову дачу, Шпа-гатчикову незадачу, неудачу, удачу...
- Идем, что ли! – сказал детина.
- Не пойду-у-у!!! Не пойду-плетом в угол!.. Р-р-р-анга, нга...

Поэта стали вязать.

– Я изобрел Сатурн!!! – крикнул он, отбиваясь изо всех сил. – Не плюйте в сатурну!..

Больше я его не видел.

1927

Даровитая девушка
~Сколько их, куда их гонят...

Часто, глядя на студента Хведорова мерцающим взглядом, Кусичка Крант говорила:

– Знаете, Хведоров, я решила посвятить кино всю, всю жизнь.

– И напрасно, – угрюмо отвечал студент, – всю жизнь – это очень много. Посвятите ему лет десять – пятнадцать, а больше не посвящайте.

– Нет. Вы все шутите, а я серьезно. Я создана для экрана. Не правда ли, у меня фотогеничное лицо?

– фотогеничное-то оно фотогеничное, только что от того толку, раз на нем бороды нет.

– К-какой б-бороды?

– Обыкновенной. Из волос. Теперь, я слышал, фотогеничные лица без бороды не в ходу.

Кусичка Крант морщила малообещающий лобик и задумывалась. Потом облегченно вздыхала.

– Так то у мужчин. А я женщина.

– У женщин тоже. Я знаю. Мне один король режиссеров говорил. Ей-богу.

– Нет. Вы все шутите, а я серьезно.. Вы, Хведоров, не любите кино. Это ужасно.

– Не люблю, Кусичка. Уж такой я человек. Бесчувственный. Горбатого, как говорится, могила исправит.

– Как это исправит горбатого? Разве горб у горбатого можно исправить?

Студент Хведоров пристально смотрел на Кусичку Крант. Ее глаза честно и доверчиво смотрели в студентовы – лживые и хитрые.

– Видите ли, этот способ лечения горбатых граждан ведет свое начало с одиннадцатого века. Делается это очень просто. Роят яму. Потом сажают в нее горбатого человека и засыпают землей. Через недели две яму разрывают и вынимают оттуда пациента. И что же? Горба и в помине нет.

– Вы шутите!

– Серьезно!

Когда Кусичка окончила киностудию, ее жизнь резко изменилась.

Кусичка вставала в шесть часов утра и отправлялась на кинофабрику. Возвращалась поздно вечером усталая, голодная, но торжествующая.

– Ну, как ваши дела? – спрашивал Хведоров вежливо. – Снимаетесь все?

– Еще как.

– Небось от этих «сатурнов» глаза болят?

– Каких там «сатурнов»?! Вы с ума сошли! От юпитеров. Нет, не болят. Привыкла.

– Ну, как там на фабрике? Хорошо?

– Ого!

– Кадры большие?

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

– Ничего себе. Спасибо.

– Диафрагма не побаливает?

– Вы с ума сошли! Вы знаете, что такое диафрагма?

– Не знаю.

– То-то. Раз не знаете, не говорите.

– Я ничего такого не говорил... Ведь я, собственно говоря, не питаю против диафрагмы никакой вражды.

– То-то.

– А режиссер хороший?

– Ничего себе. Крепкий режиссер.

– Вероятно, страдает от наплыва?

– От него нельзя страдать. Наплыв – это киноприем.

– Ну, это смотря какой наплыв. Если наплыв киноартистов, то от него. даже запрещенные приемы бокса не помогут.

Перл студентова остроумия пропал зря. Кусичка задумчиво смотрела на потолок и морщила лобик. Видно, о чем-то мучительно думала.

– Скажите, – спросила она нерешительно, – как добывается стекло? Оно... ископаемое?

– Это смотря по тому, какое стекло. Бутылочное, например, добывается из глубины моря. Водочные рюмки тоже. Ископаемые.

– А электрические лампочки?

– Растут, – твердо сказал студент, – на деревьях.

– Серьезно?

– Ей-богу. Есть такие деревья. В Америке. Возле Голливуда. Их так и называют – электрические скаты. А почему вы спросили?

– Так... Я на фабрике нечаяно разбила лампочку. Во время съемки.

Съемка картины подходила к концу. Приближался день, который должен был принести Кусичке Крант славу и доллары. Кусичка стала нервничать.

– Скажите, Кусичка, – осмелился как-то спросить студент, – вы снимаетесь в комедии или драме?

– Ведь вам, кажется, известно, – сухо ответила она, – что у меня комедийное дарование.

– Значит, в комедии?

– Угу.

– А как называется картина?

– Глупый вопрос. Всему миру известно, что картина называется «Приключения портного Фитюлькина», по сценарию Шершеляфамова, Михаила Гнидова и Константина Бруцкуса, а вы... Отстаньте.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
В последние дни перед премьерой «Портного Фитюлькина» Кусичка нервничала. Студент заметил, что веки ее покраснели и она часто сморкалась.

– Бодритесь, – сказал он ей, – Дантон, всходя на эшафот восемнадцатого бумеранга, встретил смерть бодро.

– Так то Дантес, – сказала она упавшим голосом, – а я девушка.

– Я в этом никогда не сомневался! – ответил студент галантно.

В кинотеатр пришли за час до начала сеанса.

– А знаете, – заметил студент Хведоров вскользь, – вашей фамилии почему-то нет на афише. И Мясохладобоева есть, и Глупского, и даже какой-то Сидоровой, а вашей нет.

– Интриги.

– Скажите, какая наглость! – посочувствовал Хведоров.

– От них все станется! – злобно сказала Кусичка. – Однако идемте в зал. Сейчас начнется.

Потух свет, и на экране добросовестно завертелся портной фитюлькин. Он шил рясу какому-то явно антирелигиозному попу, разнообразя это привычное его профессии занятие ухаживаниями за дочкой ответственного товарища.

На полотне было все: и приближающийся поезд, и рельсы, и бешено вращающиеся колеса, и заводские трубы, и красивый деревенский пейзаж, и попадьа анфас и в профиль, и голый портной фитюлькин на пляже в Крыму, и Кавказский хребет... Не было только одной Кусички Крант. Не было ее ни в первой, ни во второй, ни в третьей части, как равно не было ее в четвертой, пятой и шестой.

Один только раз, когда на экране мелькнули чьи-то, взятые крупным планом ноги, Кусичка ущипнула студента за локоть. Но продолжалось это одно мгновение.

Так как частей было всего шесть, студент Хведоров и Кусичка Крант пошли домой.

– Ну-с, дорогая моя, – сказал студент, – что вы можете сказать по поводу этой картинки?

Кусичка молчала.

– Почему же вы молчите? Что касается меня, то я в восторге. Ваше лицо, освещенное яркими юпитерами, показалось мне весьма фотогеничным. Вы играли с большим мастерством. Очевидно, занятия в студии сослужили вам немалую службу. Диафрагма вам, несомненно, благоприятствовала, несмотря на несколько резкий наплыв и интриги негодяя режиссера... Сегодня вечером я положительно полюбил кино... Кстати, лампочки на деревьях не растут, а выдуваются из стекла, которое отнюдь не добывается, а изготавливается из песка и прочей дряни... Не ревите... Стыдно реветь в семнадцать лет. И потом эти драмы вам не к лицу. У вас, если не ошибаюсь, дарование комедийное...

– Я... б-больше н-не б-буду! – прошептала Кусичка Крант.

– То-то, – сказал студент Хведоров, смягчившись, – а теперь идите домой и положите на голову холодный компресс. Завтра я вам принесу географию и обществоведение. Если вы посвятите им всю, всю жизнь, из вас еще может выйти толк.

1927

Великий порыв

Я люблю энергичных людей. Не любить их нельзя. Верьте слову. Посмотрите, посмотрите, вот идут двое. Один – рыхлый тридцатилетний мужчина с сонным лицом,

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru в мягкой шляпе и с дурацкой кляксой волос под нижней губой. Посмотрите, как вяло он передвигает ноги, какая зверская скука перекосила его гладкую морду. Вглядитесь – ему скучно есть, скучно спать, скучно работать, скучно жить. Но зато рядом с ним несется, подпрыгивая, личность, при виде которой даже грудному ребенку становится ясным, что личность эта – энергия, порыв, смерч... Посмотрите, как небрежно съехала кепка на затылок личности, как личность, забегающая вперед, вдруг останавливается и кричит на всю улицу: «Ты не прав, Никифор, и я сейчас тебе это докажу!» Посмотрите, посмотрите – ведь это падающее с носа пенсне, этот победно развевающийся галстук, – эти острые колени – это сама жизнь, жизнь кипучая, полная порывов и ошибок, великих открытий и заблуждений, жизнь чертовски прекрасная во всех ее многогранных проявle...

Я люблю энергичных людей.

Товарищ Терпейский – мой сослуживец. Мы ежедневно сталкиваемся с ним в темном редакционном коридоре, жмем руки и расходимся по своим комнатам. В течение дня мы видимся не менее десяти раз. И каждая новая встреча все более и более убеждает меня в том, что Терпейский не что иное, как большой, умело организованный, базисный склад энергии.

Терпейский – отличный журналист. Его фельетоны – резки, сжаты, образны и остры. Диалог – само совершенство. Быстрота работы – сногшибательна.

Если бы меня разбудили ночью после товарищеской вечеринки и спросили бы: «Скажите, может ли Терпейский перевернуть гору?» – я бы ответил: «Кто? Терпейский? Гору? Конечно, может!»

Однако слушайте. То, что я вам сейчас расскажу, – сущая правда.

– Милый, – сказал мне как-то за обедом Терпейский, – ты не поверишь, но в бюрократизме меня больше всего возмущает косность языка. Я не ищу корней бюрократизма, я не хочу их искать, ибо я знаю, что в тот момент, когда официальные бумажки освободятся от затхлой казенщины, идущей со времен подьячих допетровского времени, – бюрократизму придет конец. При виде бумажки, начинающейся словами «С получением сего», я сатанею... О! Если бы мне пришлось перейти на административную работу, я бы показал им, как нужно писать бумажки. Я бы по-ка-зал!

Верьте – не верьте, но в этот же день Терпейский был назначен главой некоего административного учреждения. Как нарочно.

Терпейский пришел в свой кабинет, сорвал плакат «Без доклада не входить» и сел за письменный стол.

– Вот, товарищ заведующий, – почтительно сказал начканц, – подпишите бумажку.

Терпейский прочел и побагровел.

– Это что такое? – загремел он.

– Б-б-бумаж-жка.

– Прочтите. Начканц прочел:

– «Начальнику сортировочно-методического отдела. Лично. Срочно, Сов. секретно. На № Амдц 85(315)000(83) У. С получением сего настоящим извещаю (зачеркнуто) имею известить вас на предмет присылки, начиная с сего квартала, отчетных сведения в порядке, указанном в пункте Б соответствующего циркуляра, каковые таковые помянутые отчетные сведения надлежит неукоснительно в кратчайший срок представить на распоряжение, о чем вы сим извещаетесь для сведения.

Приложение: без приложения. Зачеркнутому «извещаю» – не верить».

Терпейский бешено затопал ногами. Потом успокоился.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

– Дайте бумажку, – сказал он, – я исправлю.

Оторвав по старой журналистской привычке узенький листок бумаги, Терпейский минуту подумал и быстро стал строчить.

– Вот. Бумажка. Читайте.

Начканц трясущимися руками протер очки и принялся читать:

– «Дорогой начальник сортировочно-методиче-ского отдела! Есть такая поговорка; „Чем дальше в лес, тем больше дров“. Так и у вас получилось с отчетностью. Мы вам бумажки пишем, а вы, извините, чепуху присылаете. Так вот, дружище, как получите нашу бумаженцию, сейчас же пишите отчет по пункту Б (Увы! Менее банально выразиться не могу!) и гоните нам, чем скорей, тем лучше. Ну, прощайте, милый. Кланяйтесь знакомым. Обратите внимание на то, что бумажку посылаю без номера. К чему это? Лишняя волокита. Верно? Ну, ну, не буду вас задерживать. Уваж. вас Терпейский».

Терпейский вытер платком потный лоб. Начканц, почтительно удалился.

– Обломаем! – сказал в коридоре начкана, обступившим его служащим. – И не таковских обламывали.

Прошел год. В редакции о Терпейском стали понемногу забывать. Только иногда вдруг кто-нибудь вздыхал и говорил:

– Эх! Нет Терпейского! Горячий был человек! Нет у нас после Терпейского хорошего фельетона.

Однажды, придя в редакцию, я был ошеломлен. За столом сидел Терпейский. Он стал гораздо солиднее, пополнел и завел под нижней губой эспаньолку.

– Здравствуйте, дорогой товарищ, – сказал он мне, – садитесь. Я вас слушаю. Ну-с. Покороче.

На лице моего друга застыла скука.

Я выбежал в коридор, сдерживая рыдание. От сотрудников я узнал, что Терпейский снова назначен к нам в редакцию.

– Ну, теперь опять будет у нас хороший фельетон... – говорили сотрудники неуверенно.

На другой день я развернул газету и ахнул. Под заголовком «Маленький фельетон» было написано: «Сим имею известить вас на предмет появления помянутого фельетона, каковой таковой...»

Я не читал дальше. К чему... Обломали-таки беднягу.

1927

Встреча в театре

– Простите, гражданин, нельзя ли попросить у вас на минуточку программу.

– Сделайте одолжение.

Я передал программу соседу. Он принял ее с поклоном.

Сосед был тощ и элегантен.

– Мерси, – сказал он, проглядев список действующих лиц, – простите, вы не из провинции?

– Нет. Москвич. А вы думали...

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

– Помилуйте, я ничего не думал... Просто маленькое наблюдение... Я, знаете ли, немножко физиономист... Люблю, грешным делом, наблюдать толпу. Сидишь так вот в кресле, ждешь, куда занавес дадут, и наблюдаешь... Очень интересно и поучительно. Ведь лицо каждого человека – это его визитная карточка, паспорт, анкета даже, если хотите.

– Да, – заметил я.

– Разрешите представиться, – сказал сосед, – вы, верно, не любите с незнакомыми людьми разговаривать? Правда ведь?.. Так вот-с. Наперекоров, Михаила Сергеевич, юрисконсульт.

Пожимая тонкие пальцы соседа, я заметил, что ногти его снабжены скромным, но тщательным маникюром.

Отрекомендовался и я. Мы разговорились.

– Теперь так редко встретишь интеллигентного человека! – пожаловался Наперекоров. – Меня это несколько угнетает. По вашему лицу я вижу, что вы со мной не согласны. Но вы меня не так поняли. Я говорю об интеллигентности чисто внешней, так сказать, о культурности. Ведь это же, дорогой мой сосед, ужасно! Посмотрите вокруг! Ну вон хотя бы тот молодой человек. Видите? Очевидно, студент. Судя по выражению глаз, не глуп, даже талантлив. Но посмотрите на эту засаленную толстовку, на этот небритый подбородок! Посмотрите, как невежливо он повернулся спиной к своей соседке! Посмотрите, как холодно он ответил на поклон того старичка! И вы увидите, что под вывеской культуры (я разумею науку, любовь к искусству эцетера) скрывается некультурность, неуважение к человеческой личности, выражаясь грубо, хамство.

В антрактах мы прогуливались по фойе, обсуждали спектакль и дружно клеймили некультурную публику.

– Видите этого типа? – шепнул Наперекоров в курительной. – Вон тот с бородавкой, который докуривает папироску. Пари держу, что он бросит окурочек на пол, а не в урну, которая стоит перед его носом.

Человек с бородавкой затянулся в последний раз и бросил окурочек в урну.

– Ну, это редкий случай, – снисходительно сказал Наперекоров, – урна слишком близко стояла. Но человек он все-таки некультурный. С такими полубачками, как у него, культурный человек существовать не может.

Наперекоров оказался обаятельным человеком. Он мило острил, поминутно извинялся, бросался за оброненными платками и все время порывался уступить кому-нибудь свое место в фойе.

Спектакль заканчивался Дон Хозе рыдал над убитой Кармен.

– Прощайте, сосед! – кинул мне Наперекоров, срываясь с места.

– Подождите, – сказал я, – еще занавес не опустился.

– Да я знаю, что дальше будет, – громко заявил Наперекоров, – он споет «арестуйте меня», а потом за калошами не достоинься.

В публике зашикали. Наперекоров ринулся через весь зрительный зал, производя неприятный шум.

– Сядьте! – кричали зрители.

Дон Хозе покосился на публику и хватил тончайшее si bemo1.

Между тем у выходных дверей разыгрался скандал. Капельдинеры не выпускали Наперекорова.

– Вы не имеете права! – кричал Наперекоров. – Мне, может быть, нужно по естественным надобностям!..

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

– Тиш-ш-е!.. – гремели отовсюду.

– Это нахальство! – бузил Наперекоров. – Это некультурно задерживать человека, которому не калоши важны, а по естественным надобностям!.. Пустите!

Его все-таки не пустили. Двери открылись только тогда, когда замерли последние звуки оркестра и занавес опустился. Наперекоров вывалился вместе с толпой. Я видел, как он сшиб с ног старушку, укусил за ногу студента в толстовке и мастерским ударом в солнечное сплетение нокаутировал среднего служащего в фиолетовом галстуке. Я слышал, как Наперекоров выругал гардеробщика и пообещал донести на него администратору.

Триумфально шествуя сквозь толпу с шубой и глубокими калошами, Наперекоров напоролся на меня.

– Послушайте, – сказал я ему, – ведь это же, выражаясь грубо, хамство.

Наперекоров посмотрел налитыми кровью глазами, ткнул меня калошами по лицу и понесся к выходу.

1928

Дядя Силантий Арнольдич

Новый кооперативный дом был чист и свеж, как невеста. Сверкали стекла. Одурающе пахли краской перила. Партия полотеров оставляла за собою длинные охряные следы сияющей мастики. Монтеры вправляли последние лампочки в патроны. А с дверей и плинтусов не успели еще сойти известковые брызги.

Первыми вселились Протокозовы.

Протокозову удалось вырвать из цепких рук родственников председателя правления три прелестных комнаты, окнами на юг, с газовой плитой, ванной и комфортабельной уборной.

Когда Протокозов втискивал в дверь первый стол, душа его наполнилась чувством гордости и умиления.

– Наконец-то, – сказал он жене, – наконец-то мы заживем, как люди. В совершенно отдельной квартире! Одни, совсем одни!

В глазах жены стояли слезы.

– Здесь будет спальня, – заметил Протокозов. – Комната, правда, не особенно большая, но зато очень хорошенькая и теплая. А вот это столовая и мой кабинет. Здесь мы сможем принимать знакомых. Правда, милая?

Жена тихо плакала.

– А вот здесь, – сказал Протокозов с дрожью в голосе, – в этой малюсенькой комнате мы поместим дядю Силантия.

– Бедный дядя, – вздохнула жена, – наконец-то и дядя сможет зажить, как человек.

Дядя Силантий Арнольдич жил в огромной и пыльной, как канцелярия воинского начальника, квартире на Плющихе, совместно с тридцатью пятью жильцами. Занимал дядя бывшую ванную – крохотную, совершенно темную комнату без окон.

В течение целого дня Силантий Арнольдич таскал в квартиру племянника вещи. Таскал сам, надрываясь под тяжестью облезших этажерок и винтовых табуретов красного дерева.

– Зачем это, дядя? – поморщился Протокозов, столкнувшись с пыхтящим дядей в дверях. – Почему вы мне не сказали про этот комод? Я бы нанял носильщика, и дело с концом.

– Что ты! Что ты! – зашептал дядя, прикрывая хилым старческим телом допотопный

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
комодик. – Какие теперь носильщики!

Испуганно оглядываясь, дядя Силантий впихнул комодик в новую свою комнату и заперся на ключ.

– Странный какой-то дядя Силантий, – сказал Протокотов жене, ложась спать. – Впрочем, обживется, привыкнет.

Но Силантий не привык.

Утром Протокотов увидел в чистенькой уютной уборной большое, написанное каллиграфическим почерком объявление. Начиналось оно следующими словами:

ГРАЖДАНЕ!

ПОМНИТЕ, ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ

НЕ ОДНИ! ЛЮДИ ЖДУТ!

Дальше предлагалось спускать воду и не бросать на пол окурков. Всего было пунктов восемь. Объявление кончалось угрозой, что если «граждане жильцы» не будут исполнять правил, уборную придется закрыть.

Протокотов улыбнулся и сорвал объявление.

В полдень в уборной появилось новое объявление, написанное тем же каллиграфическим почерком. Первые слова были такие:

Прошу в общественной

уборной не хулиганить.

Не забывают, что вы

здесь не один!

Протокотов подумал, вытащил автоматическую ручку и написал в конце большими буквами слово «дурак».

В ответ появилось:

«От дурака слышу!»

Переписка продолжалась целый день.

Победил дядя, повесив на стену очень длинную, талантливо составленную инструкцию.

Дядя Силантий работал не покладая рук.

На следующий день Протокотов обнаружил в дивной эмалированной ванне старый матрац, пирамиду перевязанных бечевкой книг и пыльную клетку из-под попугая.

На дверях появилась бумажка:

ЗВОНИТЬ:

Ч.И. Протокотову – 8 р.

С.А. Протокотову – 14 р.

Рядом с бумажкой Силантий Арнольдич пробил глазок, а с внутренней стороны приладил чугунный засов, толстую ржавую цепочку и длинную железную штангу.

Внизу, в швейцарской, Силантий вывесил воззвание, начинающееся словами:

«Граждане держатели кошек!»

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
Дядя требовал от граждан держателей, чтобы они надели на кошек намордники, обещая пожаловаться на ослушников управдому.

Коридорчик протокотовской квартиры покрылся аккуратно приклеенными туммиарабиком четвертушками бумаги.

«Не топайте ногами, – требовал дядя, – вы не один». «Гасите за собой электрический свет». «Не бросайте окурков, бумажек и мусору. За вами нет уборщиц».

Как-то в субботу супруга Протокотовы были приглашены на дачу и вернулись только в понедельник. В кухне было пусто. Посредине любимой комнаты Протокотовых (столовой-кабинета), предназначенной для приема гостей и оклеенной изящными светленькими обоями, стояла газовая плитка. К ней была прилажена глупая коленчатая труба, которая тянулась через всю комнату и выходила в окно.

За два дня Силантий Арнольдич умудрился переделать гордость Протокотовых – газовую плитку – в буржуйку.

Привести буржуйку в прежнее состояние оказалось делом нелегким. Приезжали с газового завода, грозили выключить газ и взяли за переделку восемьдесят рублей.

Протокотов ворвался в комнату дяди Силантия и долго топал ногами. Старик испуганно мигал серенькими ресницами.

– Поймите же, – сказал Протокотов, смягчившись, – что объявления ваши не нужны. Мы в квартире одни, понимаете, одни! Ничего не нужно переделывать, дядя. Все благополучно. Поняли?

Старик почти не показывался из своей комнаты. Выходил он только тогда, когда Протокотовых не было дома, блуждал по квартире, пробовал дверные запоры и тайком привешивал новые объявления.

Как-то, возвратившись ночью из театра и позабыв дома ключ, супруги долго и безрезультатно звонили. Потом Протокотов догадался позвонить четырнадцать раз.

За дверью зашуршали валенками.

– Кто там? – встревоженно спросил Силантий.

– Это я. Откройте, дядя!

– Кто таков? – закричал Силантий нечеловеческим голосом.

– Да я же, дядя, я – Михаил.

– Без управдома не пушу! – пискнул дядя.

– Пустите, ч-черт!..

Дверь не открывалась.

Протокотов пытался высадить дверь плечом. Засов и штанга трещали, но не сдавались.

Протокотов стал колотить в дверь руками и ногами.

– Караул! – запел Силантий Арнольдич.

Собрались жильцы. Пришлось сходить за управдомом.

Дяде просунули под дверь управдомово удостоверение, и только после этого дверь отворилась.

Целый день Силантий Арнольдич таскал вещи обратно на Плющиху. Таскал сам, надрываясь под тяжестью облезших этажерок и винтовых табуретов.

Остановившись на лестнице отдохнуть, он снимал старомодное золотое пенсне и

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru испуганно мигал серенькими ресницами.

1928

Беспокойная ночь

Давненько Обуялов не пребывал в таком блеске. Смоченные вежеталем волосы аккуратно лежали по обе стороны пробора, на свежесбранных щечках виднелись синеватые следы пудры, в жилет ниспадал галстук, напоминающий по цвету весеннее небо, покрытое звездами, а выутюженные брюки были тверды, как картон.

Обуялов спешил на вечеринку к Мэри Пароконской. Там, на четырех квадратных саженьях жилой площади, Обуялова ожидали напитки, собутыльники, очаровательные собутыльницы, недавно привезенный из-за границы карманный патефон «Гигант» и танцы, танцы, танцы.

Мужчины давали по трешнице и по две «единицы». Дам можно было приводить бесплатно.

«Сперва позвоню Пароконской, – раздумывал Обуялов, осторожно подвигаясь по мокрому тротуару, – спрошу, какого вина купить. Кстати узнаю, стоит ли заезжать за Ниночкой».

Обуялов посмотрел на часы.

– Черт возьми! Без десяти одиннадцать. Ах, я дурак! Сейчас закроют ночные магазины, и я погиб.

Обуялов рысью побежал к ярко освещенному магазину «Коммунар».

Магазин был еще открыт. Продавцы отпускали товары последним покупателям. Обуялов облегченно вздохнул.

«Сейчас позвоню», – решил он и залез в будку телефона-автомата, расположенную недалеко от кассы.

На станции долго не отвечали. Обуялов нетерпеливо дергал телефонную вилку и топтался в будке, как конь.

Торговля между тем окончилась, продавцы снимали с рук кожаные раструбы. Кассирша подсчитывала выручку. Потушили лишний свет. В магазине сразу стало просторно и почему-то особенно сильно запахло колбасой. Прошло еще несколько минут. Кассирша закончила подсчет. Продавцы разошлись по домам.

– Закрывать, что ли? – спросил сторож, появляясь в дверях.

– Сейчас иду.

И кассирша, распрямив спину после трудового дня, вышла на улицу.

В это время Обуялов, облокотившись на телефонную коробку и изящно изогнувшись, мурлыкал:

– Вы прелестны, Мэри, я чувствую это на расстоянии... Алло!.. Да, да... Что?.. Уже собираются?.. Мало вина?.. Что вы говорите?.. Да, да... Хорошо. Я куплю. И две бутылки водки? Ладно... Видите, какой я хитрый – успел попасть в магазин. И хлеба купить? Пожалуйста, пожалуйста... Алло! Но в таком случае я со всеми этими покупками не смогу съездить за Ниночкой... Да... Что? Лапин съездит? Великолепно. Ну, хорошо, пока... Что? Ладно, ладно... Ну, пока. Что? Только что пришла?.. Алло... Я чувствую на расстоянии, что она, по обыкновению, прелестна. Ну, пока. Что? Вы ревну... А? Хи-хи... Ну, пока. Ладно, ладно. Хорошо. Через десять, самое позднее через пятнадцать минут я у вас... Ну, пока. Мчусь. Мчусь... А? Никто не хочет ехать за Ниночкой... Алло... Передайте им, что они свиньи. Я заеду сам. Ну, пока. Самое позднее через двадцать пять минут я с Ниночкой у вас. Ну, пока... Пока... Пока...

Ах, молодость, молодость!

Обуялов чувствовал себя бодрым и свежим. Он почти физически представлял себе,

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru как он, румяный, весь в мелких дождевых каплях, ворвется с прелестной Ниночкой в комнату Мэри Пароконской, как вывалит на сундук огромный пакет с бутылками и снедью и крикнет... Да. Что он крикнет? Нужно крикнуть что-нибудь залихватское и вместе с тем остроумное. Обязательно остроумное... Да, да... Он крикнет:

– С новой водкой, с новым счастьем!

Все это промелькнуло в мозгу Обуялова в течение одной секунды.

– Пока! – сказал он, повесил трубку и, ликуя, вышел в магазин.

В первую минуту Обуялов не понял, что произошло. Он подошел к прилавку и забарабанил пальцами по стеклу, за которым лежали колбасы и окорока. Потом огляделся по сторонам и почувствовал, что леденеет. Магазин был пуст. На потолке светила одна лампочка слабого накала.

– Здесь есть кто-нибудь? – крикнул Обуялов.

Он не узнал своего голоса, такой он был тонкий и дрожащий.

Магазин молчал.

Обуялов бросился к двери. Дверь была заперта.

– Что же это будет? – спросил он вслух.

Но ответа не получил. С мраморной стойки глядели на него мертвыми глазами большие серебристые рыбы. Восковые поросята тянулись к нему мертвыми пяточками. На полках загадочно мерцали консервные банки и винные бутылки. Обуялов почувствовал себя заживо похороненным. Это ощущение дополнял сильнейший запах колбасы.

Обуялов забегал по магазину.

«Что делать? Что? Что? – в отчаянии думал он. – Не может быть, чтобы я – такой элегантный, такой красивый – пропал здесь в то время, как у этой дуры Пароконской танцуют и веселятся. Нужно что-нибудь придумать. Как можно скорее. Немедленно. Стучать в двери? Кричать? Сбежится народ. Подумает, что налетчик. Иди потом доказывай... Ба! Позвоню в милицию и расскажу им все. Они меня освободят».

Обуялов двинулся к автомату. У него был один-единственный гривенник, да и тот отыскался где-то в подкладке.

Тщательно освободив его от грязной ваты и сдунув последние пылинки, Обуялов вошел в будку.

С последним гривенником нужно было быть особенно осторожным.

Он взял трубку. Телефонистка сообщила ему свой номер.

– Пожалуйста, соедините меня с милицией! – заискивающе сказал Обуялов.

– Опустите монету.

– Слушайте! Вы слушаете? У меня последний гривенник.

– Опустите монету.

– Я опускаю. Имейте в виду. Не спутайте там чего-нибудь. Меня заперли. Гривенник – мое единственное спасе...

– Опустите вы монету или нет?

Обуялов опустил гривенник.

– Уже опустил.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
– Опустите монету!

– Да опустил я уже. Слышите? Опустил... Гражданка!

Сигнала не было.

– Ей-богу, опустил! Миленькая! Дорогая! Опустил! Стерва!..

– Автомат испорчен, – сказала телефонистка. – Повесьте трубку.

– Эй! – завопил Обуялов. – Как вас там! Барышня! Э-э-эй!

Ответа не было.

– Сволочь! – сказал Обуялов. – Дура!

Ответа не было.

Обуялов попытался исправить положение.

– Слушайте. Клянусь вам, что я погибаю. Что у вас в груди – сердце или камень?

Обуялов прислушался. Ответа не было. Его больше не слушали.

Вопрос о содержимом грудной клетки телефонистки так и остался невыясненным.

– Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Обуялов с наслаждением наплевал в трубку, повесил ее и сейчас же снова снял.

В трубку была слышна радиопередача. Заканчивался последний акт «Евгения Онегина».

– Спасите! – крикнул Обуялов козлиным голосом. – Эй, вы, там, на телефонной станции! Спасите человека!

«О, жалкий жребий мой!» – спел в ответ Онегин, после чего противный голос радиоконферансье заявил:

– Трансляция из Большого театра закончена. Объяснения давал профессор Чемоданов.

Обуялов оборвал трубку, бросил ее на пол и долго топтал ногами. Его охватило бешенство. Он выскочил в магазин, ударил кулаком поросенка и закричал:

– С новой водкой, с новым счастьем!

Потом долго плакал, уткнувшись лицом в балык и содрогаясь всем телом.

Утром служащие магазина были чрезвычайно удивлены. На стойке, подложив под голову окорок и укрывшись замасленным пальто, спал неизвестный человек. От человека сильно пахло рыбой. Спал он беспокойно: дергался всем телом и всхлипывал.

1928

Нюрнбергские мастера пения
В Большом театре

Остановив прямо на улице симпатичного юношу с открытым лицом, в кожаной куртке и с пачкой книг под мышкой, я спросил его:

– Ответьте мне, по возможности короче, на один актуальный вопросик: как поступить с Большим театром?

– Открыть в Большом театре кино! – быстро ответил юноша.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
– А... оперу?

– Разогнать!

– И чтоб хорошие картины шли, – придирчиво добавил юноша. – Не какой-нибудь там «Стеклянный глаз» или «В город входить нельзя», а чтоб настоящее. Вроде «Чингиз-хана».

Следующий человек, которого я остановил, был человек солидный, с портфелем, в роговых очках.

– Как поступить с Большим театром? – спросил я.

– Отдать Мейерхольду, – сказал человек.

– А оперу?

– Перевести в мейерхольдовское помещение. А почему вы, собственно говоря, спрашиваете? Не Свицерский ли вы, часом?

– Что вы, что вы! – застенчиво хихикнул я. – Скажет же человек такое...

Весело напевая, я остановил третьего и последнего москвича и спросил его в упор:

– Как поступить с Большим театром?

– А что? – подозрительно спросил москвич. – Разве что-нибудь случилось?

– Да нет, ничего такого не случилось. Так, вообще, интересно знать ваше мнение по поводу Большого театра.

– А! Тогда другое дело, – сказал москвич, поправляя пенсне. – Я, видите ли, любитель оперы. Я обожаю музыку, преклоняюсь перед пением. Слушая оперный хор, я плачу слезами радости. Имена Верди, Чайковского, Вагнера, Глинки, Россини и Мусоргского для меня священны. Я два раза слышал Шаляпина, три раза Баттистини и один раз Карузо. Что же касается моего дяди Павла Федоровича, то он слышал даже Таманьо и Тетрацини. Но... не ходите в Большой театр! Если вам дорого оперное искусство, если хорошее пение очищает вашу душу, если вы не хотите, придя из театра, повеситься в уборной на собственных подтяжках, – не ходите в Большой театр. Не пойдете?

– Увы! – ответил я. – Сейчас я иду именно в Большой театр. На «Мейстерзингеров».

Москвич всплеснул руками и стал пйтиться от меня задом.

– Вагнера?! – простонал он. – Слушать Вагнера в Большом театре?! Но кто же его будет петь?!

– В афишке, – храбро сказал я, – фамилии певцов обозначены. Очевидно, они и будут петь.

– Боже, боже! – донеслось до меня. – Он с ума сошел.

Моего третьего собеседника поглотила метель...

Я вошел под своды Большого театра.

Дирижер Л. Штейнберг был на высоте. Кто скажет, что он не был на высоте, пусть первый бросит в меня камень. Он возвышался над оркестром и был виден всему зрительному залу.

Постановщик, художник и хормейстер тоже были на высоте. Мы хотим подчеркнуть этим, что постановка была хорошая, декорации великолепные и хор отличный.

Постановщик, кроме свежих мизансцен, блеснул также совершенно исключительным техническим нововведением. В «Евгении Онегине» между вторым и третьим актом проходит несколько лет. В «Мейстерзингерах» этого утомительного промежутка удалось избежать. Между вторым и третьим актами проходит всего полтора часа. Это

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru несомненное достижение принимается публикой почему-то безо всякого энтузиазма. Придирчивый народ, эта публика!

Теперь нужно сказать несколько теплых, дружеских слов о певцах.

Певцов было много, очень много. Они были одеты в различные костюмы. Одни были низенькие. Другие – наоборот, высокие. Иные были с бородами. Иные – так, бритые. Среди них были две женщины: одна – высокая, полная, другая – тоже полная, но пониже ростом.

Но все эти совершенно различные по своему внешнему виду люди сходились на одном немаловажном обстоятельстве: пели одинаково плохо. Приятным исключением был только баритон Минеев. Ему пришлось исполнять партию комика, который по ходу оперы должен плохо петь. Эту задачу певец выполнил блестяще.

Героя – безлошадного рыцаря Вальтера пел тенор Озеров. У некоторых зрителей сложилось такое впечатление, что Озеров перец выходом на сцену выпил стопку лимонаду, что лимонад этот застрял у певца в горле и в продолжение всего спектакля булькал там, заставляя зрителей помышлять о прохладном буфете.

Исполнителя партии Ганса Сакса Садомова вообще не было слышно. Если артист в частной беседе сошлется на то, что его якобы заглушил дирижер Л. Штейнберг, не верьте ему. Его может заглушить даже маленький тульский самоварчик, поющий за семейным столом.

Да! Совсем было забыл! Новый текст С. Городецкого!

Вы знаете, С. Городецкий написал к «Мейстерзингерам» новый текст! Ей-богу! Даже в программах написано: «Новый текст С. Городецкого».

Текста, правда, ни один человек в театре не расслышал, но все-таки льстило сознание, что нют не плохой, старорежимный текст, а новый, вероятно, хороший и, вероятно, революционный.

Вспоминается старый, добрый театральный анекдот. Знаменитому певцу Икс сказали:

– Послушайте, Икс! Ведь вы же идиот!

– А голос? – возразил не растерявшийся певец.

И все склонились перед певцом Икс.

Ему все прощалось.

У него был голос.

У него было то, что отличает певца от не певца.

Хорошая вещь – голос!

1929

Долина

Автомобиль, усиленно чадя фиолетовым дымом, круто забрал в гору и стал подниматься по спиральной дороге все выше и выше.

Позади, насколько хватал глаз, как стадо слонов, нагнувших головы, стояли горы. Они покоились на фоне закатного неба с географической четкостью и неподвижностью.

Писатель Полуотбояринов протер запывившиеся очки и сказал:

– Сейчас кончится последний подъем, и мы увидим всю республику как на ладони. Мы увидим долину, но какую долину – полную винограда и горных ручьев. Дикая красота!.. Эх, Коля, Коля!..

Писатель пошевелил пальцами и чмокнул языком.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

– Во-первых, вино! Но какое! Не то что у нас в Москве. Дивное, натуральное вино, чистое, как слеза, и прозрачное, как янтарь!.. А как его подают, Коля! Поддача какая! Не то что у нас в Москве. Подают его с сыром и зеленью для возбуждения жажды. Понимаешь, Коля? Дикая красота! Местные обычаи! Нетронутая целина! Республика, братец, хоть и маленькая, но какая! Сидишь ты, Коля, попиваешь вино, а в кабачке – дым коромыслом! Играют на разных инструментах и танцуют!..

Тихий, кроткий Коля восторженно охнул.

– Да-с, милый ты мой Коля. Мы проведем в этой микроскопической стране три дня. Но какие!

Писатель Полуотбояринов приткнулся к Колиному плечу и зашептал:

– Девочки, Коля. Но какие! Поэма! Тысяча и одна ночь! Узорные шальвары и все на свете! Коля издал сладострастный смешок.

– И возблагодаришь ты, Коля, старичка Полуотбояринова за его тонкое знание местных обычаев.

Автомобиль преодолел гору и покатил некоторое время по ровному шоссе. Потом медленно, с осторожностью лошади, начал спускаться. Глазам путников открылась долина. Сумерки покрывали ее. Под ними смутно угадывались густые сады. Из глубины долины заманчиво выглядывали первые городские огоньки.

– «Есть у нас легенды, сказыки!» – пропел Полуотбояринов противным голосом.

Подъезжали к городу уже в полной тьме. Городские огни сверкали все сильнее и сильнее. Тьма еще больше подчеркивала их яркость.

– Никак электричество, – задумчиво сказал Полуотбояринов, – с каких же это пор?

Автомобиль миновал большие дома с высокими трубами и вынесся на широкую, усаженную кипарисами, главную улицу. Вдоль тротуаров в аккуратных деревянных желобах хлюпали оросительные каналы.

– Позвольте, – прошептал Полуотбояринов, – не помню я что-то этой улицы. И каналов никаких не было. И труб никаких не было.

У нового единственного в городе здания гостиницы толпился народ. Над входом были протянуты плакаты:

«Добро пожаловать!» и «Привет тов. Полуотбояринову от местных литераторов».

От толпы отделился худенький человечек в сапогах и в огромной кепке. Он подошел к автомобилю и, волнуясь, сказал на ломаном русском языке приветственную речь.

После этого путников ввели в приготовленную для них комнату и пожелали спокойной ночи.

– Ну-с, Коля, – сказал Полуотбояринов, с наслаждением улыбаясь, – отдохнем с дороги, а завтра я покажу тебе город! Тысяча и одна ночь! Вино! Девочки! Дикая красота! Поживем три денька в собственное удовольствие!

Ранним утром путешественников разбудил вежливый стук в дверь. Вошел давешний человечек в кепке.

– Можно ехать, товарищ Полуотбояринов, – сказал он, ласково улыбаясь, – все утро бегал. Достал новую наркомпросовскую бричку.

– К-куда ехать? – пробормотал Полуотбояринов, жмурясь от бьющего в окна яркого тропического солнца.

– Как куда? – удивленно молвил человечек в кепке. – Строительство смотреть. А куда же еще? У меня и расписание есть.

Он вынул листок бумаги и прочел.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

– В восемь утра – гидростанция, в десять – новая общественная столовая (там можно позавтракать), в двенадцать – тропический институт, в два – оросительные работы, потом обед, в четыре – новый университет, в шесть – музей, в восемь – товарищеская беседа в литературной группе «Под сенью кипариса», в десять – концерт организовавшейся позавчера филармонии в новом театре. Потом спать. Завтра бричку обещал дать наркомзем. С утра...

– Погодите, – крикнул Полуотбояринов, натягивая кальсоны. – А это самое, то есть я... хотел спросить... Ну да... а как же б-больница? Больница у вас есть?

– Есть новая больница, – жалобно сказал человек в кепке, – но ее, товарищ Полуотбояринов, придется смотреть завтра. В расписании написано «завтра».

– Ну, что ж, – заметил Полуотбояринов со вздохом, – раз так, тогда, конечно. Едем, Коля!

Человек в кепке оказался чудесным малым.

Он расширял и без того огромные восторженные глаза, которые бог знает как умещались на его маленьком коричневом лице, и болтал без умолку. Это был настоящий энтузиаст. Он любил свою маленькую страну какой-то страстной, трогательной любовью. Когда проезжали мимо шумного, кишашего людьми и пестрого, как туркестанский халат, базарчика, он сказал с отвращением:

– Этой грязи скоро не будет. Вся эта часть города будет скрыта до основания. Здесь пройдет прямой, как стрела, проспект.

Потом он показал большую голую площадь, на середине которой торчал, окруженный деревянными перильцами, нелепый камень.

– А здесь будет памятник. Кому памятник – еще не решено. Но будет.

– Скажите, – спросил Полуотбояринов, рассеянно поглядывая по сторонам, – а... как у вас насчет кабачков?.. Знаете, таких, в местном стиле... С музыкой...

– О, их нам удалось изжить, – сказал человек в кепке, – конечно, трудно было, но ничего, справились. Теперь открыта большая общественная столовая с отличными европейскими обедами.

– Что вы говорите! – с отчаянием воскликнул Полуотбояринов. Он даже приподнялся с места. – Не может быть.

– Честное комсомольское слово! – торжественно сказал человек в кепке.

И в подтверждение ударил себя кулаком по узенькой груди.

Полуотбояринов опустил на пыльное сидение брички и вытер вспотевший лоб платком.

Осмотрели гидростанцию. Потом поехали в столовую. По дороге человек в кепке еще раз продемонстрировал путникам будущий памятник.

За завтраком в глазах Полуотбояринова засветился огонек надежды.

– Отлично, отлично, – льстиво пробормотал он, с неприязнью тыкая вилкой в свиную отбивную, – очень интересно. Гм... так вы говорите, что овцеводство развивается?.. Так, так. А... виноделие процветает?

– Виноделие достигло довоенного уровня, – сказал человек в кепке, – но это пустяки. Мы не собираемся строить будущее нашей страны на виноделии. Но вот недавно мы открыли минеральный источник. Это да! Почисте нарзана будет! Разлив новой воды идет вперед гигантскими шагами!

– Ой-ой-ой! – прошептал Полуотбояринов, закрывая глаза. – Слышишь, Коля, гигантскими!

– Слышу, – сказал кроткий Коля, глотая слюну.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

Путникам подали бутылку новой воды. Они грустно чокнулись.

– За процветание будущего памятника! – заметил Полуотбояринов.

– Спасибо! – растроганно ответил человек в кепке. – Спасибо!

И неумело полез чокаться.

Осмотрели тропический институт и оросительные работы. В промежутке еще раз полюбовались на площадь с камнем. Потом побывали в университете и музее. Во время дружеской беседы в литературной группе «Под сенью кипариса» Полуотбояринов был молчалив и задумчив. Ехать в театр наотрез отказался.

– Что же это? – восклицал человек в кепке. – Ведь новая филармония. Вчера только организована.

– Не люблю я, знаете ли, музыки, – сказал Полуотбояринов. – Меня, собственно говоря, больше всего интересует быт. Скажите... как у вас танцы? Сильно развиты?

– Что вы, что вы! – замахал руками человек в кепке. – Давно изжили!

– Как? Неужели так-таки совершенно изжили?

– Совершенно.

– Ах черт побери! Это... это прямо замечательно. Слышишь, Коля?

– Слышу, – ответил Коля и пребольно ущипнул Полуотбояринова за локоть.

– Ай-яй-яй! – пискнул Полуотбояринов. – Это большое достижение. А... скажите, может быть, среди студенческой молодежи, того... какие-нибудь неувязки? Есенинщина? А? Не наблюдается?

– Какие неувязки? – спросил человек в кепке, широко раскрыв глаза.

– Ну, такие, понимаете, семейные... Так сказать, половые.

– А! Ну, этого у нас нет. Это московская проблема. Были единичные неувязки года два тому назад, это верно. Но мы их изжили в корне.

– В корне? – тупо переспросил Полуотбояринов.

– В корне! – звонко ответил человек в кепке.

Несмотря на просьбы и даже мольбы остаться еще на денек и посмотреть хотя бы новую ткацкую фабрику, путники уехали в этот же вечер.

Шурша шинами по мелкому щебню шоссе, автомобиль вылетел из города. Миновав густые горные сады, по которым, плеща, лилась невидимая вода, машина пошла вверх.

Впереди, за трепещущими отблесками автомобильных прожекторов, таились горы.

Долина осталась позади.

1929

Давид и Голиаф
Футбольный матч Украина – РСФСР

– А я вам говорю, что украинцы раздавят ресефецеровцев как котят! Во-первых, они в этом году уже давно тренируются. У них, на юге, можно тренироваться с февраля месяца. А во-вторых, они захотят отплатить Москве за прошлогоднее поражение! Уж я-то знаю! Еще в тысяча девятьсот тринадцатом году, когда Одесса играла с Ленинградом, я сказал: «Южане всегда будут бить северян».

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

Эту фразу произнес огромный усатый мужчина, вытирая лоб и щеки платком. Усатый мужчина потел. Пот стекал с него шумными весенними ручьями. Галстук душил его. Судьба зло пошутила над усатым. Когда, оттеснив толпу жирными плечами, он пробился к кассе и потребовал билет, ему задали простой житейский вопрос:

– Вам на какую трибуну? На северную или на южную?

И усатый, почувствовав себя вдруг квартирнанимателем, сказал:

– Конечно, на южную.

Теперь, сидя лицом к беспощадному солнцу, он потел и скалил зубы.

– Не выиграет Украина. Куда ей! – воскликнул маленький мальчик, сосед усатого. – Во-первых, – в голу стоит Соколов, а во-вторых, – наложат украинцам, как пить дать.

По сравнению с усатым Гулливером мальчик казался лилипутом. Мальчик не обливался потом, не скалил зубов. Он дружил с солнцем. Немигающим взглядом смотрел он на зеленое поле и ждал.

Гулливер покосился на лилипута сверху вниз. С минуту он соображал: стоит ли вступить в спор с таким маленьким? Потом не выдержал.

– Это кто же кому наложит? – спросил он ироническим басом.

– Москва наложит Украине! – звонко ответил мальчик.

Усатый затрясся от негодования.

– А известно ли тебе, мальчик, что украинцы тренируются с февраля? – язвительно спросил он.

– Известно, – ответил мальчик. – Мне все известно. Только куда им до наших. Украинцы мелкие. Не хватит выдержки.

– Знаешь что, мальчик, – сказал Гулливер, стараясь смягчить густоту своего голоса, – давай заключим пари. На три рубля! Я говорю, что побьет Украина. Хочешь?

– Пожалуйста, дяденька, – заметил мальчик, – я охотно. Только у меня таких денег нет.

– А сколько у тебя есть?

Мальчик встал и принялся рыться в карманах. Он вытащил хорошую костяную пуговицу, самодельный перочинный нож и потертый двугривенный.

– Это все, – со вздохом сказал он, – больше ничего нет.

– Ладно, – вскричал азартный Гулливер, – ставлю три рубля против ножа, пуговицы и двугривенного.

Мальчик побледнел. Ближайшие полтора часа могли лишить его всего накопленного с таким трудом богатства. В то же время прельщала возможность неслыханно, легендарно увеличить основной капитал.

– Идет! – прошептал мальчик, закрывая глаза.

Давид и Голиаф ударили по рукам.

Сорокатысячная толпа заревела. Казалось, начинается землетрясение и за первыми глухими его ударами последуют такие удары, которые разрушат бетонный стадион, подымут и понесут пыль Петровского парка и заставят померкнуть солнце.

На поле выбежала Украина в красных рубашках. За нею РСФСР – в голубых.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
Мальчик издал замысловатый возглас, который, очевидно, должен был изображать военный клич краснокожих, вцепился ручонками в колено своего мощного соседа и уже затем в продолжение всего матча не двигался с места.

Игра сразу же пошла быстрым темпом. Нападение Украины ринулось вперед. Мяч легко перелетал от красного к красному, минуя голубых. Последний москвич остался позади. Еще секунда, и украинец вобьет в ворота противника первый мяч.

Из-под усов Гулливера вырвался рокот. Мальчик закрыл глаза. Послышался сухой удар. Стадион замер. И сейчас же задрожал от криков. Вратарь сделал невозможное. Он задержал «мертвый» мяч.

– Ч-ч-черт! – прошептал Голиаф.

– А-а! – слабо вскрикнул мальчик. – Классный голкипер Соколов. Мировой голкипер!..

И еще сильнее вцепился в тучное колено соседа.

Москвичи рассердились. Теперь инициатива была в их руках. Мяч с математической точностью переходил от голубого к голубому. Его вырывали, посылали к воротам Москвы, но он снова, неумолимо, как чемпион бега, приближался к Украине. Центр полузащиты – Селин передал его центру нападения Исакову. Исаков «обвел» украинского бека и передал мяч инсайту. Путь свободен. Инсайт несется вперед. Украинский голкипер растопырил руки...

Гулливер закрыл глаза и отвернулся.

– Дае-ошь! – крикнул мальчик, сверкая глазами.

Удар! И мяч полетел в сторону, минуя ворота.

– Тьфу! Шляпа! – с омерзением сказал мальчик. – Ш-ш-ляпа!

Гулливер захохотал.

– По воротам не могут даже ударить! – завизжал он. – Ей-богу, в тысяча девятьсот тринадцатом году этого бы не было. По воротам, молодой человек, нужно уметь бить, бить-с, бить-с!

Первая половина игры окончилась вничью.

Давид и Голиаф смотрели друг на друга с нескрываемым отвращением. Голиаф пробился в буфет и притащил оттуда две бутылки сидра. Одну он утвердил между ногами – про запас, а из другой долго с наслаждением пил, фыркая, как конь, и с удовольствием отрываясь. Давиду он не дал даже глотнуть.

– Плакала твоя пуговица, мальчик, – издевался он, – плакал твой ножик. Плакал двугривенный! Наложат украинцы москвичам.

– А ты что, одессит? – грубо спросил мальчик.

– Я харьковский, – ответил толстяк, – у нас, слава богу, в футбол умеют играть. Не то что у вас в Москве.

– Смотри, дядя, за своей трешкой. А моего ножика раньше времени не касайся.

Вторая половина игры велась с необыкновенным упорством. Игроки падали, подымались, снова падали и снова бросались в бой.

И вдруг, совершенно неожиданно, на пятнадцатой минуте, московский игрок забил гол в ворота Украины.

– Что? Слопал? – крикнул мальчик.

– Сейчас отквитают, – ответил толстяк дрожащим голосом.

С этого времени мечты Голиафа сосредоточились на одном: на том, чтобы украинцы

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru отквитали гол. Мечты Давида были обратно пропорциональны.

Все усилия Украины разбивались о каменную защиту. Времени оставалось все меньше и меньше.

«Ничего, – думал толстяк, – осталось пять минут. Успеют отквитаться!»

Он не терял надежды даже тогда, когда до конца матча осталась минута. Свисток судьи прозвучал для усатого траурным маршем. Все кончилось. Усатый встал и зашатался. Обезумевший мальчик, забыв про пари, бросился вниз, чтобы вдоволь покричать и посмотреть, как качают игроков.

Толстяк, удрученный так, как будто бы его обокрали, смешался с огромной толпой и направился к выходу.

Трамваи брались с боя. Сесть в трамвай представлялось делом совершенно невозможным. Толстяк пошел пешком.

На Триумфальной площади его схватил за ногу какой-то мальчик. Это был Давид. Каким-то чудом ему удалось настигнуть Голиафа. Радости его не было границ.

– Это я, дяденька, – сказал он, тяжело дыша, – давай три рубля.

Толстяк оглянулся по сторонам, вокруг него шла нормальная городская жизнь. Все было на месте – трамваи, автобусы, милиционер. Никто не бежал, никто никого не «обводил», никто не кричал. Все было тихо, мирно и прилично.

Тогда он обдернул пиджак, поправил галстук и гордо, сверху вниз, посмотрел на мальчика.

– Давай три рубля! – повторил мальчик.

– Пошел, пошел, мальчик, – сказал толстяк. – А вот я тебя в милицию! – И, обращаясь к прохожим, добавил: – Прямо прохожу нет от этих беспризорных! Еще чего доброго в карман залезут.

И мальчик понял, что дело его безнадежно.

– Сволочь! – презрительно сказал он. – Тоже! А еще болельщик называется! Сволочь!

1929

Непогрешимая формула

1. «Джонни наигрывает»

Опера музыкальная студия Немировича-Данченко

В вестибюле я столкнулся со знакомым теакритиком перед началом спектакля.

– Ну что? – спросил теакритик. – Понравилось?

– Не знаю, – честно ответил я, – если нам удастся встретиться после спектакля, тогда я попытаюсь высказать вам свое мнение.

– Чудак человек, – сказал теакритик, – ведь все уже заранее известно.

– Неужели известно? – взволновался я.

– Конечно. Заранее известно.

– Все?

– Решительно все: музыка хорошая, постановка неважная, поют плохо, а сюжет дрянь. Я даже и слушать не буду. Уж очень тут жарко. Пойду на воздух есть мороженое.

– А вдруг окажется наоборот? Например, поют хорошо, музыка неважная, сюжет

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru плохой, а постановка дрянь. Или: постановка хорошая, сюжет неважный, музыка плохая, а певцы дрянь.

– Все известно, – лениво повторил критик, – музыка хорошая, постановка неважная, поют плохо, а сюжет дрянь.

– Почему же вы находите, что музыка хорошая? – с раздражением спросил я.

– Очень просто. Ведь опера-то идет во всем мире, а мир не настолько глуп, чтобы слушать плохую музыку.

– Хорошо. Почему же в таком случае сюжет дрянь? Ведь мир-то не настолько глуп, чтобы...

– Не будьте ребенком. В том-то и дело, что мир глуп, и хорошую музыку ему можно подсунуть только вместе с дрянным сюжетом.

– А почему постановка неважная?

– Пойдите попробуйте согласовать дрянной сюжет с хорошей музыкой. А Немирович-Данченко человек добросовестный. Очень плохо у него не получится. Следовательно, ясно – постановка неважная.

– А поют почему плохо? Ведь они, собственно говоря, и петь-то еще не начинали?

Теакритик устало махнул рукой.

– Идите послушайте. Вам хорошо. Вы не специалист. А мне-то каково. Ведь я, милый человек, все спектакли в этом театре прослушал. Меня пожалеть надо.

В голосе критика послышались слезы. В моей душе шевельнулось чувство жалости к этому милому, всеми обиженному человеку. Я хотел сказать ему несколько теплых слов, но прозвенел третий звонок, и критик убежал из театра.

Дирижер взмахнул палочкой, и оркестр грянул.

Премьера оперы «Джонни» совпала с удивительным для Москвы событием – почти тропической жарой. Поэтому первая картина, которая по замыслу автора должна была представлять глетчер, не дошла до зрителей. И действительно, не верилось, что две морщинистые полотняные штуки, уныло болтающиеся по обе стороны сцены, – и есть страшный альпийский ледник.

Композитор Макс пел между двумя полотняными штуками о том, что он, дескать, одинок и спасается от людей на глетчере. Потом пришла оперная певица Анита, и Макс полюбил ее.

В антракте зрители снимали брюки и ими обмахивались.

Анита ушла от Макса и сошлась со скрипачом Даниэлло. Негр Джонни (кстати, единственный в пьесе негр и единственный в пьесе негодяй) украл у Даниэлло его скрипку. Независимо от этого Анита ушла снова к Максиму. Потом Даниэлло попал под поезд.

«А ведь критик-то прав, – подумал я, – сюжетец – дрянь. Да и постановка неважная!»

В остальном критик тоже оказался прав.

2 «Сын солнца»

Опера 2 Государственный театр оперы и балета

«Ну-с, – думал я по дороге в театр, – советская опера должна резко отличаться от буржуазной».

– Вы куда?

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
Преодо мною стоял теакритик.

– На «Сына солнца». А что, разве все известно?

– Конечно, все, наивный вы человек. Формула остается почти та же, что и для «Джонни»: музыка хорошая, поют неважно, постановка плохая, а сюжет дрянный.

– В чем же разница, что-то не помню?

– Как же, как же? У Немировича постановка лучше, а поют хуже. Здесь – поют лучше, а постановка несколько похуже.

– Следовательно, сюжет и там и здесь...

– До свидания. Спешу в цирк. В цирке обычно у меня рождаются лучшие мои оперные рецензии.

И он убежал.

А я сидел и поражался: до чего, собака, верно определил положение!

На сцене фигурировали китайцы и европейцы. Китайцы ходили толпами. Европейцы разлагались. Страсть к «разложению» сказывалась в них настолько сильно, что они даже танцевали фокстрот, совершенно позабыв о том, что действие происходит в 1900 году, во времена боксерского восстания, когда в моду входила «полька-кокетка», а о «матчише» еще и не слыхивали.

Дочка английского полковника полюбила китайского мудреца. Мудрец в свою очередь полюбил дочку. Мудрец проболтался ей о восстании и принужден был отравиться. Она, дождавшись последнего действия, выпрыгнула в окно. То ли для того, чтобы покончить с собой, то ли для того, чтобы присоединиться к китайцам и покончить со своим английским папашей.

Перед последней картиной в фойе можно было видеть старушку в съехавшем на затылок чепце. Она подбежала к администратору и, задыхаясь, спросила:

– Где же Гельцер?!

– Какая Гельцер? – заинтересовался администратор.

– Да балерина же, гос-поди!!

– Тут, гражданка, балерина ни при чем.

– Как ни при чем! Ведь это «Красный мак»? Балет?

– Нет. «Сын солнца». Опера.

– А почему музыка похожа? И сюжет похож? И обстановка похожа? И китайцы вроде как бы одинаковые?

– А это, гражданка, обратитесь в Главискусство. Пуцай там и разберутся, где «Красный мак», а где «Сын солнца». А мы, извините, больше насчет контрамарок.

Плачущую старушку увезли.

А сочинитель сюжета уже стоял на сцене рядом с композитором и раскланивался направо и налево.

1929

Записная книжка

Алеша Безбеднов долго и уныло врал, что состоит кандидатом в члены коллегии защитников и что прием его в коллегию – вопрос двух-трех дней. Сперва Алеше верили, а потом перестали.

С утра до вечера Безбеднов вращался среди писателей, провожал в кино

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru писательских жен, укачивал писательских детишек, а иногда бегал по писательским делам в редакции журналов и, вызывая стуча палкой, требовал у растерянных бухгалтеров писательский гонорар.

Жил Безбеднов худо. То обстоятельство, что он вообще существовал еще на свете, можно было целиком и полностью приписать доброте писателей, которые его прикармливали и иногда давали немного карманных денег.

– Вот видите, – сказал я однажды, встретив его, тощего и печального, на бульваре, – видите, до чего вас довело безделье.

– Что же мне делать? – спросил он просто.

– Подумайте хорошенько. Пораскиньте мозгами. Времени у вас много. Не может быть, чтобы взрослый сильный человек не нашел при желании профессии по вкусу. Подбодритесь, Безбеднов. И, ей-богу же, вы еще увидите небо в алмазах, как сказал Антон Павлович Чехов.

– Чехов? – тускло спросил Безбеднов. – Это где же сказал, в записной книжке?

– Нет, Алеша, в «Дяде Ване». Стыдно не знать этого.

Безбеднов вдруг как-то странно посмотрел на меня, мигнул ресничками и спросил:

– Значит, про эти, про алмазы, в чеховской записной книжке ничего не написано?

– Не знаю, Безбеднов, не знаю. Я, должен вам заметить, не специалист по Чехову.

Я не видел Безбеднова целый год. И вдруг...

Я встретил его в кондитерской Моссельпрома. Свежий, пополневший, в приличной толстовке, стоял он возле стойки и поедал пирожные. Я, по привычке, оглянулся, ища глазами Алешиного мецената. Но мецената, к моему величайшему удивлению, не было.

– Хотите? – спросил Безбеднов, вытирая губы. – Отличные пирожные. Ей-богу. Я угощаю.

– Спасибо, не хочется. Но что с вами произошло? С каких пор?

– Идемте в кино. Я угощаю. Ей-богу. Вот деньги. Сто рублей. По дороге все расскажу.

Он схватил меня за руку и выволок на улицу.

– Я начал издаваться. Ей-богу.

– То есть как это – издаваться? Что вы издаете?

– Я издаюсь, – вернее, печатаюсь в журнале «Северное сияние». Ей-богу. Что я печатаю? Записную книжку.

– Какую книжку? Я никогда не видел, чтобы вы записывали что-нибудь в записную книжку.

Безбеднов вытащил из кармана журнал, развернул его и сунул мне в руки.

Наверху страницы было написано:

«Из новой записной книжки А.П. Чехова».

– Вижу, – сказал я, – но при чем тут вы?

– Читайте! – закричал Безбеднов. – Ей-богу. Скорей читайте. Сами увидите.

И я прочел:

«...Хорошо бы пьесу написать из жизни помещика...»

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

«...Помещика зовут дядей Ваней. Это ясно...»

«...Героиня – тоскующая девушка:

– Мы еще увидим небо в алмазах. Мы отдохнем, дядя Ваня, мы отдохнем...»

«...Хорошо бы рассказ написать из жизни врача...»

«...Чудное название для рассказа: „Палата № 6“...»

«...Фамилия: Навагин...»

«...Фамилия: Пересолин. Чиновник. Его жену чиновники называют – Пересолиха...»

«...Хорошее название для пьесы: „Вишневый сад“...»

«...Думаю съездить на Сахалин. Говорят – интересно...»

«...Не купить ли дачку в Ялте. Знакомые советуют...»

«...Только что получил возмутительное известие о том, что академия кассировала выборы Максима Горького. Пошлю им обидное письмо...»

«...Прекрасное название для рассказа: „Толстый и тонкий“...»

«...Только что написал „Жалобную книгу“. Знакомые одобрили...»

– Ну, что, похоже? – спросил Безбеднов.

– Свинья вы, Алеша, – ответил я, – самого бы вас за это на Сахалин. Знакомые одобряют.

Безбеднов долго смеялся, мигая ресничками.

– Я уже два отрывка продал, – сказал он наконец, отдышавшись. – Хочу теперь опубликовать записную книжку Гоголя. Я уже кое-что набросал. Сам Гоголь не догадается. Ей-богу. Вот. Слушайте.

Безбеднов вынул записную книжку и прочел:

«...Хорошо бы съездить в Рим. Говорят – интересно...»

«...Эх, тройка! Птица тройка! кто тебя выдумал?...»

«...Отличное название для пьесы: „Ревизор“...»

«...Мое представляется большое полотно под названием „Мертвые души“. Фамилия героя – Чичиков...»

«...Чуден Днепр при тихой погоде...»

«... – А ну, повертись-ка, сынку!..»

«...Не понравилась мне что-то вторая часть „Мертвых душ“. Не сжечь ли?...»

«...Сжег. Так-то оно лучше...»

«...Решил написать большое полотно под названием „Война и мир“.

– Вы с ума сошли! – крикнул я. – «Война и мир» не Гоголя, а Толстого!

– Вы уверены? – спроеил Безбеднов.

– Уверен, конечно.

– Гм... Так вы говорите Толстого? Так, так... А скажите, Толстой... тоже любил записывать свои мысли в записную книжку?

1929

Мешки и социализм

Иностранные журналисты, посещающие СССР, делятся на три группы: 1) сочувствующих, 2) безразличных и 3) ненавистников. Все они по возвращении домой делятся с читателем своими впечатлениями и умозаключениями.

– Здорово! – пишут сочувствующие. – То есть просто поразительно! Страна растет не по дням, а по часам! Никогда еще мировая история не видела такого бурного роста!

– Гм... гм... – сообщают безразличные. – Не зна-ем-с, не знаем-с! Может, что-нибудь и выйдет. Однако не слишком ли быстро вы двигаетесь, господа большевики? Не споткнулись бы!

– Варвары! – шипят ненавистники. – Выдумали тоже! Пятилетка! Реконструкция! Интервенции на них нету! Черти!

И все журналисты, к какой бы группе они ни принадлежали, в один голос отмечают энтузиазм населения.

Этот энтузиазм им абсолютно непонятен.

– Откуда все это? Как это произошло? Что случилось?

Как большевики умудрились распространить столько внутренних займов? Почему рабочие по собственному желанию борются с прогулами и поднимают производительность труда? С какой стати население Советского Союза, вместо того чтобы тихо (как в «цивилизованных» странах) заниматься делами своего семейного корыта, интересуется делами Тракторостроя, участвует в социалистическом соревновании, вносит рубли на какой-то там аэроплан и кого-то вызывает, интересуется чисткой, разоблачает вредителей, марширует в рядах культпохода, не забывает о МОПРе и спешит записаться в Автодор?

– Откуда энтузиазм? Почему энтузиазм? Ведь денег в России за энтузиазм не платят! Какой же может быть энтузиазм без денег?

Они разводят руками. Мысль, воспитанная в буржуазных школах, вскормленная за семейным обеденным столом и окрепшая в продажных редакциях газет, отказывается дать объяснение.

А нам все просто и понятно.

С хлебозаготовками случилась заминка. Вдруг неожиданно выяснилось, что для хлеба не хватает мешков.

И тотчас же, немедленно от железнодорожника т. Струся поступило предложение:

– Товарищи! Давайте собирать мешки!

Логика простая. Если человек дает мешок – убыль для него небольшая. А государству легче: будут мешки – будет хлеб. Будет хлеб – будет промышленность. Будет промышленность – будет социализм.

В сознании хозяина страны, подлинного ее строителя, – мешки и социализм сливаются в одно понятие.

Простой мешок перестает быть простым мешком. Он становится мешком социалистическим, как стали социалистическими паровозы и машины, дома и земли, люди и вещи.

Вот откуда энтузиазм, господа сочувствующие, безразличные и ненавистники!

Первый день сбора по одному Московскому узлу дал шесть тысяч мешков. Московские железнодорожники взяли на себя обязательство сдать больше пятидесяти тысяч мешков.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

Вас не удивляет этот темп, господа обозреватели советской жизни? Вы поражены? Удивлены? Вы возмущены?

Погодите! Сбор мешков только начался!

То ли еще будет!

1929

Для будущего человека
На московских улицах 7 ноября

Раннее утро. Улицы щеголяют особенной утренней чистотой. В такой час необыкновенно резко подмечаешь те детали городского хозяйства, которые скрыты в течение суетливого, шумного дня.

Остоженка. Какая ужасная мостовая! На каждом шагу ухабы и рытвины – настоящие капканы для автомобилей.

Волхонка. Немного лучше.

Моховая. Кое-как.

Тверская. Здесь есть на что посмотреть. От самого Охотного ряда идет превосходное бетонированное шоссе. У нового здания телеграфа – брусчатый подъем и дальше – сплошное асфальтовое зеркало: кусочек будущей Москвы.

Таких кусочков в этом году прибавилось немало. С каждым новым годом Москва из бывшей превращается в будущую.

Героиня сегодняшнего дня – цифра, обыкновенная цифра. В этих цифрах, превращающихся на наших глазах в новые заводы, школы, дома, фабрики, больницы, дороги, гидростанции и совхозы, – наше будущее.

На стенах и афишных тумбах еще мокрые от клея плакаты – календари сегодняшнего праздника. Они извещают о закладках и открытиях.

У вас разбегаются глаза.

Сегодня тридцать восемь различных закладок и открытий, приуроченных к двенадцатому Октябрю.

– Ваше слово, товарищ цифра!

В будущем году шестьдесят московских улиц будут покрыты новой мостовой. В том числе – бульварное кольцо и почти все Садовое кольцо.

Ах, цифры, цифры!..

Тарахтение извозчицей пролетки – первый шум в этот утренний час. Вы отвлекаетесь от приятных мыслей и смотрите на эту «карету прошлого», доживающую на московских мостовых последние свои годы. В «карете прошлого» сидит человек в кепке. Лицо его крайне взволновано. Ему не сидится на месте. Он взволнован. На плече у него большое красное знамя с золотыми кистями. На знамени слова:

«Пятилетку в четыре года».

Знаменосец спешит. Через какой-нибудь час знамя его потонет в океане других знамен. И на каждом из них большими или малыми буквами, всеми шрифтами, какие только могут быть созданы фантазией художника, будет написано слово:

«Пятилетка».

Сегодня в храме Христа Спасителя необыкновенное стечение публики. Преобладает молодежь и фотографы.

Не правда ли, странная публика! Молодежь! Фотографы! В церкви! В такой день!

Ничего не поделаешь. Храм Христа, вернее купол храма, – превосходный наблюдательный пункт для любителей эффектных зрелищ.

У входа в храм – толчея. Реплики далеко не церковно-благолепного свойства.

– Проходите, товарищи, проходите!

– Да куда вы, товарищ! Не видите – экскурсия?

– Това-рищи! Спокойствие! Пропустите экскурсию! По льготным билетам.

«Лики» святых несколько растеряны. Они не привыкли к столь странной аудитории. Во время красноречивых проповедей митрополита Введенского бывает совсем, совсем другая аудитория.

Впрочем, сегодняшние посетители вполне корректны. Они не задерживаются внизу. Поспешно, тяжело дыша, они взбираются вверх. Там с четырех колоколен – четыре необъятных пейзажа.

Москва с птичьего полета, да еще в этот день, выглядит необыкновенно нарядно. Мосты и набережные Москвы-реки как бы посыпаны маком.

Отсюда, сверху, удивляешься, как это они могут вместить столько народу.

Как понятно отсюда ощущение высоты и легкости, которое испытывают, наверно, шестьдесят летчиков, проделывающих над Красной площадью головокружительные петли и перевороты.

– Парад, парад окончился! Смотрите!

Цепочкой протянулась колонна броневиков. Прошла к себе, в казарму, рота красноармейцев. Осторожно лавируя в толпе, одна за другой пробираются восвояси посольские машины. Они развозят разодетых в пух и прах военных атташе глубоко «дружественных» стран.

– Скорее вниз! В демонстрацию!

В этом году оркестровое дело на большой высоте. Отовсюду, перебивая друг друга, сливаясь мелодиями, путаясь в тактах, звучат большие и малые духовые оркестры.

Хоровое дело – тоже на высоте. «Конная Буденного» до такой степени смешалась с «Молодой гвардией», «Кузнецами» и «По морям, по волнам», что совершенно невозможно понять, где волны и где кузнецы.

И все заглушает смех. Смеются все: дети, юноши и старики. Даже почтенные бухгалтера, чувствующие себя как-то странно без привычных портфелей, – и они не могут скрыть добродушной улыбки.

В одной из колонн качают старичка активиста. Старичок радостно повизгивает.

Пятилетняя девочка на руках у матери размахивает с тротуара флажком и приветствует проходящие колонны. Она побывала только что у здания Коминтерна и видела, как делегаты иностранных рабочих приветствовали с трибуны демонстрантов. Девочке это понравилось. И вог она копирует ораторов.

– Ура! – кричит она, помахивая флажком. – Ура!

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru – Ур-ра! – отвечают из колонн. – Смотрите, какая махонькая! А ничего – понимает.

На ребенка устремлены тысячи нежных взглядов. В этой маленькой девочке – краснощекой и веселенькой – демонстранты видят будущего человека, жизнь которого с начала до конца будет счастливой и безмятежной, того человека, для которого они подставляли себя под белогвардейские пули, для которого они переносят лишения и работают изо всех сил.

Для него, для будущего счастливого человека, строятся заводы и фабрики, марширует железная армия, жужжат пропеллеры. Для него со всех плакатов глядят слова:

– Пятилетка. Реконструкция. Социализм.

1929

День мадам Белополякиной

Мадам Белополякина просыпается поздно, в первом часу. Муж давно уже на службе. В комнате отвратительно. На столе оставшаяся после вчерашнего ужина грязная посуда (мадам Белополякина поленилась ее вымыть и оставила до утра, когда придет домработница). На стульях разбросаны юбки, чулки, бюстгалтеры. Угол одеяла съехал с постели на пол. В раскрытой дверце зеркального шкафа отражается опухшее после сна лицо и гривка неестественно желтых стриженных волос. На затылке просвечивают корни волос природного цвета – черные.

– Нью-ура! – кричит мадам Белополякина. – Нью-ур!

– Иду-у!

И в комнате появляется домработница Нюра. На лице ее выражение напряженного страха и преданности.

– Подымите сторы, – говорит мадам Белополякина. – Да подождите, не топайте ногами, как лошадь. Сначала уберите посуду. Да не гремите вы подносом... Гос-споди, несчастье мое... Подождите, говорят вам! Поставьте посуду на место.

Нюра повинуется.

– На рынке были?

– Были, – отвечает Нюра.

– Принесите сдачу. Да погодите, господа, горе мое, куда вы уходите?.. Сначала посчитаем. Сколько я вам вчера дала? Пять рублей?

– Пять.

– Что же вы купили?

Нюра привычно загибает шершавый, как наждачная бумага, указательный палец. Начинается самое мучительное – утренние расчеты.

– Да погодите вы, гос-споди, не болбочите, как индюшка, ничего понять нельзя. Так, значит, мясо один рубль шестьдесят копеек, да двенадцать копеек лук – один рубль восемьдесят две копейки, да один рубль девяносто копеек масло – будет два рубля девяносто копеек. Что вы еще брали? Телятину? Телятина – девяносто? Значит, два девяносто да девяносто будет три рубля девяносто копеек. Да тридцать восемь копеек подсолнечное... Сколько же это будет? Три рубля девяносто копеек и тридцать восемь копеек – четыре рубля тридцать восемь копеек. Все?

– Все, – говорит Нюра и вздыхает. – Больше ничего не брали.

– Значит, – высчитывает мадам Белополякина, хмуря жирный лобик, – я вам дала пять рублей, а вы истратили четыре рубля тридцать восемь копеек. Значит, сдачи – пятьдесят восемь копеек. Давайте деньги и принесите мой ридикюль. Он там, под кофточкой... Что же вы стоите, как лошадь? Вам говорят!

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
Но Нюра не двигается с места. Она ошеломленно смотрит на стенку, оклеенную прекрасными розовыми обоями со следами раздавленных клопов.

– У меня гривенник сдачи, – произносит она, с трудом шевеля губами.

– Гос-споди! – восклицает мадам Белополякина. – У нее гривенник сдачи! Откуда же гривенник, когда должно быть пятьдесят восемь. Вы что покупали?..

Счеты возобновляются.

– Телятина – девяносто, – считает Белополякина, – да мясо рубль шестьдесят, итого – два девяносто. Да рубль девяносто масло. Будет четыре девяносто. Да тридцать восемь копеек подсолнечное – пять тридцать восемь. Да двенадцать копеек лук – пять сорок восемь... Погодите! Сколько я вам дала? Пять? А вы истратили пять сорок восемь... Как же вы могли истратить пять сорок восемь, если я вам дала пять? Ну, ладно. Потом сосчитаемся. Горе мое!.. Заберите грязную посуду и давайте чай!

И мадам Белополякина вытаскивает из-под одеяла пухлые волосатые ноги.

Трудно приходится интеллигентной женщине в наше суровое время.

Мадам Белополякина часто жалуется на жизнь. Она – женщина интеллигентная. Она – тонкий, нежный организм, который не выносит нынешних треволнений и лишений. Заграничных модных журналов не докупишься. В наших, советских – сплошной ужас: вместо модных платьев – фотографии каких-то заводов и выкройки красных косынок. Приходится брать журналы на прочет, снимать с рисунков копии и платить за каждую копию шесть гривен.

Муж мадам Белополякиной где-то служит, в каком-то научном учреждении. Зарабатывает мало – триста рублей. «Литературный кружок», где танцуют по пятницам и собираются безусловно «порядочные люди», хотят закрыть. Частников прижимают налогами. Половину знакомых выслали куда-то в Соловки. Жить становится труднее с каждым днем. Прислуга – дура, ничего не понимает. Прямо кошмар какой-то.

В шесть часов появляется муж, жадно обедает и заваливается спать.

– Разбуди меня, кошечка, в восемь, – просит он. – Нужно на заседание.

– Хорошо, котик, – говорит жена.

Муж очень любит мадам Белополякину. Однако ей он надоел. Она охотно ушла бы от него. Но к кому? Ведь настоящих людей нету. Хорошо было бы выйти замуж за иностранца, уехать за границу, подальше от этой нехорошей, грубой страны. Но иностранец с честными намерениями не является. Иностранцы тоже хитрые. Норовят воспользоваться случаем и бросить.

Вечером, выпроводив мужа, мадам Белополякина красит толстые потрескавшиеся губы, основательно пудрится и ждет гостей.

Отдохнуть душой можно в обществе научного сотрудника, молодого человека Бориса Боберова.

Борис Боберов – вун. Все, что он ни говорит, – все ложь. Врет он небрежно, неряшливо, путается. Но ему прощается все. Его ложь – святая ложь.

– Здравствуйте, дорогая, – говорит он нежным голосом, целуя мадам Белополякину в пульс и подымая брови. – А у меня новость!

– Не секрет? – кокетливо спрашивает Белополякина.

– Что вы! Разве от вас могут быть какие-нибудь секреты! Впрочем, чепуха! Мне прислали из-за границы посылку.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru

– Ах! Что вы говорите!

– Представьте себе. Два английских костюма шевиотовых, пуловер, дюжину дамских шелковых чулок и потом... это... патефон «Электрода» с шестьюдесятью самыми модными пластинками.

– Вы шутите! – стонет мадам Белополякина.

– Нет, ей-богу. Я даже сам удивился. Сегодня утром получаю повестку с таможни. В повестке все вещи и перечислены.

– Вероятно, огромная пошлина!

– Пустяки! Рубля два-три. Два шестьдесят пять! Но я решил не брать.

– Почему же, почему?!

– Лень, знаете. Ехать куда-то в таможню. Волноваться. К чему?

– Это безумие! – кричит мадам Белополякина. – Да я бы, я... Нет, вы серьезно?

– Вполне. Но стоит ли об этом говорить. Ну посылка, ну патефон... Подумаешь!

Мадам Белополякина долго не может успокоиться.

Боберов напевает:

У нас, на Кубе

Ти-ри-рлм, ти-рл-рим...

Ах, Куба! Ах, Гаити, Таити, Коломбо, Валенсия! Мадам Белополякина сейчас же, на месте, готова дать палец на отсечение, чтобы побывать под этими пальмами, увидеть это море и потанцевать чарльстон при свете Южного Креста.

– Мне предлагают командировку в Париж, – говорит Боберов, зевая, – на восемь месяцев.

– Да что вы говорите! Не может быть!

– Ей-богу. На семь месяцев. Пятьсот долларов подъемных и по тысяче каждый месяц.

– Когда же?

– Да хоть завтра. Паспорт уже готов. А с визой чепуха – Константин Федорович позвонит по телефону Эрбету... В общем, все это чепуха!..

– Голубчик... Боберов... Но ведь это... это... сон, волшебный сон! Боже! Ведь вы счастливец!

– Ну, что вы, – морщится Боберов, – я хочу отказаться.

– Вы не сделаете этого! – кричит Белополякина. – Ведь подумайте! Ведь Париж! Понимаете, Париж! Гос-споди! Берлин! Заграница!

– Ну, Париж, ну, Берлин. Я не спорю, в такой поездке есть своеобразная прелесть. Но подумайте, дорогая, какие хлопоты! Носильщики! Такси! Гостиницы! Бр-р-р. При одной этой мысли у меня волосы встают дыбом.

Мадам Белополякина не находит слов.

– Да, совсем было забыл! – говорит Боберов. – Прямо умора. Коммерческий атташе одного знакомого посольства уезжает в годовой отпуск и предлагает мне на это время свой автомобиль, совершенна новый «ролс-ройс». Да я отказался.

– Гаража нет? – спрашивает Белополякина, тяжело дыша.

– Да нет. Гараж есть. И шофер есть. Но к чему мне автомобиль?

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
– Как к чему? А ездить!

– Э, дорогая! Какая это езда! Бензин воняет, трясет...

Ночью в постели мадам Белополякина грызет мужа. За бедность. За неумение устраиваться. За все.

Муж фыркает, как лошадь. Но не возражает.

Если бы ему рассказали, что жена его неграмотна, глупа, сварлива, неряшлива, что живет она в наши дни по ошибке – он ни за что бы не поверил.

1929

Энтузиаст

– Вы не знакомы? Это наш первый говорун, краса и гордость наших скромных семейных вечеров. Инженер. И какой! Мы зовем его энтузиастом. Хотите познакомиться?

С этими словами хозяин вечеринки указал мне на тощего гражданина в простых очках без оправы, который только что выпил рюмку водки и с гримасой отвращения пытался поймать вилкой скользкий грибок.

– Еще бы! – сказал я. – Что может быть приятнее знакомства с энтузиастом. Ведь нынче в энтузиастах большая потребность.

Нас познакомили.

– Наоборотко! – сказал инженер, проглотив грибок. – По имени и отчеству Иван Альбертович. Впрочем, не люблю я этих имен и отчеств. Подхалимством отдает. Не правда ли?

– Пожалуй! – заметил я.

– Вот видите! Вы со мной согласны? Гораздо лучше и приятнее называть мало знакомого человека по фамилии: товарищ Наоборотко, а хорошо знакомого по имени: товарищ Иван. Верно?

Я согласился и с этим.

Через пять минут мы с инженером Наоборотко уже вели задушевную дружескую беседу, как будто бы были знакомы по крайней мере лет десять.

– Химия! – говорил Наоборотко. – Великая вещь – химия! Сейчас, когда этому роду промышленности уделяется такое внимание, можно смело сказать, что химия – это наше будущее!

– А вы разве химик? – спросил я. – Мне казалось...

– Нет. По образованию я горняк, но служу в Химсиндикате. И, признаться, нисколько не жалею об этом. Известно ли вам, что без химии, черт распробери, не может обойтись ни одно производство! Химия – это... Нет, вы не знаете, что такое химия! – Лицо Наоборотко осветилось восторженной улыбкой. – Я, видите ли, немножко энтузиаст химического дела, – скромно сказал он. – Сейчас мы заняты проектированием замечательного химического завода. И я весь горю этой работой. Но вам, вероятно, неинтересно слушать?

– Что вы! Напротив!

Мы проговорили с Наоборотко весь вечер.

– Называйте меня просто товарищем Иваном. Не люблю я этих мелкобуржуазных отчеств, – сказал Наоборотко, прощаясь.

«Да. Это человек, – думал я, возвращаясь домой. – С таким человеком наша химия

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru будет процветать».

– Не узнаете? Забурели?

Я оглянулся. Предо мною стоял инженер Наобородко.

– Ба! Товарищ Иван. Рад вас видеть! Знаете, наша первая встреча произвела на меня большое впечатление. Я всю ночь не спал. Так вы говорите, ни одно производство не обойдется?

– Ни одно! – воскликнул Наобородко. – Во-первых, подвоз сырья. Во-вторых, вывоз продукции. Попробуйте обойдитесь!

– Простите, я не совсем вас понимаю. При чем тут подвоз и вывоз?

Наобородко расхохотался.

– Да что вы ребенок, что ли? Ведь даже младенцу известно, что ни одно производство не может обойтись без железнодорожного транспорта!

– Какого транспорта? Ведь вы говорили о Химсиндика...

– Не произносите при мне этого слова. Оно мне противно. Сключники сидят там, вот кто! Я перешел в НКПС.

– Но ведь неделю тому назад вы горели огнем энтузиазма. Вы проектировали...

– Я и сейчас проектирую. Постройку Убого-Свидригайловской ветки. Ах, транспорт, транспорт! Транспорт – это... Нет, вы не знаете, что такое транспорт. Я, видите ли, немножко энтузиаст железнодорожного дела. Но вам, вероятно, неинтересно слушать?

– Помилуйте, – пробормотал я, – что вы!..

Я попрощался.

Транспорт был в верных руках. Это было ясно.

Я встретил Наобородко в вагоне дачного поезда. Зимой, как известно, в дачных поездах народу мало, ехать скучно и всякая встреча радует.

– Вы в Москву? – спросил я.

– В нее. В матушку, – ответил он.

– Пыхтите?

Я загудел, подражая паровозу, и задвигал локтями.

– Ого-го!

Он радостно расхохотался.

– Ну, как ваша ветка? – спросил я. – В огне энтузиазма...

– Вот вы шутите, – строго сказал он, – а я вам скажу совершенно серьезно. Вы срываете ветку, бросаете ее в огонь, она горит. Хорошо ли это?

– Какой же негодяй позволит себе сжигать целую ветку?

– Какой! Какой! Тысячи негодяев! Миллионы!

Наобородко вскочил со скамейки и схватил меня за воротник пальто.

– Рубят ветки! Рубят деревья! Жгут их, как варвары, как какие-то людоеды! И из-за чего. Из-за невежества. Ведь лесоистребление бессмысленно, жестоко, в то

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru время когда есть такое чудесное топливо, как торф! Торф, торф! Знаете ли вы, что такое торф? Я проектирую сейчас грандиозные торфоразработки, которые...

– А транспорт? – грустно спросил я. – Ведь вы же служили в НКПС?

– Скопище бюрократов! – воскликнул он. – Бездушные люди! Не говорите мне о них. К тому же дикие склочники. Но вот Торфопром – это нечто потрясающее! Размах гигантский! Скоро ни один вид производства не сможет обойтись без торфа! Ведь торф – это...

Недавно я отправился в Древлест для получения кредита на новую мебель. Я долго подписывал какие-то бумаги, расписывался в толстых книгах и бродил от стола к столу. Осталось поставить окончателъную резолюцию.

– К кому обратиться? – спросил я.

– Идите в комнату номер шестнадцать. К товарищу Наобородко.

Я пошел. В комнате № 16 никого не было.

– Где же товарищ Наобородко? – спросил я у первого служащего.

– Как? Разве его там нету?

Служащий пошел вместе со мною. Комната была пуста.

– Вот странно, – сказал служащий. – Он только сегодня утром поступил к нам в качестве заведующего отделом... Марья! Вы не видели товарища Наобородко?

Курьерша остановилась.

– Товарища Наобородко? – спросила она. – Это новенького-то?

– Ну, да. Того, который кричал сегодня утром, что без мебели не может обойтись ни одно учреждение! Тоший такой, в очках!

– А! Вы разве не знаете? Ведь он только что перешел в трест цветных металлов. С Федором Петровичем не поладил. За ним и машину трестовскую прислали!..

В этот же день вечером я встретил Наобородко в театре.

– Кажется, на этот раз я не ошибусь, если скажу, что вы служите в тресте цветных металлов! – воскликнул я.

– А вот и не угадали! – ответил он. – Я ушел от них. Гады. А служу я...

В это время раздался третий звонок. Публика ринулась по местам. Боясь пропустить действие, побежал в зрительный зал и я.

Свет погас. Дали рампу.

Перед занавесом появился Наобородко.

– Товарищи! – сказал он звучным голосом. – Театр – великая вещь! Сейчас, когда этому виду искусства уделяется такое внимание, я, как новый ди: ректор театра, не могу не сказать, что ни один вид промышленности не может обойтись без этого вида искусства. Я занят сейчас проектированием нового вида театрального действия и надеюсь, что все вы, представители советской общественности, рука об руку...

Гром аплодисментов покрыл речь нового директора.

1929

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
Гослото
Начало почти что из «Тараса Бульбы».

– А! Иностранец! А ну, повернитесь–ка! Да–а. Это матерьял. Не то что наш. В Берлине покупали?

– Да нет, помилуйте. Я в том самом костюме, в котором вы видели меня до отъезда за границу. Москвошвеевский костюм.

– Рассказывайте!

– Да ей–богу. Вот и марка. На боковом кармане.

– И в самом деле. А галстук небось миланский?

– Галстук с Петровки.

– Рассказывайте.

– Даю честное слово.

– А ботинки?

– Скороходовские.

Добрый московский знакомый озадачен. Потом смотрит на меня долгим страдальческим взглядом и спрашивает:

– Зачем же вы ездили?

– На предмет ознакомления с культурной жизнью поименованных стран, – вяло отвечаю я.

– Муссолини видели?

– Нет.

– Рассказывайте!

– Честное слово!

– Папу видели?

– Нет.

– Рассказывайте!

– Ей–богу, не видел!

– Ай–яй–яй! Быть в Риме и не видеть папы!

Я пожимаю плечами. Дескать, что поделаешь, раз папа такой нелюдим и из Ватикана ни ногой.

Верьте не верьте, но о Муссолини и о папе меня расспрашивали решительно все знакомые. Кончилось тем, что я начал привирать. Сначала, краснея и путаясь, бормотал, что видел Муссолини мельком, в автомобиле, но не совсем уверен в том, что это был именно он. Путанно рассказывал о каком–то торжественном богослужении в соборе Петра, на котором, кажется, был папа. Потом окончательно распоясался и заявил, что Муссолини видел три раза: дважды на параде и один раз совсем вблизи – «вот так, как сейчас вас», а у папы был на приеме и всех удивил решительным отказом поцеловать у заместителя апостола Петра руку.

– Ну теперь расскажите, как вы ездили. Только по порядку.

Этого требовали решительно все.

Устраивались поудобнее. Закуривали. И, приготавливаясь слушать длинный интересный

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
рассказ, сладко вздыхали.

– Ну. Действуйте. Но имейте в виду – по порядку. Понимаете? Все. Как садились в поезд. Как ехали. Одним словом, вы сами понимаете.

– Ну и вот, – начинал я спокойным, эпическим тоном, – получил это я паспорт, поставили мне визы, и сел я в поезд. Поезд, надо вам сказать, отходил в четыре часа десять минут. С Белорусско-Балтийского вокзала, а сам я живу на Арбате. Поезд хороший, скорый, прямое сообщение Москва – Столбцы...

На этом месте давно уже ерзавший ногами слушатель спрашивал, почему за границей брюкодержатели, или выражал надежду, что в Италии погода, вероятно, не такая подлая, как в Москве, – и я от систематического плавного рассказа переходил к быстрым кратким ответам на вопросы.

– Макароны ели?

– Ел.

– Вкусные?

– Ничего себе. Надоели только.

– Смотрите на него. Ему итальянские макароны надоели! Кьянти пили?

– Пил.

– Вкусно?

– Ничего себе. Надоело только.

– Смотрите на него. Ему кьянти надоело!.. В Колизее были?

– Был.

– Большой?

– Большой.

– Очень большой?

– Очень.

– Везувий видели?

– Видел.

– Дымился?

– Дымился.

Тут добрый знакомый задумывался. Потом спрашивал:

– Очень?

– Что очень?

– Дымился.

– Ах, дымился? Да. Очень.

– На гондолах ездили?

– Ездил.

– Хорошо?

– Хорошо.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

Пауза увеличивалась, грозя перейти в долгое томительное молчание. Но слушатель напрягал последние силы и выдавливал, как выдавливают из тюбика остатки зубной пасты, последний вопрос:

– Итальянки красивые?

– Нет.

– Неужели все некрасивые?

– Правду сказать, мне не удалось повидать всех итальянок. Может быть, и есть красивые.

На этом беседа об Италии обычно заканчивалась, и мы переходили на милые сердцу московские темы: гастроли театра Кабуки, спартакиаду, дожди и семейные дела сослуживцев.

Итак, все ясно. Добрые московские знакомые не умеют выпрашивать, а я не умею рассказать все по порядку, начиная с того момента, когда я сел в поезд, и кончая чрезвычайно интересным, полным захватывающих положений, обратным переездом границы.

Муссолини – король мелкой буржуазии, царь и бог лавочников, театральных импрессарио, футболистов, хозяев велосипедных мастерских, карьеристов-гинекологов, боксеров и бесчисленного количества молодых людей без определенных занятий.

Жизнь этих людей сера, как солдатское сукно. Утром – «кафе-лате» – кофе с молоком, вернее молоко с кофе, светленькая бурда, которую итальянцы, набросав предварительно хлебных кусочков, хлеблют ложкой. Потом – лавка.

С двенадцати до двух Италии не существует. Закрыто все: банки, церкви, музеи, полиция, почта. Обыватель обедает. Ест пасташюту (в это понятие входят и макароны и вермишель. Слово *pasta* означает тесто). Миланезец ест пасташюту по-милански, неаполитанец – по-неаполитански и генуэзец, как читатель, вероятно, уже догадывается, – по-генуэзски.

В неаполитанской пасташюте преобладают помидоры, в миланской – мясные крошки, в генуэзской – соус из гадов – спрутов, каракатиц, морских ежей или лягушек.

На второе итальянец ест мясо или рыбу. Потом – фрукты и сыр. Все это запивается отличным вином. Вино в Италии самая дешевая вещь. Литр отличного «Барбера» стоит четыре лиры, то есть сорок копеек.

После обеда – лавка, в сумерки – лавка и вечером – лавка.

Но обыватель скуки не чувствует.

Его убедили, и убедили самым серьезным образом, что он, итальянский обыватель, не кто иной, как древний римлянин, и что французские и немецкие обыватели не стоят его подметки.

В соответствии с этим итальянский лавочник старается вести себя так, как, по его понятиям, вели себя Марк-Антоний, Виргилий или Петроний в кинофильме итальянской стряпни «Кво-вадис». Здоровается обыватель, вытянув правую руку под углом в сорок пять градусов и повернувшись в профиль. Вывешивает на самом видном месте портрет Муссолини в венке, с латинской подписью – *dux*, или в виде Наполеона, в треуголке и со скрещенными на груди руками. На лацкане пиджака обыватель носит эмалированный ликторский значок с позолоченными пучком розог и топориком – эмблему фашизма.

Разговаривая о войне с Германией, итальянский обыватель объясняет победу союзников исключительно силою итальянского оружия. При этом снисходительно добавляет:

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru – французы нам немного помогли. Надо же, черт возьми, быть справедливым!

Муссолини сыграл на самой чувствительной и уязвимой струнке нехитрого инструмента, именуемого обывателем – на тщеславии.

Вообразите себе пожилого, скучного, как кисель, рыхлого человека. Жизнь почти прошла. В висках седина. Под глазами мешки. Дети ходят в школу. Некрасивая, толстоногая жена не вылезает из церкви и аккуратно каждый год рождает по ребенку. Лавка приносит умеренный доход. Дни похожи один на другой, как свечи.

А между тем где-то когда-то была совсем, совсем другая жизнь. Звенели мечи, ржали кони, консулы произносили речи, неистовствовал плебс, в город возвращались с войны увенчанные лаврами легионы Цезаря. Тогда цвела романтика и колоннады римского форума были жарко освещены солнцем военной славы.

И вдруг серая жизнь итальянского обывателя резко изменилась. Появился человек, который сказал:

– Обыватель! Ты вовсе не сер и не туп. Это все выдумали твои исконные враги – англичане, французы, немцы, австрийцы, турки и сербы.

– Обыватель! Ты велик! Ты гениален! Ты сидишь в своей боттилерии, траттории или сартории, толстеешь, плодишь себе подобных, и никто даже не подозревает, какой номер в мировом масштабе ты вдруг можешь выкинуть!

– Обыватель! Ты любишь значки! Возьми и вдень в лацкан своего пиджака четыре или даже семь значков.

– Обыватель! Ты имеешь возможность записаться сразу в восемь различных фашистских синдикатов.

– Обыватель! Ты сможешь отныне хоронить своего соседа фруктощика Сильвио с военной пышностью по древнеримскому церемониалу. Ты сможешь нести впереди похоронной процессии бархатную подушечку, увешанную значками покойного. Кроме того, ты сможешь произнести над могилой речь, начинающуюся словами: «Римляне!» Сознайся, что до сих пор тебе не приходилось произносить речей? Вот видишь!

Человек, сказавший это, был Муссолини.

И итальянский обыватель зашевелился. Жизнь обывателя стала интересной и полной.

По улицам ходят оркестры, стены покрылись плакатами и трафаретными изображениями Муссолини. Стало много различных праздников, торжественных встреч, юбилеев, проводов, парадов, закладок и открытий. Почти каждая неделя приносит обывателю какую-нибудь новость.

– Муссолини борется с папой! Уж он-то покажет папе, где раки зимуют!

И вдруг – полная неожиданность. Стены, колонны и афишные тумбы густо облепливаются портретами папы и лозунгами: «Да здравствует папа».

Муссолини помирился с папой и лихорадочно стал его популяризировать.

Прошла неделя. И снова новость.

Принц Умберто с принцессой нарядились в средневековые костюмы и по сценарию Муссолини участвуют в самом настоящем средневековом турнире в Турине.

Через неделю снова афиши.

«По инициативе Бенито Муссолини в Веронском амфитеатре пойдут „Риголетто“ и „Турандот“, с участием Лаури-Вольпи».

Муссолини, ища популярности, не брезгует ничем. Он готов даже отбивать хлеб у прославленного тенора.

Авантюра Нобиле, из-за которой газеты учетверили свои тиражи, – предприятие чрезвычайно типичное для Муссолини.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
и обыватель ликует.

Снова пышные проводы. Снова речь Муссолини, начинающаяся словом: «Римляне!»
Снова тысячи рук, поднятых под углом в сорок пять градусов. Снова сенсация.

Генерал Нобиле в молодости.

Генерал Нобиле в кругу семьи.

Генерал Нобиле прощается с женой.

Генерал Нобиле в черной рубашке.

Генерал Нобиле в гондоле «Италии».

Собачка генерала Нобиле Титина в молодости.

Собачка генерала Титина в кругу семьи городского головы города Милана.

Собачка Титина прощается с другой собачкой.

Титина в черной попоне.

Титина в гондоле.

Папа вручает генералу Нобиле крест.

Муссолини целует Нобиле.

Нобиле целует Титину.

Титина целует другую собачку.

Другая собачка целует городского голову города Милана.

И – «Джовинецца».

«Джовинецца» на корсо Виктора Эммануила. «Джовинецца» – на корсо Венеция, на
пьяцца Дуомо, у замка Сфорцеско. Милан оглушен пошлым шарма-ночным мотивом
фашистского гимна. Мотив «Джовинеццы» страшно напоминает студенческую песенку
«От зари до зари, лишь зажгут фонари, то студенты толпой собираются».

Но вот Нобиле с крестом и собачкой улетел.

И началась новая сенсация. В витринах магазинов появились карты с точным
указанием полюса и звездочкой в том месте, где отважным генералом сброшен крест.

Потом – тревога. И – что совершенно невероятно для современной Италии – никакого
ликования.

Обыватель хватается газету и под бесконечными «приказами вождя», «напутствиями
папы», «интервью с Габриэлем д'Анунцио» и «предположениями городского головы
города Милана» – находит, где-то внизу, на задворках, заметочку о продвижении
«Малыгина» и «Красина».

Обратно пропорционально росту «приказов вождя» и «напутствий папы» уменьшается
надежда на спасение.

И вот однажды (я хорошо помню этот ослепительный знойный день) из галереи
Виктора Эммануила выкатилось слово – Бабушкин. В пять минут это слово облетело
Милан. В пять минут Бабушкин стал популярнейшим человеком Италии.

– Бабушкин исчез. Бабушкин пропал. Бабушкин прилетел.

– Сам прилетел.

О! Если бы эта популярность выпала бы на долю итальянского летчика! Он оглох бы
Страница 77

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru от звуков «Джовинеццы»! Ордена не поместились бы на его груди! Он полинял бы от поцелуев вождя, короля, папы и городского головы города Милана! Сто красавиц подарили бы ему сто собачек! Сто американских миллионерш прислали бы ему сто официальных предложений руки, сердца и миллионов. Ему подарили бы сто золотых пучков розог и такое же количество топориков. Руки, поднятые под углом в сорок пять градусов, не опускались бы в течение ста дней.

Но Бабушкин оказался русским.

– Русские нам немного помогли. Надо же, черт возьми, быть справедливыми!

Я имел честь познакомиться на днях с Бабушкиным. Он был в синей военной блузе с одиноким красным орденом. На нем, не говоря уже о топориках и пучках розог, не было ни металлических блях, ни орлов, ни перьев, ни погребальных султанов. Собачки у него тоже не было. Креста тоже. Это был человек, настоящий великолепный образец человека.

Хорошо, что итальянские обыватели его не видели. Они были бы изрядно разочарованы.

О том, что было в Италии после полета Чухновского, я не знаю. Я уехал накануне этого замечательного дня.

Когда я уезжал, надежды на спасение группы Вильери были потеряны.

Вся Италия играет в лото, в государственное, так сказать, всенародное лото.

Еженедельно, по субботам, в вечернем выпуске всех газет появляются пять цифровых комбинаций. Каждая комбинация соответствует одному из пяти городов: Риму, Милану, Турину, Флоренции и Неаполю. В каждой комбинации пять однозначных или двухзначных цифр.

В течение целой недели тысячи специальных государственных контор принимают ваши лиры и закрепляют за вами указанные вами цифровые комбинации.

Вы можете играть на два числа по всем городам. Тут есть кое-какие шансы на выигрыш, но выигрыш очень мал: на лиру – лир шестьдесят. Можете играть на два числа по одному городу. Если вы поставили, положим, лиру на восемь и пятьдесят шесть по Флоренции и если эти цифры явились первыми в цифровой комбинации именно по Флоренции – вы выигрываете лир двести. Но шансов на это очень, очень мало. Затем вы можете играть на три, четыре и пять чисел по всем городам или по одному в отдельности. Угадавший, например, пять чисел по одному городу выигрывает на лиру миллиона полтора. Таких случаев, кстати, до сих пор не было.

Еженедельно по городу расклеиваются афиши с портретами нескольких счастливых, выигравших по пятьдесят – шестьдесят тысяч лир.

Но, в общем, обыкновенная девятка – грабительница, польский банчок или штосе по сравнению с итальянским гослото – верное средство разбогатеть. Итальянцы играют. Лира – не деньги. Но зато сколько надежд! Каждую субботу обыватель ждет, волнуется и вырывает из рук газетчика вечерний выпуск.

Есть игроки по вдохновению. Они быстро входят в контору и, не задумываясь, называют первые попавшие на язык цифры.

Есть специалисты, играющие по сложным, выработанным годами упорного труда, таблицам.

Проигрывают и те и другие с легкостью необыкновенной.

– Ну и черт с ним! – говорят они. – Лира не деньги, но зато...

И ровно через неделю, одни по вдохновению, другие по таблицам, идут в контору, платят свои лиры и называют цифры.

Правительство, как говорится, «не щадя затрат и всецело идя навстречу», решило

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru успокоить мучения игроков и ввело в каждой конторе толстые справочные сонники.

Вам больше не нужно гадать, не нужно составлять трудных таблиц. Вам необходимо только почаще видеть сны и хорошенько их запоминать.

Правительство любит заботиться о благополучии граждан.

Вот солидный плешивый обыватель с женой. Они добросовестно перелистывают сонник. Он видел во сне граммофон, который играл «Джовинеццу». Вместо иголки в мембрану была почему-то вставлена сардинка. Жене приснились какие-то ангелочки, которые летали по кухне. Один из них попал в духовой шкаф и там превратился в лангусту.

Страницы толстой книги приманчиво шелестят.

– Не унывай, Лоллиточка, государство нам поможет.

И точно. Слово «граммофон» обозначено цифрой 11, мембрана – цифрой 83, сардинка – 67.

Жена тоже удовлетворена. Ангелочки идут под цифрой 38, кухня – 13 и лангуста – 24.

Яснее ясного.

Остается только определить город, и денешки можно считать в кармане. Но и этот вопрос при правильной постановке дела разрешается безболезненно.

– Где живет мой шуринок Никола? В Неаполе или не в Неаполе? В Неаполе. Факт? Факт! Ставлю на Неаполь.

– Где живет твоя мамаша? В Турине или не в Турине? В Турине! Ясно, как кофе. Ставим на Турин.

Муж подходит к конторщице и шепчет номера. Конторщица берет две лиры, записывает цифры, выдает квитанцию и любезно улыбается.

– Желаю вам счастливой игры! Надеюсь, синьор, если вы выиграете полмиллиона, вы меня не забудете?

– О! Как можно! Добрая синьора может быть спокойна! Пять или даже пятнадцать, э, да что там, пятьдесят тысяч считайте в своем кармане!

И пара, тяжело переступая порог и потом направляясь к трамвайной остановке, нисколько не сомневается в выигрыше.

А в конторе уже новые люди роятся в соннике, ищут слово «лошадь» и выслушивают от конторщицы невинные просьбы о подарке в шестьдесят тысяч лир.

Среди конторщиц лото упорно держится явно вздорный слух о каком-то чуде, выигравшем триста тысяч и подарившем барышне продавщице тысячу лир. С тех пор конторщицы лото обращаются с просьбой «не забывать» ко всем игрокам. На всякий случай.

Недавно в Неаполе появился пророк.

Сначала о нем носились темные неясные слухи. Передавали, что пророк предсказывает совершенно точные цифры. Говорили, что цифры эти он сообщает кому угодно.

Сведения о пророке появились в газетах. Писали, что пророк никогда не ошибается. Называли людей, которые неизменно выигрывают, ориентируясь на пророковские данные.

И вот какому-то шустрому репортеру удалось выпытать у пророка очередные цифры, которые совместно с портретом святого появились в газетах.

Пророк сообщил только две цифры по всем городам.

Государственные конторы не успевали выдавать квитанции. Сонники покрывались пылью. Суббота приближалась.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

Цифры выиграли. Платили, правда, немного, но слава о великом пророке из Неаполя облетела всю страну.

Началась новая неделя.

– Что скажет пророк?

Этот вопрос так сильно волновал обывателей, что на время заслонил очередной маскарад принца Умберто, очередной автомобильный рекорд и очередную речь вождя, начинающуюся словом: «Римляне!»

И пророк оправдал возложенные на него надежды.

На этот раз он назвал пять цифр по одному городу. Одна лира, поставленная на эти цифры, должна была принести миллиона полтора. Но в эту неделю государственные конторы превысили минимальную ставку до пяти лир.

Улицы были наводнены публикой. У контор вились пышные хвосты. Полиция сбилась с ног. Лир вливались широкими потоками в подвалы казначейства.

В среду ажиотаж дошел до апогея. Ставки были увеличены. Весь четверг и всю пятницу бойко торговали барышники.

Казалось, знойный субботний день никогда не кончится. Любители подсчитали, что, если выиграют цифры пророка, Италии придется сделать внешний заем, равный десяти золотым запасам Уолл-стрита. Вечерние выпуски газет вышли в удесятеренном тираже.

Цифры пророка не выиграли.

Неаполитанцы – народ экспансивный. Пророка решили бить. Но привести в исполнение этот энергичный план не удалось.

Дом пророка был своевременно оцеплен карабинерами, и пророк под защитой дюжих парней во фраках и треуголках тихо уехал в автомобиле.

О пророке никто больше ничего не слышал.

Пророк смылся.

Долго не мог успокоиться итальянский обыватель.

Но потом жизнь вошла в привычную колею. Появились сенсационнейшие сведения о новой монете, приобретенной королем нумизматов Виктором Эммануилом, и вождь сказал новую речь, начинающуюся словом: «Римляне!»

1930

Чертоза

Итальянские жандармы-карабинеры всегда ходят парочками. В треуголках с красным султаном, в белых штанах с золотым галуном, во фраках, на фал-дочках которых нашиты серебряные орлы, и в нитяных перчатках, – они похожи на прогуливающихся во время большой перемены институток. Не одеждой, конечно. А грациозностью движений, скромностью взглядов и легкостью поступи.

Итальянские патеры и монахи тоже ходят парочками. Патеры в черных своих сутанах ходят неторопливо, переваливаясь и благодушно поглядывая на мир. Взгляды их говорят:

«Да. Мы знаем, что светская жизнь темна и загадочна, но ничего, мы привыкли. Мы в любой момент готовы наставить на путь истинный каждого желающего. Вот мы идем. Смотрите, граждане. Мы не боимся мира».

Монахи ходят, как напроказившие коты, под стеночкой. На них богатые из коричневого сукна власяницы с капюшонами, опоясанные дорогой английской веревкой, черные четки и сандалии на босу волосату ногу. Движения монахов

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru торопливы. Плечи согнуты. Они пробираются среди мерного потока автомобилей, как отважные пустынные среди тигров и львов. Потупленные их фигуры говорят:

«Ну, и в переделку же мы попали. Куда ни помотришь – везде светская жизнь. То ли дело в нашем глухом монастыре, в наших суровых кельях, где тяжелым трудом мы добываем хлеб наш насущный, который даешь нам днесь. Сгинь, сатана!»

– Скажите, – спросил я знакомого итальянца, – почему монахи и карабинеры всегда ходят парочками?

– Карабинеры, – ответил итальянец, – ходят парочками потому, что в одиночку опасно. Одиночек часто колотят. А монахи – ей-богу, не знаю. Их у нас пока что не бьют.

– Может, стесняются? – допытывался я. – Может, в городе после аскетической монастырской жизни слишком много соблазнов и монахи боятся, что против соблазнов в одиночку труднее устоять?

– Это монахи-то? Стесняются?

Итальянец долго смеялся. Потом, успокоившись, сказал:

– Монахи у нас не стесняются. Поезжайте в Чертозский монастырь. Монахов там сейчас нет – они в Испании. Сейчас там музей. Увидите замечательный собор, богатейшие украшения, прелестнейшие фрески и картины. Заодно посмотрите, как жили монахи.

– Суровые кельи? – спросил». – Аскетическое уединение? Тяжелый труд?

– Поезжайте посмотрите, – ответил итальянец. – От Милана недалеко, не пожалеете. И я поехал.

Допотопный паровичок (такой паровичок лет двадцать тому назад был хорошо известен одесситам – он отвозил дачников из Одессы на Большой Фонтан) со свистом и скрежетом, не соответствовавшим его величине и ширине колеи, выполз из Милана и неторопливо покотился среди зеленых, покрытых пылью садов, среди виноградников и оросительных каналов, созданных еще Леонардо да Винчи и превративших Ломбардию в цветущий сад.

Со станции Чертоза, очень похожей на станцию Кунцево или Серпухов, прямая, усаженная деревьями, широкая аллея вела к монастырю. Впереди, задрав головы, стояли два тощих англичанина в брюках-гольф, чулках толстой доброкачественной шерсти, с биноклями через плечо и с бедкерами в руках. В Италии я видел много соборов, музеев и картинных галерей. И возле каждого из этих мест обязательно стояли два англичанина, задрав головы вверх. Они имели вид покупателей, которые на слово не верят. Им надо точно знать – цел ли фундамент, не облупилась ли штукатурка и не протекает ли, чего доброго, крыша.

– Ну, как Чертоза? – спросят их домочадцы, когда они вернутся в туманный Лондон из своего путешествия. – Понравилась?

– Ничего, – обстоятельно ответят они, – понравилась. Фундамент хороший, крепкий, еще тысячу лет выдержит, но вот водосточные трубы не худо бы подремонтировать, кое-где заржавели. А крыша ничего. Крыша понравилась.

– Начнем с собора, – сказал гид.

И мы углубились в монастырские дебри.

– Сколько монахов здесь жило? – спросил я.

– А как вы думаете?

– Тысячи две?

Гид расхохотался.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
– Двадцать четыре человека. Ни больше, ни меньше.

– Позвольте! – воскликнул я. – Но зачем же им такой огромный собор и столько ценной жилищной площади?

– А слуги! У двадцати четырех монахов было больше пятидесяти слуг. Они чистили им власяницы, подавали обед и приводили девочек.

– А как же... тяжелый труд и аскетический образ жизни?

– Да что вы, ребенок? Какой там труд! Что же касается аскетического образа жизни, то это другое дело. Монахи были чрезвычайно скромны. Вот, полюбуйте.

В соборе было двадцать четыре придела, огороженных решетками. В каждом приделе – налой и замечательная по мастерству картина. Каждый монах молился в собственном помещении. На всех картинах, написанных величайшими мастерами эпохи Возрождения, были следы творчества целомудренных хозяев: к голеньким ангелочкам, которыми в изобилии снабжены картины, бездарной рукою монахов были пририсованы нелепые юбочки.

В конце собора помещался огромный зал с двадцатью четырьмя резными тронами. Здесь монахи устраивали торжественные заседания. Сводчатая дверь вела в первый двор, огороженный креститумом. Перед входом в трапезную были устроены двадцать четыре умывальника. Здесь монахи мыли руки перед общим воскресным обедом. Трапезная была увешена картинами издания самих монахов. Как читатель, вероятно, уже догадывается, за столом стояло двадцать четыре стула.

Сейчас же за крытым двором шел второй двор. Его величина превосходила всякие ожидания. Двор был величиною примерно с Лубянскую площадь. По стенам его были расположены двадцать четыре двухэтажных дома с готическими башенками. Во двор выходили двадцать четыре толстых железных двери.

– Кельи, – сказал проводник, любясь произведенным эффектом.

– Как? – пробормотал я. – Суровые кельи отшельников?

– Оки и есть. Войдемте. Пожалуйста. Здесь столовая, тут кабинет, наверху спальня, там – ванная и ватерклозет. А вот и дворик. При каждой келийке – собственный дворик, колодец и садик. Здесь, в уединении, монахи и спасались...

– Гм... Не трудно же им было спастись. А где они сейчас?

– В Испании.

– Померли? – спросил я с сочувствием.

– Увы, синьор. К сожалению, не померли. Скоро они вернутся назад. К их приезду монастырские помещения заново ремонтируются. Тогда музей будет закрыт и доступ туристам воспрещен.

Мы осмотрели еще грандиозный пресс для давки винограда и ликерный заводик.

Проводник выпил за ваше здоровье рюмку ликера и задумчиво сказал:

– Вы правы, синьор. Спасаться для них было плевое дело. В особенности после такого ликера.

И я понял, почему монахи, попадая в города, ходят под стеночкой и не смотрят на окружающую их жизнь. Эта жизнь настолько скромна и бедна по сравнению с ихней спокойной, жирной и приятной жизнью, что им просто противно смотреть.

1930

Открытое окно

Начальник тяги товарищ Свообразов, глава большого учреждения и большой семьи, совершенно неожиданно для себя, на старости лет влюбился в машинистку вагонного отдела красавицу Бородатову.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

Автор настоящего глубоко правдивого повествования является отчаянным врагом тех юмористических рассказов, где говорится о завах и машинистках, о совместных прогулках на автомобиле и неизбежных растратах.

Поэтому он должен сразу же предупредить, что начальник тяги товарищ Своеобразов был человеком кристально честным, скромным и даже робким. Что же до машинистки вагонного отдела Бородатовой, то более чистой, милой и аккуратной девушки не рождала еще полоса отчуждения.

Как-то, в начале мая, Своеобразов открыл в своем кабинете окно и присел на подоконник. Только что прошел дождь. Внизу на вокзальной площади кипели ручьи. Вокзал с колоннами на фоне арбузного заката выглядел необыкновенно важным, значительным, как храм Юпитера во время пожара Рима. За вокзалом, у депо, переключались маневровые паровозы, а правее, в летнем клубе службы эксплуатации, деревья, казалось, распускаются у всех на глазах. Природа пахла так, как может пахнуть только однажды в году.

Нужно только не упустить случая, вовремя открыть окно и присесть на подоконник.

И тут вот начальник тяги впервые почувствовал, что влюблен, влюблен, как мальчишка, как бронеподросток. Почувствовал, что без машинистки Бородатовой жизнь не жизнь и служба не служба и что в таком состоянии он может наделать множество глупостей.

Своеобразов присел к столу, надел на большой белый нос черепаховое пенсне и постарался сосредоточиться. Но списки паровозов, настоятельно требующих среднего ремонта, решительно не лезли в голову. «Это невозможно, – подумал Своеобразов, – ведь я старый, семейный человек, вдовец, у меня сын доктор и дочь замужем. Ведь это какое-то сумасшествие, сплошная чепуха».

Он вышел из управления и два часа шатался по улицам, наступая на ноги прохожим, невпопад извиняясь и проходя под самым носом трамваев со спокойствием лунатика.

С этого дня чувство Своеобразова все усиливалось. Он похудел, приобрел юношескую подвижность, стал часто бриться и подолгу завязывать галстуки. Наконец он не вытерпел и решил объясниться.

«Будь что будет, – подумал он, – пойду прямо к ней и скажу: „Так и так, Анна Федоровна, вы меня, конечно, извините, но я вас люблю. Будьте откровенны и прогоните прочь старого дурака. Я все снесу. Но, поймите, я не могу молчать и таить дольше свою любовь“. Впрочем, нет. Так пошло. Я скажу просто: „Анечка, я люблю вас. Скажите, да или нет“. Тьфу, черт! Так еще хуже. Может быть, написать ей письмо? Нет. Так она подумает, что я трус! Ну, да ладно! Пойду в вагонный отдел. Там видно будет». И, захватив с собою проект циркулярного письма, товарищ Своеобразов одернул белый китель и направился в конец коридора.

– Вы ко мне, товарищ Своеобразов? – спросила Бородатова, отрываясь от машинки. – Сию минуту кончаю. Тут одна строчка. У вас срочное?

– Срочное, – ответил начальник тяги, глотая слюну.

– Ну вот, пожалуйста. Садитесь, я эти бумаги уберу. Вам во скольких экземплярах?

– Да, да, пожалуйста... Извините.

– В шести?

– Да, да, тут вот циркулярчик один.

– Так вы диктуйте! Я пишу в шести экземплярах.

Своеобразов взял наброски письма и, слегка задыхаясь, начал диктовать:

– Озабочиваясь подготовкой паровозного парка к усиленным перевозкам, я пересмотрел свои планы ремонта на ближайшие три месяца, переработал их и преподал на линию для исполнения.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
Своеобразов остановился и, глядя на согнутую спину Бородатовой, почувствовал, что сердце его наполнилось нежностью.

– Я, – сказал он, – не понимал до сих пор, что такое весна, молодость, любовь. Там точка... Простите, вы написали? Так вот, я продолжаю. Ввиду этого необходимо, чтобы процент больных паровозов не был больше девятнадцати – на первое августа, семнадцати – на первое сентября и четырнадцати – на первое октября.

«Она не сердится, – подумал Своеобразов. – Кажется, насчет любви и молодости я здорово завинтил».

– Эти вещи, – сказал он дрогнувшим голосом, – были для меня пустым звуком. Может быть, я стар и глуп. Может быть. Но для любви нет возраста. И я почувствовал, что жизнь еще не кончена, что я еще молод, что я могу перевернуть мир.

Бородатова встряхнула гривкой и посмотрела на Своеобразова внимательными, понимающими глазами.

– Там точка? – спросила она тихим голосом.

– Точка! – сказал Своеобразов.

«Она понимает! Она понимает! – думал он, ликуя. – И не сердится! Прелесть моя!»

И он продолжал диктовать:

– Поэтому в отношении тяговых устройств я наметил смену перекрытий над удлинненными стойлами на станции Водица и укрепление перекрытия Глухоедовского депо. Написали – депо? Здесь точка.

«Люблю, люблю, – думал начальник тяги, – люблю всю тебя, от золотой гривки до этих детских туфель со стоптанными каблучками».

– И вот, – промолвил он, – я почувствовал, что влюблен, что люблю одно юное существо большой настоящей любовью. Что мне делать?..

Бородатова наклонила голову, вынула листки из машинки и, стасовав проворными пальцами новые листки бумаги с листками копирки, вставила их в машинку.

– Мною заданы следующие нормы: – продолжал диктовать Своеобразов, – а) горячая промывка – двенадцать часов, б) холодная – сорок восемь часов, в) третья и седьмая по семьдесят два часа. Написали – по семьдесят два часа? Но поможет ли это?

«Она понимает, она понимает! – пела душа начальника тяги. – О, милая!»

И Своеобразов решился.

– Остается одно: сказать этому юному существу все, что накопело в моей душе. И я сказал. Слово за юным существом. Поможет ли оно старику на его новом жизненном пути?

Своеобразов замолчал. Бородатова ударила по точке.

«Она молчит. Она стесняется, – подумал он, – впрочем, это так естественно в ее положении».

– Итак, я кончаю. Да, поможет, если все начальники участков и начальники депо примут вышеуказанное к сведению. Здесь точка. – Своеобразов набрал в легкие побольше воздуха и сказал: – Я жду ответа.

Бородатова печатала с рекордной быстротой. Она мотала головкой, как лошадь, отмахиваясь от надоедливых мух.

«Она молчит, но она поняла. Это ясно».

– Обдумайте мое предложение и ответьте, положив руку на сердце: да или нет. Вы молчите, но я вас не тороплю. Я даю вам неделю сроку. Я кончил.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru

– Все? – спросила Бородатова.

– Все, – ответил Своеобразов.

– Как подписать?

– Как обычно. В заголовке: «Всем ТЧ и ТД циркулярно». А подпись: Т. Своеобразов. Мерси.

Своеобразов мчался в свой кабинет на крыльях любви, размахивая циркулярным письмом и наталкиваясь на открытые двери отделов.

«Она поняла. Она согласна. Я прочел ответ в ее милом, любимом лице».

– Натэ, – сказал он секретарю, передавая ему бумаги и тяжело дыша – Срочно. Циркулярно. Проверьте и дайте мне подписать.

Он подошел к окну и взглянул на знакомый железнодорожный пейзаж. Ему хотелось прыгать, петь, летать.

– Товарищ Своеобразов, – позвал секретарь, входя в кабинет. – Тут что-то странное. Поглядите-ка.

– Что еще?

Своеобразов надел черепаховое пенсне и взял бумажку.

– «Всем ТЧ и ТД циркулярно, – прочел он. – Озабочиваясь подготовкой паровозного парка к усиленным перевозкам, я пересмотрел свои планы ремонта на ближайшие три месяца, переработал их и преподал на линию для исполнения. Я не понимал до сих пор, что такое весна, молодость, любовь. Ввиду этого необходимо, чтобы процент больных паровозов не был больше девятнадцати – на первое августа, семнадцати – на первое сентября и четырнадцати – на первое октября. Эти вещи были для меня пустым звуком. Может быть, я стар и глуп. Может быть. Но для любви нет возраста. И я почувствовал, что жизнь еще не кончена, что я еще молод, что я могу перевернуть мир. Поэтому в отношении тяговых устройств я наметил смену перекрытий над удлиненными стойлами на станции Водица и укрепление перекрытия Глухоедовского депо. И вот я почувствовал, что влюблен, что люблю одно юное существо большой, настоящей любовью. Что мне делать? Мною заданы следующие нормы: а) горячая промывка – двенадцать часов, б) холодная – сорок восемь часов, в) третья и седьмая по семьдесят два часа. Но поможет ли это? Остается одно: сказать этому юному существу все, что накипело в моей душе. И я сказал. Слово за юным существом. Поможет ли оно старику на его новом жизненном пути? Да, поможет, если все начальники участков и начальники депо примут вышеуказанное к сведению. Я жду ответа. Обдумайте мое предложение и ответьте, положив руку на сердце, да или нет. Вы молчите, но я вас не тороплю. Я даю вам неделю сроку. Т. Своеобразов».

Своеобразов скомкал листок и замотал головой. Он не мог говорить.

В открытое окно доносились крики носильщиков и гостиничных агентов. Перекликались маневровые паровозы

– Черт возьми, – пробормотал Своеобразов, – страшно шумно на этой площади, страшно шумно. Невозможно работать.

Он со злобой захлопнул окно и сказал секретарю:

– Идите. А копии циркуляров оставьте. Я исправлю их, я исправлю.

1930

Знаменитый путешественник

В районное общество пролетарского туризма вошел рубаха-парень. В том, что парень являлся именно этой существенной частью мужского туалета, не могло быть никаких сомнений. Кепка парня съехала на левое ухо, мокрые усы липли к щекам, на лоб

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru свисал бодрый наполеоновский чуб, а глаза блистали несдержанным юношеским блеском.

Рубаха-парень осторожно плюнул на пол, растер плевков ногой и направился к столу, над которым висела табличка «Секретарь».

– Здорово, братишка! – добродушно воскликнул он.

– Здравствуйте, товарищ.

– Перекатилов, Архип Иванович. Это, значит, буду я. Такая, значит, моя, извиняюсь, фамилия.

– Что ж, это можно, – заметил секретарь, – присаживайтесь и расскажите, какое у вас дело.

– Дело у нас обыкновенно какое, – сказал рубаха-парень, – ботинки требуются подходящие. Покрепче.

– Гм... Но при чем тут, не понимаю, общество пролетарского туризма? Вы ошиблись. Вам в «Коммунар» надо, в соседний дом...

– Э, нет, брат, ты вола не верти, – ласково сказал парень, – мне к тебе нужно. В туризм. Потому как я, извиняюсь, есть кругосветный турист во всесоюзном масштабе. Понял? То-то. Знаменитый турист. Это, значит, я. Так вот, будучи всесоюзным путешественником, я бесповоротно истрепал ботинки. Понял, братишка? То-то! И нужны мне такие ботинки, чтобы три года носились не переносились, три года трепались не перетрепались, три года держались не передержались.

– Это интересно, – сказал секретарь. – Где же, в каких местах вы бывали?

– Ты лучше спроси, где я не бывал! – усмехнулся парень. – Везде бывал. В Ленинграде, в Минске, в Брянске, в Сталинграде, в Харькове, в Днепропетровске...

У стола секретаря постепенно стала собираться толпа любопытных. Она с уважением поглядывала на рубаху-парня.

– И во Владивостоке бывал? – спросил молоденький комсомолец, глотая слюну.

– Бывал. Четыре раза. И в Челябинске, и в Одессе, и в Хабаровске, и в Ростове, и в Баку.

– А в Мурманске?

– Как же! Приходилось. И в Батуме был.

– Интересно? – спросил комсомолец с завистью.

– Как где. Которые места есть действительно интересные.

– Зачем же вы, товарищ, путешествуете? С какой целью? Какими достопримечательностями интересуетесь?

– А ими и интересуюсь: заводами, фабриками, новыми строительствами. Так и езжу. С завода на завод, с фабрики на фабрику, со строительства на строительство. Потому, значит, что я путешественник в душе.

– Неужто и на Днепрострое был? – ахнул комсомолец.

– На Днепрострое? Сколько раз! И на Тракторострое, и на Сельмаше, в Челябинске, и в Загэс, и на «Красном путиловце»! Куда там! На керченском заводе был, на Сибкомбайнстрое, на иваново-вознесенских текстильных фабриках. В Астрахани на путине был... Эх, что говорить!.. Таких путешественников, как я, у вас в обществе туристов не сыщешь.

Толпа туристов молчала, подавленная великолепием рубахи-парня.

– А может, он врет, ребята? – прошептал комсомолец. – Ведь это же физически

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
невозможно побывать во стольких местах!

– Для кого, может, и невозможно, – сказал посетитель, – а для меня, извиняюсь, вполне возможно. А ежели не верите, то...

Он полез в карман и вынул оттуда огромную засаленную пачку удостоверений.

– Полюбуйтесь-ка! Все печати на местах. Мне, извиняюсь, везде печати ставят, чтоб, значит, потом не было нездорового недоверия. Вот печать Днепроostroя, вот Сельмаша, вот астраханская, вот бакинская... Видал миндал?

– Так ты же, товарищ, знаменитый человек! – воскликнул комсомолец. – О тебе, наверно, в газетах пишут?

– Случается, пишут, – осторожно заметил посетитель, – но я человек скромный, не люблю видеть свое имя в печати... Так-то, братишки...

– А сейчас куда собираешься?

– Сейчас? Сейчас в Казахстан думаю податься. На Турксиб. Там, говорят, лучше платят... то есть... достопримеча...

Очутившись на улице, Перекатилов почесал ушибленный при падении бок, сплюнул и пробормотал:

– Догадались, черти! Ну и жизнь, извиняюсь, поганая! До всех добираются! Даже порядочному путешественнику-летуну жить не дают!

1930

Его авторитет

Недавно мне пришлось сидеть в кабинете некоего Ивана Ивановича.

– Там бригада пришла, – сказал ему секретарь, – требует, чтобы мы на основании приказа передали в НКПС работающего у нас бывшего помощника машиниста.

– Какого машиниста? Разве у нас работает?

– Вот видите, вы даже и не знали. Конечно, работает. Маленький такой, рябой...

– Гм... рябой, вы говорите? А что он у нас делает?

– Между нами говоря, ничего. Так, какие-то бумажки согласовывает.

– Так-с. Попросите сюда бригаду. Пожалуйте, товарищи. Садитесь. Чайку не хотите ли? Нет? Чем могу?

– Тут у вас паровозный машинист служит. Так вот мы его хотим...

– Машинист? У нас? Служит? Паровозный? Вы смеетесь, товарищи...

– Да мы серьезно. У нас есть точные сведения.

– Нет у нас машиниста.

– Есть, есть. Нам известно. Маленький такой, рябой.

– Маленький? Рябой? Позвольте, позвольте... Конечно же, без него наше учреждение и минуты не сможет работать. Ну вот ни секундоочки. Все развалится без него. Он нам нужен до зарезу!

Иван Иванович вскочил с места и провел ребром ладони по своему горлу, желая подчеркнуть этим необходимость работы в учреждении маленького рябого машиниста.

– Берите кого угодно! – патетически воскликнул он. – Самого меня берите, но

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров iflandpetrov.ru
рябого... н-нет, этот номер не пройдет! Рябого я не отдам!

– Но ведь приказ!..

– Не могу, товарищи, и не просите.

– Посмотрим, – сухо сказала бригада.

– Посмотрим, – сказал Иван Иванович также сухо.

Его глаза зажглись огнем вдохновения. Предстояла длительная веселая склока, полная деятельной борьбы и острых положений.

– Я им покажу, – бормотал Иван Иванович, – я им покажу.

– А почему бы не отдать им машиниста? – спросил я. – Ведь вам он не нужен.

– Авторитет! – завизжал Иван Иванович. – Мой авторитет! Я должен победить, понимаете, должен. Из принципа. И побегу, то есть побегу, то есть побега... Тьфу! Одним словом – увидите!

Я встречал Ивана Ивановича редко. В дни наших встреч он был то весел, то печален, в зависимости от хода склоки. Передавали, что он проявил бурную деятельность. Он навалил на машиниста тысячи новых обязанностей, посадил его в кабинет и снабдил его восемью телефонами и четырнадцатью печатями. Со стороны могло показаться, что без машиниста учреждение Ивана Ивановича действительно развалится. Иван Иванович потирал руки. Склока быстро разрасталась. Говорили, что он поехал хлопотать в центр.

На днях я встретил Ивана Ивановича в поезде. Он был весел, бодр и энергичен.

– Как дела?

– Отлично, – ответил он. – Полная победа. Рябой оставлен у меня. Но чего это стоило, бат-тенька! Я сделал целый доклад на тему о необходимости оставить у меня этого... этого... забыл фамилию... Одним словом, кондуктора. Каково?

– Н-да, – заметил я, – а что вы теперь с ним сделаете?

– Пусть делает что хочет. Пусть себе согласовывает какие-нибудь бумажки. Не в этом суть.

Наш поезд опоздал на двадцать четыре часа.

– Безобразие! – вскричал Иван Иванович. – То есть просто возмутительно! Пора уже обратить на транспорт внимание! Понимаете? Серьезнейшее внимание! Просто ч-черт знает что такое! Пойду к начальнику станции, устрою ему скандал. И в жалобную книгу напишу! Нужно же наконец найти основную причину безобразий на железной дороге.

И Иван Иванович пошел выяснять.

Выяснит ли?

1931

Загадочная натура

Мимо парохода, справа налево, подвигались желтые Крымские горы. В их географически четком рисунке чудились зазубренные гривки и выпуклые бюсты шахматных коней.

Теплая голубенькая вода нежно облежала знаменитый полуостров.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru
В буфете II класса мерно дребезжали стаканы. Пассажиры пили пиво, смотрели, вытянув шеи, в широко раскрытые, обшитые медью иллюминаторы, восхищались природой и делились наблюдениями.

А в это время двое сдружившихся в дороге работников областного масштаба сидели нос к носу в курительной комнате и беседовали на родственные областные темы.

– Значит, вы теперь отдыхать? – мечтательно сказал первый. – Так. Это хорошо. Здоровый, так сказать, отдых необходим. Да. Это здорово. А я, так сказать, в командировку. Да. В командировку я. Да. М-м-да. Значит, сеноуборочную вы перевыполнили? Здорово. Это здорово. А как у вас с культпоходом?

Оказалось, с культпоходом у отпускника тоже все обстоит благополучно.

Пассажиры затронули еще ряд волнующих актуальных тем и перешли к вопросу о живом человеке. Они выискивали общих знакомых, вспоминали любимых начальников и подробно рассказывали о сослуживцах.

– Конечно, разные бывают работники, – молвил командировочный, ловко свертывая скрутку из папиросной бумаги с лиловыми строчками пишущей машинки, – в особенности в областном масштабе. – Он усмехнулся. – Есть у нас один работник. Такой товарищ Дубекин. Не слышали? Да. Товарищ Дубекин. Он, скажу вам, человек – необыкновенный. То есть не то чтобы необыкновенный, а немножко, так сказать, странный. Хотя, скажу вам, в нем нет странностей как таковых. А вот – загадочная натура и все тут! Конечно, в областном масштабе. Никак не можем найти ему разъяснения.

Командировочный пошевелил пальцами, желая этим подчеркнуть загадочность и неразъяснимость натуры товарища Дубекина.

– Припадочный он, что ли? – спросил отпускник снисходительным басом. – Такие факты иногда встречаются на практике.

– Да вы слушайте! Ничего он не припадочный. Я вам расскажу. Загадочная натура. Слушайте.

Командировочный высоко поднял брови, помедлил самую малость и с удовольствием начал привычный, как видно, рассказ:

– У нас все знают Дубекина. Еще когда были губернии, он работал в губернском масштабе, а потом, так сказать, механически стал работать в областном. И вот, скажу вам, года три назад, в связи с самокритикой, стали замечать за Дубекиным странные факты. Как сейчас помню, назначили его на мясохладобойню. У нас, скажу вам, отличная была мясохладобойня. Да. Прошло со времени назначения Дубекина месяца два, и все заметили, что процент забойности стал снижаться. Среди работников также стало замечаться разгильдяйство. Да и качество продукции захромало на все три ноги. Что за черт! Подождали еще месяца четыре и, скажу вам, пришли в ужас. Хладобойня просто гибла на глазах. Решили принять меры. Дубекина сняли и принялись прощупывать, что он за человек. Щупали, щупали – все в порядке. Стаж хороший. В уклонах не был. Ни одного взыскания. Профбилет как стеклышко. Самокритику не зажимал. Не бюрократ. Одним словом, скажу вам, никаких грехов. Что случилось? Ничего не понятно. Бросили его в кооперацию. Стали смотреть, что будет. Через месяц – стоп, начинаются неполадки. То здесь трещина, то там прорыв. Скоро с прилавка исчез даже наждачный порошок. Взяли Дубекина за манишку. Искали, смотрели, ревизовали, проверяли – все в порядке. Никаких растрат, никаких злоупотреблений, никаких самоснабжений. Честный дьявол, как снег.

– Может, он общественность не вовлекал? – спросил отпускник.

– Еще как вовлекал! – воскликнул командировочный. – Лавочные комиссии, все, как один, заявили, что Дубекин с общественностью постоянно считался. Тогда решили, что он просто лентяй. Проверили. Оказалось, ничего подобного. На службу приходил раньше всех. Уходил ночью. Домой работу брал. Отказался от отпуска. И дисциплину поддерживал на ять. Постоянно штрафовал опаздывающих.

– Может, склочник?

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ifandpetrov.ru – Ничего подобного. Проверляли. Никто не жаловался. Даже наоборот. Говорят, человек тихий, добрый, покладистый. Ко всему еще хороший товарищ. Тут, скажу вам, какая-то тайна. То есть не то чтобы мистика, а просто загадка природы. У нас все в областном масштабе ломали головы над Дубекиным. Ну, не к чему придраться. Да, бросили его, конечно, в деревню, на яйцезаготовки. Было в районе шестьдесят процентов, надо было подтянуть. Поехал Дубекин в район. Посидел там всего две недели, и что же! Процент с шестидесяти скакнул на сорок. Ну, знаете, скажу вам, тут все руками развели. Вызвали Дубекина молнией. Стали выяснять, в чем же наконец дело. Может, загибал? Оказалось, ничего подобного, не загибал. Может, послабления делал? Нет, и послаблений не делал.

– Может, на массовую работу обращал недостаточное внимание? – спросил отпускник, подумав.

– Нет. Обращал. Это было доказано. Вообще никаких дефектов. Начали выяснять, как Дубекин в домашнем быту? Нет ли, мол, какого-нибудь домашнего обрастания, каких-нибудь таких извращений в частной жизни. Не деспот ли, мол, в семейной обстановке. Обследовали. Да. И, скажу вам, оказался, сукин сын, без сучка без задоринки. Никаких загниваний. Скромный, трезвый, живет бедной трудовой жизнью. Женат только один раз. Дочь у него – девочка-пионерка. Сынишка-октябренок издает собственную стенгазету. Дедушка-пенсионер. Среди семьи Дубекин ведет воспитательную работу. Скажу вам, так сказать, всем бы нам такое семейное окружение.

– Может быть, какие-нибудь посторонние влияния?

– Эге! Я сам так сначала думал. Оказалось, нету. Напротив. Сам на всех оказывает здоровое влияние. Тут у нас, в области, только глазами захлопали. Судя по всем фактам, его не то что взгреть, а прямо за образец нужно поставить. Думали, думали и решили использовать Дубекина на литературной работе. Все-таки ценный работник, без единого взыскания, ни в чем не был замечен. Так и сделали. Только не проходит и полугода, как писатели начинают жаловаться. Читатели тоже жалуются. Издатели тоже. «Что же он, спрашивают, обидел вас, что ли?» – «Да нет, говорят, не обидел. Он, говорят, парень теплый». – «Что же он вам причинил что-нибудь или как?» – «Да нет, отвечают, ничего он нам не причинил». – «Может, он невыдержанный?» – «Нет, говорят, вполне выдержанный товарищ, только мы с ним не можем работать». – «Почему же не можете?» – «Да какой-то он, говорят, такой, одним словом, какой-то не такой, говорят, а какой-то он другой, а в общем, человек что надо. Положительный тип».

Кинулись узнавать прошлое. Авось где-нибудь в биографии что-нибудь такое отыщется. Куда там! Желаю всем такое прошлое! Отец – кустарь-одиночка без мотора. Мать – домашняя хозяйка. Просто хоть памятник ставь человеку. А аккуратный, собака, сил нет! Членские взносы, скажу вам, вперед платит. Даже в «Общество друзей радио» вперед вносит! Ну, что с ним сделаешь! И нагрузки разные несет. Никогда ни от чего не отказывается. Так у нас, в областном масштабе, и не разгадали этого человека. Загадочный характер. Тайна. Своего рода достопримечательность вроде публичной библиотеки. Один наш товарищ, горячая голова, решил было, что Дубекин просто сумасшедший, так сказать, тайный псих. Такие случаи бывали. Что ж! Послали к нему комиссию врачей под видом бытового обследования. Проверили. Нашли, что человек вполне отвечает за свои поступки и находится в полном сознании. Извинились и пошли домой. Сейчас его бросили в городской театр, налаживать оперную работу.

Командировочный вскочил.

– Ну, не загадочная натура? Не знаю, что дал бы, чтоб разгадать нашего Дубекина. Тайна природы! Неразрешимая загадка!

– А может быть, он дурак? – сказал отпускник, морща лоб. – А? Просто обыкновенный дурак. У нас такие факты встречались на практике.

Командировочный медленно сел в кресло.

– К-как вы говорите? Ду-рак?

– Конечно, дурак. Ясное дело. Тут и думать долго нечего. Дурак и есть.

Рассказы, очерки, фельетоны (1924–1932). Евгений Петрович Петров ilfandpetrov.ru
Командировочный начал багроветь.

– Дурак, – бормотал он, – гм.. дурак. Да. Как же это я.. Как же это мы.. Ах ты черт! Пожалуй, что и действительно дурак. Ай-яй-яй! Конечно, Дубекин дурак! Вот тебе раз, не догадались. Так сказать, недоучли. Недооценили.

И командировочный жалобно взглянул на собеседника.

Машина дала задний ход. Корабль задрожал.
Из-под винта, обгоняя друг друга и переворачивая арбузные корки, покатались барашки белой пены. На гранитный дебаркадер Ялтинского порта полетел причальный конец.
1932

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ilfandpetrov.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!